1911 г. ГОДЪ ВТОРОЙ. № 4–5.

ПСИХОТЕРАПІЯ

ОБОЗРѢНІЕ ВОПРОСОВЪ ПСИХИЧЕСКАГО ЛЕЧЕНІЯ И ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОЛОГІИ,

ЖУРНАЛЪ, ИЗДАВАЕМЫЙ ПРИ УЧАСТІИ

М. М. АСАТІАНИ, А. Н. БЕРНШТЕЙНА, Ю. В. КАННАБИХА, Н. Е. ОСИПОВА, О. Б. ФЕЛЬЦМАНА,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. А. ВЫРУБОВА.

СОДЕРЖАНІЕ:

Оригинальныя статьи.

С. А. Сухановъ. Циклотимія.

Н. А. Вырубовъ. Къ психоанализу ненависти.

S. Freud. Навязчивыя дѣйствія и религіозные обряды.

S. Freud. Поэтъ и фантазіи.

Т. Г. Розенталь. «Опасный возрастъ» Каринъ Михаэлисъ въ свѣтѣ психоанализа.

Обзоры.

З. Фрейдъ о Леонардо-да-Винчи (В. С.).

Jahrbuch f. psychoanalytische u. psychopathologische Forschungen. B. I. 1910. (М. Вульфъ).

Centralblatt f. Psychoanalyse. Jahrgang. I. H. 4. 1911. (Н. Вырубовъ).

Первое годичное собраніе «Международнаго общества медицинской психологіи и психотерапіи». (В. Лихницкій).

Рецензіи.

Жанэ. Неврозы. (М. Асатіани).

E. Bleuler. Die Psychoanalyse Freud's. (Психоанализъ Freud'a). (М. Кобылинская).

Dubois. О психотерапіи. (Н. Вырубовъ).

Хроника.

Первый съѣздъ Русскаго союза психіатровъ и невропатологовъ. Программа занятій съѣзда.

Объявленія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1911 ГОДЪ
НА ЖУРНАЛЪ
„СОВРЕМЕННАЯ ПСИХІАТРІЯ“

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЯТЫЙ.

Съ 1911 года „Современная Психіатрія“ вступаетъ въ новый фазисъ своего существованія. Журналъ дѣлается изданіемъ группы товарищей-психіатровъ, объединенныхъ однимъ общественно-психіатрическимъ направленіемъ; веденіе журнала становится дѣломъ коллегіальнымъ, и всему изданію придается общественное основаніе. Въ составъ редакціонно-издательскаго комитета журнала входятъ: *Д. Н. Аменицкій, А. Н. Бернштейнъ, Р. Н. Вановскій, И. Н. Введенскій, Н. А. Вырубовъ, В. М. Гаккебушъ, П. Б. Ганнушкинъ, Т. А. Гейеръ, В. А. Гиляровскій, М. А. Гуревичъ, С. Н. Давиденковъ, В. Н. Ергольскій, Е. К. Іогансонъ, Ю. В. Каннабихъ, П. Д. Максимовъ, А. І. Писнячевскій, Л. А. Прозоровъ, П. И. Растегаевъ, В. В. Родкевичъ, С. С. Сергіевскій, С. С. Ступинъ, Г. Я. Трошинъ, Т. И. Юдинъ.*

Журналъ будетъ по прежнему выходить ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ около трехъ листовъ. Подписная цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой **восемь** руб., за границу **9** руб. Цѣна отдѣльной книжки **75** коп. Подписка принимается въ конторѣ редакціи **«Современной Психіатріи»** Москва, Сокольники, Старослободская ул., д. № 18, тел. 237—09) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногороднихъ подписчиковъ просятъ направлять подписныя деньги непосредственно въ контору редакціи; въ полученіи денегъ будетъ высылаться квитанція. Допускается разсрочка подписной платы при условіи непосредственнаго обращенія въ контору журнала: при подпискѣ **4** руб. и къ 1-му Іюня—4 руб. Статьи въ заказныхъ бандероляхъ просятъ направлять по адресу редакціи. Редакція оставляетъ за собой право производить въ присланныхъ статьяхъ нѣкоторыя сокращенія. Авторы помѣщаемыхъ въ журналѣ оригинальныхъ статей получаютъ безплатно 25 оттисковъ. О всѣхъ книгахъ, присланныхъ въ редакцію, печатается извѣщеніе въ ближайшей книжкѣ журнала.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1911 г.
НА ЖУРНАЛЪ
ПСИХОТЕРАПІЯ
ОБОЗРѢНІЕ ВОПРОСОВЪ ПСИХИЧЕСКАГО ЛЕЧЕНІЯ И ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОЛОГІИ,

ЖУРНАЛЪ ИЗДАВАЕМЫЙ ПРИ УЧАСТІИ

М. М. АСАТІАНИ, А. Н. БЕРНШТЕЙНА, Ю. В. КАННАБИХА, Н. Е. ОСИПОВА, О. Б. ФЕЛЬЦМАНА.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. А. ВЫРУБОВА.

Журналъ выходитъ шестью книгами въ годъ, не менѣе трехъ листовъ каждая. Подписная цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой 4 руб., за границу 5 руб. Цѣна отдѣльной книжки—90 коп. Подписка принимается въ конторѣ редакціи „Психотерапіи“: Москва, Тверская, 68. Телефонъ 108-41.

Статьи въ заказныхъ бандероляхъ просятъ направлять по адресу редакціи. Авторы помѣщаемыхъ въ журналѣ оригинальныхъ статей получаютъ безплатно 25 оттисковъ. О каждой книгѣ, присланной въ редакцію, будетъ заявлено въ ближайшей книжкѣ журнала.

Оригинальныя статьи.

Циклотимія.

С. А. Суханова,

Прив.-доц. С.-Петербургскаго университета.

1. Общее понятіе. Наблюденіе показываетъ, что существуетъ категорія индивидуумовъ, у которыхъ происходятъ патологическія колебанія въ самомъ процессѣ психической дѣятельности, отражающіяся въ сферѣ интеллектуальной, психо-моторной и эмоціональной; при этомъ, субъектъ, подверженный такимъ колебаніямъ, замѣчаетъ, что временами теченіе мыслей у него замедляется и осуществляется съ нѣкоторымъ затрудненіемъ; онъ ясно убѣждается въ томъ, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, у него является какъ будто какая-то лѣность, нежеланіе совершать лишнія движенія, словно чѣмъ-то немножко задерживающіяся и тормозящіяся; наконецъ, параллельно или почти параллельно съ этимъ онъ переживаетъ омраченное настроеніе, доходящее минутами до мучительной тоски и сопровождающееся грустными и тягостными мыслями. Проходитъ извѣстный періодъ времени, неодинаковый у различныхъ индивидуумовъ; и тотъ-же субъектъ, испытавшій тяжелыя переживанія, становится инымъ; онъ и съ внѣшней стороны перерождается; у него и на душѣ дѣлается легко; радостное чувство имъ овладѣваетъ; мысли его текутъ теперь легко; онъ становится излишне подвижнымъ и даже иногда суетливымъ. Спустя нѣкоторое время, у него снова обнаруживается бывшее уже мрачное настроеніе, со всѣми сопровождающими его признаками, смѣняющееся новымъ подъемомъ душевной энергіи и т. д. Всѣ эти колебанія происходятъ не въ зависимости отъ внѣшнихъ условій и не подчиняются сознательно-волевымъ усиліямъ субъекта; и въ этомъ заключается одинъ изъ признаковъ, указывающихъ на ихъ болѣзненность. Для обозначенія этихъ состояній патологическаго колебанія въ душевной дѣятельности пользуются широко въ настоящее время названіемъ «циклотимія» (циркулярное или круговое разстройство настроенія или душевной дѣятельности), введеннымъ въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ психіатрическую терминологію выдающимся нѣмецкимъ клиницистомъ Kahlbaum'омъ. Этотъ послѣдній,

правда, подъ даннымъ терминомъ понималъ не совсѣмъ то, что стали обозначать имъ позднѣе, когда все чаще и чаще начинаютъ пользоваться названіемъ «циклотимія». Одно время о циклотиміи какъ бы почти перестаютъ говорить или говорятъ о ней мало; лишь недавно сравнительно, во время пересмотра и переоцѣнки старыхъ психіатрическихъ цѣнностей, слово «циклотимія» стало встрѣчаться уже нерѣдко; естественно, самое понятіе о «циклотиміи» продолжало развиваться и пришло, конечно, въ тѣсное соприкосновеніе съ современнымъ ученіемъ о маніакально-депрессивномъ психозѣ; эволюція понятія о циклотиміи способствовала, между прочимъ, разрушенію устарѣвшаго взгляда о такъ называемой «періодической нейрастеніи». Работа Wilmanns'a внесла оживленіе въ ученіе о циклотиміи и привлекла сюда вниманіе интернистовъ, ибо въ періодѣ угнетенія при циклотиміи наблюдается рядъ «нервныхъ» разстройствъ со стороны разныхъ органовъ, въ томъ числѣ и внутреннихъ. Затѣмъ, возникаетъ взглядъ, не всѣми еще раздѣляемый, что циклотимія служитъ выраженіемъ прирожденныхъ и конституціональныхъ аномалій въ центральной нервной системѣ; Deny, Сухановъ и Kahn стали говорить о циклотимической конституціи, существованіе которой не совсѣмъ понятно противникамъ этой точки зрѣнія (Баженовъ).

II. Симптомы и теченіе. Какъ уже было сказано выше, циклотимія предполагаетъ существованіе двухъ противоположныхъ съ внѣшней стороны періодовъ патологическаго измѣненія душевной дѣятельности: фазы угнетенія, или депрессіи, и фазы возбужденія, или экзальтаціи. Чтобы детальнѣе и послѣдовательнѣе оріентироваться въ пестрой клинической картинѣ циклотиміи, мы остановимся въ отдѣльности на каждомъ изъ этихъ періодовъ.

А. Депрессивно-меланхолическій періодъ бываетъ различной интенсивности; чѣмъ слабѣе онъ выраженъ, тѣмъ ближе стоитъ циклотимикъ къ границѣ между патологіей и тѣмъ, что можно-бы назвать нормой. Съ другой стороны, эта фаза угнетенія носитъ кажущееся разнообразіе въ отдѣльныхъ случаяхъ, обусловленное тѣмъ, что депрессія не одинаково отражается на трехъ главныхъ сторонахъ душевной дѣятельности: интеллектуальной, психомоторно-волевой и эмоціональной. Теперь разсмотримъ, въ чемъ выражается каждая изъ этихъ психопатологическихъ составныхъ частей,

изъ которыхъ слагается вся депрессивно-меланхолическая фаза; при этомъ, надо помнить всегда, что это дѣленіе искусственно и что въ дѣйствительности эти стороны между собою тѣснѣйшимъ образомъ переплетаются.

а) Заторможеніе интеллектуальнаго процесса выражается субъективно въ томъ, что больной замѣчаетъ, что дѣятельность его психическаго механизма замедляется и задерживается; онъ испытываетъ затрудненіе и тяжесть, когда ему приходится о чемъ-нибудь подумать или что-нибудь сообразить, особенно если дѣло касается чего-либо сложнаго, новаго или мало знакомаго. Онъ погружается въ самоанализъ собственнаго интеллектуальнаго процесса; онъ не только убѣждается въ томъ, что его соображеніе и находчивость упали; ему кажется, что онъ сдѣлался разсѣяннѣе и что память у него стала слабѣе. Ему становится труднѣе управлять своимъ вниманіемъ, не подчиняющимся волевымъ усиліямъ. Онъ много раздумываетъ по поводу своего состоянія, сравниваетъ свое настоящее съ своимъ прошедшимъ; у него зарождается мысль о томъ, что, можетъ быть, онъ всегда былъ такимъ, какъ сейчасъ, и что ни онъ, ни другіе не замѣчали этого. Сначала это—неувѣренная мысль, потомъ она превращается для него почти въ убѣжденіе, основанное на массѣ фактовъ, которые онъ припоминаетъ изъ всей своей жизни. Если прежде другіе не считали его умственно-недоразвитымъ или видѣли въ немъ даже извѣстныя способности, то это, по его теперешнему убѣжденію, зависѣло отъ какого-то страннаго, непонятно-необъяснимаго недоразумѣнія; и онъ готовъ думать, что онъ раньше притворялся и старался выставить себя въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ. Больной, находящійся въ депрессивно-меланхолическомъ состояніи, начинаетъ тяготиться своимъ привычнымъ дѣломъ, которое быстрѣе, чѣмъ прежде, его утомляетъ и истощаетъ его душевную энергію; и ея недостатокъ для него, вѣдь, весьма чувствителенъ. Занимаясь недолго умственнымъ трудомъ, онъ испытываетъ желаніе поскорѣе прекратить его, чтобы отдохнуть; но сколько-бы времени онъ ни проводилъ въ отдыхѣ, онъ не чувствуетъ себя лучше, замѣчая, что мысли также не вяжутся и что умственное напряженіе сопровождается быстро наступающей усталостью. Понятно само собою, что степень заторможенія или угнетенія интеллектуальнаго процесса различна въ отдѣльныхъ случаяхъ; и это неодинаково сказывается и въ субъективныхъ переживаніяхъ, и съ внѣшней стороны.

б) Психомоторное заторможеніе сказывается тѣмъ, что субъектъ, прежде всего самъ, замѣчаетъ, что ему словно труднѣе стало совершать произвольныя движенія; ему кажется, что онъ какъ будто утратилъ значительную часть прежней физической силы; у него развивается нѣкоторая общая слабость. Ему не хочется дѣлать лишнія движенія, такъ какъ въ это время онъ быстро утомляется. Онъ находится въ такомъ положеніи, что словно всѣ двигательные акты у него чѣмъ-то тормозятся, задерживаются, угнетаются. Вслѣдствіе этого, онъ начинаетъ больше оставаться дома, охотнѣе сидѣть или лежать, подолгу иногда не мѣняя принятаго положенія, съ задумчивымъ видомъ, съ угнетенномъ выраженіемъ на лицѣ. Несмотря на эту меньшую подвижность или даже нѣкоторую малоподвижность, которая обнаруживается въ болѣе интенсивныхъ случаяхъ, субъектъ сохраняетъ ясное представленіе о своемъ состояніи; наоборотъ, онъ переоцѣниваетъ не въ свою пользу эти факты своихъ переживаній. Въ различныхъ случаяхъ, упомянутая психомоторная задержка выражена не одинаково: то слабѣе, то сильнѣе.

в) Угнетеніе настроенія (гипотимія) является однимъ изъ субъективно-тяжелыхъ и мучительныхъ признаковъ; больной испытываетъ не только дурное настроеніе; это послѣднее становится мрачнымъ, щемяще-тоскливымъ; оно сопровождается обычно непріятными ощущеніями въ области сердца. Оно иной разъ длится безпрерывно въ теченіе нѣкотораго времени, ослабѣвая лишь немного къ вечеру и въ первой половинѣ ночи. Подъ утро тоскливость, почти какъ правило, усиливается; и надо сказать, что предъ сномъ у больного бываетъ нѣкоторая надежда на то, что, быть можетъ, онъ проснется въ лучшемъ положеніи; но эта надежда до поры, до времени не оправдывается. Такъ какъ здѣсь иной разъ болѣзнь не переходитъ извѣстныхъ границъ, то такому индивидууму легко удается нерѣдко диссимулировать свое состояніе; и часто окружающіе въ этихъ случаяхъ почти не знаютъ или даже не догадываются о той душевной трагедіи, которую переживаетъ данный субъектъ; и онъ временами, дѣйствительно, съ виду оживляется, продолжая, хотя и съ трудомъ, заниматься своимъ привычнымъ дѣломъ, тая въ глубинѣ своей души мрачныя мысли и не высказывая ихъ даже самымъ близкимъ лицамъ. Опытъ показываетъ, что окружающіе часто являются вовсе и неосвѣдомленными о томъ, что происходитъ съ такимъ индивидуумомъ. Иной-же разъ это мрачное и тя-

гостное настроеніе, доводящее субъекта временами до отчаянія, отражается рѣзко и замѣтнымъ образомъ на выраженіи его лица и его печальныхъ глазъ, въ частности. Анализируя свое состояніе, онъ видитъ въ своемъ прошломъ мало хорошаго или часто одно лишь дурное, указывающее на безцѣльность и безполезность существованія; даже больше, онъ убѣждается постепенно въ томъ, что онъ принесъ въ своей жизни много вреда; и угрызенія совѣсти приводятъ его къ заключенію, что, можетъ быть, и жить-то не стоитъ. Онъ сравниваетъ въ моральномъ отношеніи себя съ другими людьми и дѣлаетъ выводъ не въ свою пользу. Сознавая мучительность настоящаго положенія, онъ полагаетъ, что ему не будетъ лучше; онъ даже увѣренъ въ этомъ, думая, что душевныя страданія его будутъ длиться безъ конца, что положеніе его можетъ ухудшаться и что дѣла будутъ больше запутываться. Несмотря на свое тяжелое состояніе, онъ часто не говоритъ объ этомъ никому изъ окружающихъ, считая это лишнимъ, не интереснымъ для другихъ или догадываясь, что ему не повѣрятъ, пожалуй. Ему кажется, что онъ виноватъ во многомъ самъ; и онъ является убѣжденнымъ пессимистомъ по отношенію къ собственнымъ душевнымъ качествамъ, идеализируя въ то-же время окружающихъ. Не видя въ будущемъ просвѣта, не питая надежды ни на что свѣтлое для себя, ни на что радостное сколько-нибудь, такой индивидуумъ все чаще и чаще начинаетъ думать о прекращеніи своего существованія, какъ единственномъ выходѣ изъ создавшагося тягостнаго положенія; но эти свои побужденія онъ тщательно скрываетъ отъ всѣхъ окружающихъ, пугаясь такихъ мыслей въ болѣе свѣтлые моменты. Если нѣтъ сколько нибудь большого заторможенія со стороны психомоторной, если волевыя побужденія могутъ осуществляться сравнительно легко, то больной иногда неожиданно для окружающихъ кончаетъ жизнь самоубійствомъ. И, повидимому, многіе случаи самоубійствъ, о которыхъ приходится слышать или о которыхъ читаемъ въ газетахъ, имѣютъ именно эту подкладку, эту психологическую основу; такого рода случаи поражаютъ, естественно, окружающихъ своей кажущейся неожиданностью, производя впечатлѣніе загадочныхъ, непонятныхъ и необъяснимыхъ трагическихъ происшествій; вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, окружающіе часто не могутъ поставить ихъ въ связь ни съ какой опредѣленной и видимой внѣшней причиной; внутренняя, скрытая, истинная причина остается неясной, неуловимой. Однако, лишь меньшая часть циклотимиковъ, переживающихъ

депрессивно-меланхолическій періодъ, прибѣгаютъ къ самоуничтоженію; у огромнаго-же большинства ихъ инстинктъ самосохраненія беретъ перевѣсъ надъ болѣзненными побужденіями, особенно если создаются внѣшнія условія, благопріятныя для больного въ моральномъ отношеніи. При угнетенномъ настроеніи у циклотимика отмѣчаются еще и другіе признаки; напр., субъектъ въ это время жалуется на то, что онъ сдѣлался, словно, безчувственнымъ; ему кажется, что измѣнилось его отношеніе къ близкимъ лицамъ; онъ увѣряетъ, что онъ знаетъ о томъ, что хорошо и что дурно, лишь потому, что онъ не утратилъ самосознанія и продолжаетъ еще мыслить; настоящія-же прежнія эмоціональныя переживанія стали для него несуществующими; онъ знаетъ о нихъ теперь лишь при помощи ума, сердце-же на нихъ какъ будто не реагируетъ. И это субъективное обстоятельство усиливаетъ душевное страданіе такого индивидуума. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ испытываетъ чувство оторванности отъ внѣшняго міра, отчужденности отъ него, онъ замѣчаетъ, что жизнь проходитъ словно мимо его, мало его касаясь и оставляя его въ положеніи посторонняго наблюдателя, которому все, происходящее вокругъ, какъ будто чуждо. Здѣсь нужно добавить, что признаки, связанные съ угнетеніемъ настроенія или съ гипотиміей, будутъ неодинаковы въ отдѣльныхъ случаяхъ; и это зависитъ, главнымъ образомъ, отъ интенсивности патологическаго процесса.

Интересно отмѣтить, что степень или сила депрессивнаго процесса часто бываетъ весьма неодинакова у одного и того-же лица въ теченіе даннаго періода; наблюдая циклотимиковъ, легко убѣдиться въ томъ, что въ этомъ періодѣ иногда больше поражается интеллектуальная дѣятельность и меньше психомоторная, то—наоборотъ; то встрѣчаются иныя комбинаціи въ этомъ отношеніи.

Въ депрессивно-меланхолическомъ періодѣ циклотиміи наблюдаются и признаки функціональнаго или такъ называемаго „нервнаго“ разстройства со стороны различныхъ внутреннихъ органовъ. Упомянемъ здѣсь вкратцѣ объ этихъ симптомахъ; сюда относятся: безсонница, иногда упорная, или въ видѣ тревожнаго, прерывистаго и не глубокого сна, общее похуданіе, ощущеніе сжиманія въ головѣ, непріятныя ощущенія въ области сердца, признаки нѣкотораго спазма периферическихъ сосудовъ, отсутствіе аппетита, наклонность къ запорамъ и пр. Вотъ эти симптомы, не имѣющіе анатомиче-

ской подкладки, и заставили интернистовъ обращать больше вниманія на психическое состояніе паціента.

Б. Періодъ экзальтаціи слѣдуетъ роковымъ образомъ за депрессивно-меланхолической фазой; если онъ выраженъ слабо и если неправильности поведенія субъекта не переходятъ извѣстныхъ границъ, то вовсе и не заходитъ рѣчи о болѣзненномъ состояніи; самъ же индивидуумъ, естественно, также не станетъ въ это время обращаться за медицинскою помощью, въ которой онъ нуждается лишь въ теченіе другого періода. Эту фазу легкой экзальтаціи мы знаемъ скорѣе на основаніи наблюденій надъ циклотимиками, вращающимися въ такомъ состояніи въ обществѣ, чѣмъ на основаніи наблюденій въ клиникѣ или знакомства съ паціентами санаторія для нервно-больныхъ. Чтобы имѣть руководящую идею при описаніи и анализѣ признаковъ циклотимической экзальтаціи, мы будемъ придерживаться и здѣсь того же плана, какъ и тамъ, гдѣ говорилось о циклотимической депрессіи, т. е. послѣдовательно остановимся на экзальтативномъ измѣненіи различныхъ областей душевной дѣятельности: интеллектуальной, психомоторно-волевой и эмоціональной.

а) Интеллектуальная экзальтація сказывается субъективно тѣмъ, что индивидуумъ замѣчаетъ, что психическій процессъ совершается у него легко и что мысли текутъ болѣе быстрымъ темпомъ. Его память обостряется, онъ скорѣе припоминаетъ многое, что прежде, особенно въ теченіе депрессіи, всплывало въ полѣ сознанія съ трудомъ. Онъ говоритъ, что онъ сталъ сообразительнѣе и находчивѣе, что у него много плановъ разнаго рода, которые онъ мечтаетъ и надѣется осуществить. Будучи въ такомъ состояніи, субъектъ временами испытываетъ творческій подъемъ; если дѣло касается человѣка съ литературнымъ дарованіемъ, то онъ пользуется этимъ періодомъ, чтобы написать задуманное и чтобы воплотить, часто въ художественныхъ образахъ, то, что прежде смутно чувствовалось и не ясно сознавалось. Если въ періодѣ угнетенія интеллектуальной дѣятельности индивидуумъ жаловался на то, что ему трудно мыслить и соображать и что мысли его въ то время не вязались между собою, то теперь онъ переживаетъ словно обратное состояніе; иной разъ онъ указываетъ на то, что идеи переполняютъ его голову и рвутся наружу.

б) Психомоторное возбужденіе выражается въ томъ, что субъектъ испытываетъ потребность въ нѣсколько

излишнихъ движеніяхъ; при этомъ, онъ не такъ уже легко утомляется. Если это возбужденіе нѣсколько усиливается, то появляется у него суетливость; ему трудно временами сидѣть на одномъ мѣстѣ, онъ стремится больше ходить, ищетъ общества и развлеченій, охотно бродитъ по улицамъ, придумывая какіе-нибудь мотивы, чтобы оправдать бездѣльность своихъ блужданій. Въ связи съ психомоторнымъ и интеллектуальнымъ возбужденіемъ обнаруживается и частное проявленіе его, именно рѣчевое. Субъектъ въ это время становится разговорчивѣе, охотно вступаетъ въ бесѣду съ незнакомыми людьми, даже не особенно иногда стѣсняясь ни мѣстомъ, ни временемъ; онъ готовъ произносить рѣчи, ему нравится роль оратора; и надо сказать, что при циклотимической экзальтаціи индивидуумъ нерѣдко имѣетъ успѣхъ не только въ толпѣ, но и въ организованныхъ собраніяхъ, увлекая многихъ своимъ неподдѣльнымъ чувствомъ и настроеніемъ.

в) Повышенное настроеніе, или гипертимія, является однимъ изъ симтомовъ, которому прежде придавалось первенствующее значеніе при маніакальныхъ состояніяхъ; сознаніе субъекта, переживающаго это настроеніе, озаряется радостными и свѣтлыми надеждами и перспективами; онъ доволенъ своими способностями; онъ бодръ, веселъ и оживленъ. Будущее рисуется ему въ привлекательномъ и интересномъ видѣ; онъ склоненъ преувеличивать свои силы, умственныя и физическія; на лицѣ его часто играетъ беззаботная улыбка довольства и легкомыслія. Окружающая жизнь привлекаетъ его; нерѣдко онъ погружается, при этомъ, въ житейскій водоворотъ, со всѣми его отрицательными сторонами. Потребность въ работѣ сопровождается чувствомъ удовольствія, ибо многое, за что онъ берется, дѣлается имъ быстро и часто недурно, если, конечно, экзальтація не переходитъ извѣстныхъ границъ.

В. Смѣшанныя состоянія. Выше дано краткое описаніе двухъ типическихъ періодовъ, входящихъ въ составъ циклотиміи; однако, наблюденіе показываетъ, что дѣло обстоитъ не всегда такъ просто; иной разъ, напримѣръ, въ картинѣ циклотимической депрессіи одна изъ сторонъ душевной дѣятельности является не угнетенной, а возбужденной. То же самое надо сказать и относительно циклотимической экзальтаціи, гдѣ въ картину возбужденія вплетаются нѣкоторые признаки, встрѣчаемые, по преимуществу, при угнетеніи душевной дѣятельности. Хотя и прежніе психіатры-клиницисты

были знакомы съ этими смѣшанными состояніями, но больше вниманія на эти послѣднія было обращено подъ вліяніемъ Kraepelin'овскаго ученія о маніакально-депрессивномъ психозѣ (Weygandt, Ballet). Среди смѣшанныхъ состояній при циклотиміи можно различать нѣсколько своеобразныхъ комбинацій.

1) Депрессія съ наплывомъ мыслей (depressio cum fuga idearum) представляетъ собою фазу угнетенія, гдѣ при заторможеніи психомоторной сферы и при пониженіи настроенія (гипотимія) существуетъ та или иная степень интеллектуальнаго возбужденія; и больной, переживающій тоску и наклонный къ нѣкоторой неподвижности, жалуется на то, что мысли не даютъ ему покоя; онъ вспоминаетъ, иногда до мельчайшихъ подробностей, всю прошлую жизнь; и эти воспоминанія носятъ назойливый характеръ и окрашены мрачнымъ настроеніемъ. Вслѣдствіе наплыва мыслей у него является часто потребность высказаться предъ кѣмъ-нибудь, чтобы этимъ облегчить свое тягостное душевное состояніе.

2) Ажитированная депрессія. Въ случаяхъ, соотвѣтствующихъ этому смѣшанному состоянію, у больного наблюдается стремленіе много ходить и двигаться, что̀ обусловливается психомоторнымъ возбужденіемъ; при чемъ, въ то же время субъектъ жалуется на тоску и на то, что ему трудно думать и соображать, что голова его словно пустая (нтеллектуальная задержка).

3) Эйфорическая депрессія. Здѣсь, при существованіи интеллектуальнаго заторможенія и психомоторной задержки, больной находится въ сравнительно хорошемъ настроеніи и временами даже ему безпричинно весело, хотя у него нѣтъ ни особой подвижности, ни желанія заниматься даже привычнымъ умственнымъ трудомъ.

4) Непродуктивная экзальтація. Въ случаяхъ этого рода субъектъ хорошо настроенъ и веселъ; онъ охотно и много даже двигается; но у него нѣтъ говорливости; наоборотъ, онъ оказывается молчаливымъ. И тутъ бросается въ глаза сравнительная умственная бездѣятельность, та или иная степень интеллектуальной задержки.

5) Акинетическая экзальтація выражается въ томъ, что у больного, при повышенномъ настроеніи (гипертимія) и при интеллектуальномъ возбужденіи, наблюдается нѣкоторое психомоторное угнетеніе; онъ веселъ, много говоритъ, высказываетъ остроумныя мысли; но у него нѣтъ

потребности двигаться, и онъ остается спокойнымъ въ этомъ отношеніи (вслѣдствіе психомоторнаго заторможенія).

6) Гипотимическая экзальтація. Сюда относятся тѣ случаи циклотимической экзальтаціи, гдѣ рѣчевое и двигательное возбужденіе сопровождается раздражительностью, недовольствомъ всѣми, постояннымъ брюжжаніемъ и жалобами на скуку, и гдѣ бываютъ даже приступы тоски, съ наклонностью къ самоистязанію и къ самоубійству.

Кромѣ перечисленныхъ только-что смѣшанныхъ состояній, представляющихъ собою болѣе или менѣе длительныя фазы, приходится видѣть при циклотиміи возникновеніе кратковременныхъ признаковъ экзальтаціи на депрессивномъ фонѣ и, обратно, симптомовъ угнетенія при экзальтаціи. Иной разъ приходится видѣть, что субъектъ, переживающій длительную циклотимическую депрессію, на нѣсколько минутъ или часовъ становится веселымъ и освобождается отъ своей тоски; наоборотъ, въ самый типичный періодъ циклотимической экзальтаціи вплетаются признаки щемящей тоски и тревоги, съ наплывомъ мрачныхъ идей, даже съ побужденіемъ къ самоубійству.

Что касается теченія болѣзни при циклотиміи, начала страданія, то надо замѣтить, что послѣднее обнаруживается такъ или иначе съ юношескихъ лѣтъ или даже съ отроческаго возраста; и, дѣйствительно, въ это уже время можно констатировать существованіе нѣкоторой періодичности и неустойчивости настроенія; правда, тогда еще эта періодичность выражена слабо и мало мѣшаетъ умственнымъ занятіямъ. Позднѣе, она намѣчается все рѣзче и рѣзче, давая, затѣмъ, характерную картину циклотиміи, съ опредѣленными и болѣе или менѣе рѣзкими фазами, о которыхъ была рѣчь выше.

Періоды депрессіи и періоды экзальтаціи бываютъ самой разнообразной продолжительности не только у разныхъ циклотимиковъ, но даже у одного и того-же циклотимика. Съ возрастомъ и съ перемѣною жизненныхъ условій мѣняется продолжительность этихъ двухъ фазъ. Если въ молодомъ возрастѣ удается обычно установить, хотя бы приблизительно, начало и конецъ каждаго изъ этихъ періодовъ, то въ среднемъ возрастѣ нерѣдко создается картина смѣшанныхъ состояній, гдѣ лишь тщательный анализъ наблюдаемыхъ симптомовъ даетъ возможность отграничивать депрессію отъ экзальтаціи и обратно. Иной разъ встрѣчаются такіе случаи, когда существуетъ довольно быстрая смѣна этихъ двухъ фазъ; напр.,

бываетъ такъ, что въ теченіе нѣкотораго времени у циклотимика одинъ день „хорошій“ (экзальтація), другой—„дурной“ (депрессія).

III. Предсказаніе и исходъ. Относительно каждаго приступа депрессіи, какъ-бы онъ не затянулся, можно сказать почти съ увѣренностью, что онъ закончится благопріятно; даже пожилой возрастъ мало сравнительно омрачаетъ прогностику въ данномъ случаѣ. Если приступы замѣтной депрессіи являются повторными, то возможно думать, что и новый приступъ ея будетъ длиться приблизительно столько-же времени, хотя это на дѣлѣ нерѣдко оказывается гадательнымъ; ибо циклотимикъ можетъ освободиться отъ своего тяжелаго состоянія или раньше нѣсколько, или позднѣе. То же самое можно сказать и относительно періодовъ экзальтаціи. Что касается исхода, то надо сказать, что циклотимія, разъ обнаружившаяся, даетъ о себѣ знать въ теченіе всей жизни субъекта, проявляясь, то ярче, то слабѣе, иногда затихая и приближаясь къ тому, что принято считать нормою. Циклотимія, если нѣтъ осложняющихъ моментовъ, не ведетъ сама по себѣ къ ослабленію умственныхъ способностей; но тамъ, гдѣ приступы ея рѣзче и гдѣ эта обостренность ихъ часто повторяется, тамъ можетъ наступить нѣкоторое суженіе кругозора, ибо болѣзнь мѣшаетъ тогда систематическому пріобрѣтенію знаній и правильной мыслительной дѣятельности.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ циклотиміи депрессивно-меланхолическая фаза становится настолько интенсивной и глубокой, что приводитъ субъекта въ спеціальное заведеніе, давая картину прежней „меланхоліи“, иногда съ галюцинаціями, съ бредовыми идеями; то же самое нужно сказать и относительно фазы экзальтаціи, переходящей въ то, что прежде называли „маніей“. Но эти обостренія на циклотимическомъ фонѣ встрѣчаются не всегда, и многіе циклотимики остаются таковыми въ теченіе всей своей жизни, не страдая „маніакально-депрессивнымъ психозомъ“, абортивной формой котораго является циклотимія. Нѣсколько чаще неблагопріятное теченіе циклотимія принимаетъ въ инволюціонномъ періодѣ, когда къ нему присоединяется преждевременное пораженіе мозговыхъ сосудовъ артеріосклеротическимъ процессомъ.

IV. Патогенезъ и причины. Въ виду того, что въ случаяхъ циклотиміи существуетъ много признаковъ, указывающихъ на разстройство сосудистой иннерваціи головнаго

мозга, возникаетъ прежде всего, конечно, предположеніе о томъ, что здѣсь играютъ роль патологическія колебанія кровообращенія въ головномъ мозгу. Знаменитый нѣмецкій психіатръ-анатомъ Theodor Meynert по поводу циркулярнаго психоза высказывалъ предположеніе, что тутъ, въ основѣ болѣзни, лежитъ нарушеніе сосудистой иннерваціи, происходящее чрезъ патологическое угнетеніе и раздраженіе сосудистаго центра. Д-ръ Thalbitzer, обращая вниманіе на смѣшанныя состоянія при маніакально-депрессивномъ психозѣ, легкимъ проявленіемъ котораго будетъ циклотимія, старается подвести подъ фактъ существованія упомянутыхъ смѣшанныхъ состояній анатомическое обоснованіе; зная локализацію интеллектуальныхъ функцій (лобныя доли) и психомоторныхъ (въ широкой области центральныхъ извилинъ), онъ считаетъ возможнымъ дать локализацію настроенія (въ затылочныхъ доляхъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ авторъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что каждая изъ этихъ областей имѣетъ, до нѣкоторой степени, обособленную сосудистую иннервацію и, слѣдовательно, кровообращеніе въ нихъ можетъ разстраиваться нѣсколько самостоятельно. Повидимому, сосудистый аппаратъ головного мозга, какъ одного изъ нашихъ важнѣйшихъ органовъ, имѣетъ свою особую центральную иннервацію; при чемъ, надо думать, что общій сосудодвигательный центръ содержитъ въ себѣ обособленную группу нервныхъ элементовъ, управляющихъ тонусомъ сосудистаго аппарата головного мозга. И я склоненъ предполагать, что циклотимія есть, быть можетъ, выраженіе патологической функціи центральнаго нервнаго прибора, вліяющаго на тонусъ кровообращенія въ головномъ мозгу.

Указанная функціональная аномалія является, повидимому, прирожденной, могущей усиливаться съ возрастомъ и обостряться при неблагопріятныхъ условіяхъ; вотъ почему есть основаніе предполагать, что циклотимія—конституціональное страданіе и что существуетъ категорія субъектовъ съ прирожденной циклотимической конституціей, внѣшнія проявленія которой могутъ усиливаться при неблагопріятныхъ условіяхъ, и, наоборотъ, сглаживаться, до нѣкоторой степени, и обнаруживаться менѣе рѣзко, если принимаются профилактическія мѣры или если, напр., субъектъ, переживающій депрессивный приступъ, находится подъ благопріятнымъ психотератпевическимъ воздѣйствіемъ.

Въ періодъ увлеченія исключительно соматической осно-

вой «періодической нейрастеніи» (resp. циклотиміи), большое значеніе придавалось самоотравленію организма; въ сопровождающихъ ее физическихъ симптомахъ, наблюдаемыхъ во время депрессивно-меланхолическаго періода, видѣли этому доказательство и, стараясь устранить эти признаки, надѣялись этимъ путемъ вывести больного изъ его тягостнаго положенія. Не отрицая того, что указанная соматическая основа играетъ здѣсь (хотя, м. б., и небольшую), роль, нужно думать всетаки, что многіе изъ этихъ физическихъ симптомовъ проходятъ или сглаживаются быстро, если депрессивное состояніе заканчивается; и невольно является мысль о томъ, что эти физическіе признаки—не причина фазы угнетенія, а лишь ея симптомы, сопровождающіе циклотимическую депрессію. Вѣдь, несомнѣнно, нѣтъ уголка въ нашемъ организмѣ, который не былъ бы связанъ, такъ или иначе, при помощи той или иной цѣпи нейроновъ, съ мозговой корой и съ ея высшими отдѣлами, имѣющими наиболѣе важныя (психическія) функціи. Слѣдовательно, обратно, можно думать, что разстройство послѣднихъ, особенно съ характеромъ диффузнаго угнетенія, отразится непремѣнно на соматической сферѣ. Работы современныхъ психотерапевтовъ самыхъ разнообразныхъ направленій и школъ показали съ несомнѣнною очевидностью, какое огромное вліяніе оказываетъ разстроенная душевная дѣятельность на функцію многихъ органовъ; наблюденіе надъ нѣкоторыми лицами, страдающими психонейрозами, напр., психастеніей и истеріей, подтверждаетъ на каждомъ шагу это положеніе. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что благотворное вліяніе при циклотимической депрессіи, основанное на воздѣйствіи на психику субъекта, дастъ въ результатѣ послѣдующее улучшеніе и съ физической стороны. Замѣтимъ здѣсь, кстати, что примѣненіе раціональной психотерапіи при циклотимической депрессіи, обоснованное новыми патогенетическими соображеніями, находится пока въ періодѣ развитія, но оно заслуживаетъ большого вниманія и съ теоретической стороны, и съ практической точки зрѣнія.

Къ психоанализу ненависти.

Н. А. Вырубова.

Работы по вопросу о психологіи и психоанализу ненависти пока еще немногочисленны. Въ настоящее время можно указать на двѣ такихъ статьи. Одна, въ формѣ короткаго сообщенія, принадлежитъ W. Stekel'ю и носитъ заглавіе „Почему ненавидятъ собственныя имена". Въ этой статьѣ W. Stekel сообщаетъ объ одной дамѣ, которая стала ненавидѣть свое имя, и въ частности свое отчество, въ такой сильной степени, что не могла ни говорить, ни читать, ни писать его. Психоанализъ открылъ, что въ основѣ этой ненависти лежало слѣдующее. По смерти любимаго отца, она узнала, что онъ имѣлъ нѣсколькихъ возлюбленныхъ, на которыхъ и растратилъ все свое состояніе. Любовь перешла въ чувство ненависти и презрѣнія,—и ненависть къ собственному имени была такимъ образомъ ненавистью къ человѣку, который далъ ей имя. [1])

Другая работа [2]) „Аналитическія изслѣдованія о психологіи ненависти и раскаянія", пастора д-ра O. Pfister'a представляетъ обширный и детальный психоанализъ случая ненависти 12-ти лѣтняго подростка къ своему нѣсколько болѣе старшему брату, съ которымъ онъ постоянно находилъ поводы ссориться. Изслѣдованіе было проведено по методу отчасти связанныхъ, отчасти свободныхъ ассоціацій.

Останавливаться на интересномъ анализѣ Pfister'a нѣтъ возможности, такъ какъ онъ совершенно не поддается краткой передачѣ. Поэтому мнѣ придется привести только резюмирующіе выводы Pfister'a, что, во-первыхъ, „удовлетвореніе комплекса ненависти совершается тѣмъ путемъ, что желаніе, направленное къ нанесенію вреда ненавидимому ясно или скрыто представляется какъ бы осуществленнымъ въ содержаніи грезъ наяву (методъ ассоціацій), и во-вторыхъ, что сексуальные компоненты ненависти находятъ себѣ выраженіе въ садизмѣ и мазохизмѣ."

„Сладострастіе ненависти" разоблачаетъ свою тайну анализу—таково афористическое положеніе автора.

---

[1]) Подробности см. въ № 3 „Психотерапіи", стр. 132.

[2]) O. Pfister. Analytische Untersuchungen über die Psychologie des Hasses und der Versöhnung. Jahrbuch f. Psychoanalytische u. Psychopathologische Forschungen. II. B., I Hälfte. Стр. 134—178.

Мое наблюденіе, какъ это будетъ видно дальше, также вскроетъ въ основѣ ненависти сексуальный комплексъ.

* * *

X. издавна испытываетъ нетерпимость и даже ненависть къ кошкамъ. Вообще, онъ очень любитъ всѣхъ животныхъ и обращается съ ними мягко и любовно, и это исключеніе по отношенію къ кошкамъ нерѣдко заставляло его задумываться и внутренне протестовать противъ жестокаго обращенія съ ними. Тѣмъ не менѣе каждый разъ, когда къ нему подходила кошка, то начавъ съ ласки, онъ непремѣнно кончалъ тѣмъ, что начиналъ ее мучить, причинялъ ей боль, и, когда животное выпускало когти или хватало зубами, то швырялъ его прочь отъ себя. Часто, проходя мимо кошки, онъ не могъ удержаться, чтобы не схватить кошку за шиворотъ или за хвостъ, размахнуться и подбросить ее въ воздухъ, а затѣмъ наблюдать, какъ она, перевернувшись въ воздухѣ, хлопнется на землю и станетъ сразу на четыре лапы. Животное зачастую довѣрчиво вновь шло къ нему, на его зовъ, и онъ продѣлывалъ опять то-же. Это мучительство давало ему чувство какого-то своеобразнаго, нѣсколько болѣзненнаго, наслажденія, всегда оставлявшаго, однако, осадокъ неудовлетворенности и неразрѣшенности. Страданіе животнаго при этомъ вызывало у него нерѣдко смѣхъ, и ему самому казались нелѣпыми и неумѣстными какъ этотъ грубый смѣхъ, такъ и эта жестокая забава, которую онъ устраивалъ изъ страданій животнаго. Повторяю, что это чувство ненависти по отношенію къ кошкамъ совершенно не гармонировало со всѣмъ складомъ его личности, вовсе не склонной къ переживаніямъ враждебнаго характера какъ къ людямъ, такъ и животнымъ.

Ознакомившись съ принципами психоанализа, онъ за послѣдніе $1^1/_2$ года не разъ возвращался къ мысли о необходимости проанализировать это немотивированное, непонятное ему, чувствованіе, но всѣ усилія въ этомъ направленіи пока оставались тщетными. Никакихъ образовъ воспоминанія, никакихъ ассоціацій вызвать не удавалось, и чувство ненависти продолжало существовать и обнаруживаться указанными дѣйствіями по отношенію къ животнымъ, о которыхъ идетъ рѣчь.

Однажды, во время одного эротическаго сновидѣнія онъ испыталъ соматическое сексуальное чувствованіе такого характера, какое было когда-то давно пережито имъ. Содержа-

ніе сновидѣнія въ памяти не сохранилось, но пережитое чувствованіе вызвало за собой цѣлый рядъ воспоминаній. Онъ вспомнилъ, что такое-же точно чувствованіе онъ испыталъ первый разъ еще въ возрастѣ 13 лѣтъ подъ вліяніемъ заигрыванія молодой прислуги. Половое влеченіе было весьма интенсивно и сопровождалось соотвѣтствующими соматическими ощущеніями какъ мѣстными, такъ и общаго характера, сердцебіеніе, дрожь и т. п. Робость и страхъ заставили его сторониться отъ этой дѣвушки, но мучительныя чувствованія не были отъ этого легче. Чувственная окраска воспоминанія была настолько ярка, что и теперь, при разсказѣ, онъ чувствовалъ пережитое такъ же, какъ будто оно было, какъ говорятъ, только что вчера.

Далѣе онъ вспомнилъ, что это было весной; окна уже открывались; на подоконникѣ перекинувшуюся впередъ, лицомъ къ улицѣ, фигуру дѣвушки, пробуждавшей въ немъ половыя чувствованія. Дѣло было вечеромъ и въ комнатѣ дѣвушка только-что приготовила ему постель. Затѣмъ, она ушла и оставила его съ мучительными сексуальными желаніями.

Квартира находилась во второмъ этажѣ и потому окна оставались открытыми и ночью. Нѣсколько разъ случалось такъ, что въ окна по ночамъ проникали кошки и давали свои весенніе концерты. Это его будило и онъ начиналъ за ними охоту. Со злобою и неистовствомъ хваталъ попадавшихся ему въ руки животныхъ, билъ ихъ и потомъ съ силой швырялъ ихъ изъ окна на дворъ и слѣдилъ, какъ они, совершивъ поворотъ въ воздухѣ, хлопались на землю, отчаянно мяукая.

Вслѣдъ за этимъ всплыло еще другое воспоминаніе; его, какъ оказалось послѣ соотвѣтствующихъ сопоставленій, слѣдуетъ отнести ко времени, предшествующему той веснѣ, о которой сейчасъ шла рѣчь.

У его сестры и у него было по кошкѣ; сестрѣ принадлежала бѣлая кошечка, ему—пестрый котъ, который считался супругомъ кошечки. Однажды кто-то отрубилъ коту хвостъ. Это причинило большое огорченіе мальчику; онъ всячески пытался разузнать, кто это сдѣлалъ и за что такъ обидѣли кота. Кто-то изъ мужской прислуги сказалъ ему, что коту это подѣломъ, чтобы онъ не гонялся за кошками, это ему за проказы. Тонъ разсказа и двусмысленные улыбки и жесты дополнили недосказанное и вызвали у мальчика смутныя чувствованія чего-то неизвѣстнаго, люботытнаго, заманчиваго, и заставили смутиться. Интересно, между прочимъ и то, что

теперь, вспоминая все это, онъ живо опять какъ бы увидѣлъ всю обстановку этого разговора,—дворъ, толстую деревянную лѣстницу, прислоненную къ стѣнѣ дома, двухъ или трехъ, стоящихъ около нея рабочихъ, и т. д.

Внѣшняя обстановка всѣхъ передаваемыхъ событій, вообще, очень ярко удержалась въ памяти въ видѣ живыхъ и окрашенныхъ образовъ. Также онъ хорошо помнилъ и комнату, изъ оконъ которой бросалъ кошекъ, и только-что свѣтающее утро, и всю мебель, стоявшую въ комнатѣ и т. д. И чѣмъ больше онъ вспоминалъ, тѣмъ ярче и яснѣе выступали детали. Въ этой ночной сценѣ онъ вспомнилъ также, что вскакивалъ съ постели въ одной короткой сорочкѣ, босой и чувствовалъ утренній холодъ и т. д. Словомъ, выступали такія мелкія подробности, о которыхъ за всю свою жизнь онъ не имѣлъ никогда и представленія.

Возвратимся, однако, къ событію съ котомъ, такъ поразившему мальчика. Горе свое онъ излилъ въ примитивно-дѣтскомъ стихотвореніи, отчасти окрашенномъ, впрочемъ, полушутливымъ тономъ. Стихотвореніе это, съ плохимъ размѣромъ и съ элементарной рифмой, онъ сохранилъ въ памяти на всю жизнь и нерѣдко въ шутку прочитывалъ его, разсказывая о своихъ дѣтскихъ годахъ. Стихотвореніе начиналось съ передачи событія, что вотъ его коту отрубили хвостъ, лишили красоты, и что только одна милая кошечка не разлюбитъ его. Далѣе, слѣдовала мораль для дѣтей („вотъ вамъ, дѣточки урокъ"), что имъ не слѣдуетъ однимъ, безъ надзора, „шляться по дворамъ". Въ представленіи мальчика, кота постигло несчастіе за нѣчто дурное (сексуальное), что можетъ грозить и дѣтямъ. Любовь къ безхвостому коту пропала и смѣнилась почти чувствомъ гадливости, и происшедшее затѣмъ исчезновеніе кота было скорѣе пріятно мальчику.

Можетъ быть, съ законнымъ до извѣстной степени скепсисомъ, анализируемый ставилъ вопросъ, что можетъ дать ему этотъ анализъ. Поэтому онъ нетерпѣливо и съ недовѣріемъ ожидалъ случаевъ, которые показали-бы, каковы теперь его отношенія къ названнымъ животнымъ.

Случаевъ испытанія представился, конечно, цѣлый рядъ (въ домѣ, гдѣ часто бываетъ анализируемый, постоянно находятся кошки) и къ удивленію анализируемаго его ненависть къ кошкамъ разрѣшилась совершенно. Не только нѣтъ никакихъ стремленій къ мучительству, къ мучительству особенно послѣ ласки, но старая ненависть смѣнилась даже нѣсколько

сентиментальнымъ чувствомъ виновности предъ ни въ чемъ неповинными животными за причиненныя страданія.

Сказалось это разрѣшеніе чувства ненависти и на общемъ самочувствіи анализируемаго, такъ какъ вырвало изъ его души враждебные и злобные элементы, совершенно чуждые его духовной личности.

* * *

Анализируемый настолько подробно разобрался въ генезѣ своихъ патологическихъ чувствованій, что остается, пожалуй, только поставить точки надъ і.

Прежде всего, я полагаю, что въ ненависти анализируемаго къ кошкамъ и жестокомъ съ ними обращеніи, несомнѣнно, содержатся элементы садистическаго свойства. Впервые, какъ видно изъ приведеннаго анализа, это чувство пробудилось у анализируемаго въ періодъ полового пробужденія. Этотъ элементъ затаеннаго удовольствія ясно просвѣчиваетъ уже въ дѣтскомъ стихотвореніи, содержаніе котораго приведено выше, и въ отношеніи, которое потомъ установилось къ пострадавшему животному.

Между прочимъ, по вопросу о проявленіи жестокости въ періодъ пробужденія полового сознанія весьма интересныя строки мы находимъ у Kötscher'a [1]). „Стремленіе къ жестокости, говоритъ онъ,—это наслѣдіе животной борьбы за существованіе и обладаніе, сидитъ въ насъ еще очень глубоко. Временами оно обнаруживается даже у очень нравственныхъ людей, съ высоко развитыми чувствами состраданія. Даже очень сердечные люди испытываютъ особое пріятное щекотаніе при видѣ головоломныхъ цирковыхъ упражненій и находятъ своего рода удовольствіе въ томъ, чтобы наблюдать за прекрасной укротительницей въ львиной клѣткѣ. На насъ, юношей, производило очень сильное впечатлѣніе то мѣсто изъ Иліады, гдѣ разсказывается, какъ Ахиллъ волочилъ вокругъ стѣнъ Трои нагого Гектора, на сторонѣ котораго были всѣ наши симпатіи. И, анализируя теперь наши тогдашніе вольные разговоры, я вижу, что это впечатлѣніе носило нѣкоторую сексуальную окраску. И чтеніе „Маріи Стюартъ“ оказывало на насъ, молодыхъ людей въ періодѣ полового созрѣванія, сильное дѣйствіе. Ея казнь дѣйствовала на меня какъ-то особенно, и меня преслѣдовалъ тогда какой-то ужасъ не безъ

---

[1]) Л. Кетчеръ. Пробужденіе половаго сознанія. Перев. съ нѣм. М. 1911.

примѣси влюбленнаго сладострастія. Многіе, конечно, могли бы подѣлиться подобными воспоминаніями о своихъ первыхъ сексульныхъ переживаніяхъ, если-бы не позабыли о нихъ, такъ какъ не придавали этимъ переживаніямъ значенія въ дальнѣйшемъ развитіи своей сексуальности.“ Въ патологическихъ случаяхъ, какъ извѣстно, эти садистическіе (а также мазохистическіе) элементы позднѣе могутъ выступать въ рѣзко выраженной формѣ.

Въ дальнѣйшемъ у анализируемаго половое сознаніе пробуждается въ болѣе ясной формѣ и опредѣляется какъ сексуальное влеченіе къ женщинѣ. Робость и страхъ передъ этимъ чѣмъ-то неизвѣстнымъ, мучительнымъ и мощнымъ вызываютъ внутреннюю борьбу, которая кончается вытѣсненіемъ и подавленіемъ этого влеченія. „Сексуальный эффектъ съ его внутреннимъ сильнымъ стремленіемъ къ разряженію направляется по побочнымъ путямъ: онъ проявляется въ мечтательномъ творчествѣ, религіозномъ экстазѣ, аскетизмѣ, самоистязаніяхъ и актахъ жестокости. [1])“

Окончательно фиксируется объектъ жестокости послѣ того, какъ ночью забираются въ комнаты кошки и пытаются, какъ основательно предполагалъ тогда анализируемый, устраивать свои свадьбы.

Выборъ объекта жестокости я не могъ бы отнести исключительно на случайныя обстоятельства. Кто наблюдалъ внимательно кошекъ, тотъ могъ замѣтить, какъ много есть садистическаго въ проявленіяхъ ихъ психической жизни. Стоитъ вспомнить только о тѣхъ нерѣдко тяжелыхъ пораненіяхъ, съ какими онѣ являются послѣ любовнаго періода; о той изощренной жестокости, съ какой кошка играетъ съ мышью; наконецъ, какъ съ нѣгой, вызванной у нихъ лаской и поглаживаніемъ, кошки соединяютъ выпусканіе когтей, хватаніе зубами, часто вовсе не причиняющія боли, и гнѣвное размахиваніе хвостомъ. Вотъ эти одновременныя проявленія со стороны животныхъ ласки и жестокости, повидимому, могли являться моментомъ особенно благопріятствующимъ фиксаціи и усиленію садистической жестокости къ этимъ животнымъ у анализируемаго.

Изолированное положеніе такого рода патологическихъ комплексовъ въ здоровой въ остальномъ психикѣ, какъ это показали Freud и его послѣдователи, создаетъ условія,

---

[1]) Kötscher. Op. cit. Разбивка моя. Н. В. См. также соотвѣтствующія работы S. Freud'a.

благопріятныя для существованія и проявленія этихъ комплексовъ. Kötscher также приводитъ замѣчаніе Ehrenfels'a [1]), который „прямо говоритъ о двойственной жизни, которую вынуждено вести современное культурное человѣчество, о своего рода дневномъ и ночномъ сознаніи человѣка. Съ дѣтства искусственно культивируется диссоціація психически-половыхъ представленій отъ остальнаго психическаго содержанія, которая удерживается и въ дальнѣйшей жизни."

Задача психоаналитическаго метода Freud'a въ такихъ случаяхъ заключается въ томъ, чтобы устранить эту диссоціацію, которая привела къ возникновенію и образованію патологическихъ комплексовъ, и тѣмъ достигнуть ихъ разрѣшенія.

Анализированный случай представляетъ интересъ еще и съ другой стороны. Немотивированное враждебное чувство съ стремленіемъ уничтожить, прогнать, убѣжать, и т. п. встрѣчается весьма нерѣдко. Предметомъ такого рода чувствованій большею частью являются совершенно безвредныя существа,— пауки, мыши (особенно часто у женщинъ), лягушки и т. д., которыя сами по себѣ не представляютъ ничего такого, чѣмъ могли-бы быть мотивированы подобныя чувствованія. Анализъ и нашего случая, какъ кажется, намѣчаетъ пути, которые могутъ привести къ разрѣшенію такихъ немотивированныхъ патологическихъ чувствованій.

Навязчивыя дѣйствія и религіозные обряды.

S. Freud.

Я, конечно, не первый, которому бросается въ глаза сходство между, такъ назыв. навязчивыми дѣйствіями нервныхъ больныхъ и обрядами, въ которыхъ вѣрующій проявляетъ свою религіозность. За это говоритъ названіе «церемоніи», которыми обозначаютъ извѣстныя навязчивыя дѣйствія. Но это сходство, по моему, не только внѣшнее, такъ что, проникнувъ въ происхожденіе невротическихъ «церемоній», можно было бы рискнуть по аналогіи, сдѣлать заключеніе о душевныхъ процессахъ, связанныхъ съ религіозностью. Люди, которые страдаютъ навязчивыми дѣйствіями, или «церемоніями», а также и тѣ, которые страдаютъ навязчивыми идеями, представленіями, импульсами и т. д., принадлежатъ къ особой клинической груп-

---

[1]) Sexuales Ober- und Unterbewusstsein. Polit.-anthrop. Revue. II, № 6.

пѣ, которая обозначается именемъ «навязчиваго невроза». Но не слѣдовало бы пытаться своеобразіе этого страданія выводить изъ его названія, такъ какъ, строго говоря, и другія патологическія душевныя явленія имѣютъ одинаковое право на такъ называемый «навязчивый характеръ». Вмѣсто этихъ опредѣленій должно имѣть мѣсто еще детальное ознакомленіе съ самимъ состояніемъ, что до сихъ поръ не удавалось; должно показать, вѣроятно, глубоко лежащій критерій навязчиваго невроза, существованіе котораго чувствуется во всѣхъ проявленіяхъ послѣдняго.

Невротическая церемонія состоитъ въ маленькихъ обрядахъ, аксесуарахъ, ограниченіяхъ, порядкахъ, которые проявляются при извѣстныхъ дѣйствіяхъ въ повседневной жизни или въ постоянно одинаковомъ видѣ, или съ опредѣленными измѣненіями. Это поведеніе производитъ на насъ впечатлѣніе простыхъ «формальностей» и кажется намъ лишеннымъ всякаго смысла. Точно такимъ же оно кажется самому больному; тѣмъ не менѣе онъ не въ состояніи отъ него отказаться, такъ какъ каждое отклоненіе отъ церемоніи наказуется невыносимымъ страхомъ, который вынуждаетъ возобновить оставленное. Такими же ничтожными кажутся побужденія и дѣйствія, которыя посредствомъ церемоній пріукрашиваются, затрудняются и во всякомъ случаѣ замедляются, какъ напр., одѣваніе и раздѣваніе, укладываніе спать, удовлетвореніе физическихъ потребностей. Можно описать исполненіе церемоніи, изображая ее въ видѣ ряда неписанныхъ законовъ. Такъ, напр., при укладываніи въ постель: стулъ долженъ стоять въ такомъ то мѣстѣ передъ кроватью, на немъ должно быть сложено въ извѣстномъ порядкѣ платье; одѣяло должно быть въ ногахъ подоткнуто, простыня гладко разглажена; подушки должны быть такъ-то и такъ-то распредѣлены, само тѣло должно быть въ строго опредѣленномъ положеніи, и тогда только можно заснуть. Въ такихъ случаяхъ церемонія похожа на утрированіе привычной и законной любви къ порядку. Но особенная добросовѣстность выполненія и страхъ упущенія характеризуютъ церемонію какъ «священнодѣйствіе». Помѣхи большею частью плохо переносятся; публичность, присутствіе постороннихъ при этомъ почти всегда исключается.

Навязчивыми дѣйствіями въ широкомъ смыслѣ могутъ сдѣлаться любыя дѣйствія, когда они пріукрашиваются маленькими аксесуарами или дѣлаются ритмическими посредствомъ паузъ и повтореній. Найти рѣзкую границу между

«церемоніей» и навязчивыми дѣйствіями нельзя. Большею частью навязчивыя дѣйствія произошли отъ церемоній. Рядомъ съ этимъ содержаніемъ страданія являются запреты и препятствія (абуліи), которые собственно только продолжаютъ дѣло навязчивыхъ дѣйствій,—больному нѣкоторыя вещи вообще не разрѣшены, другія только при соблюденіи предписанныхъ церемоній.

Удивительно то, что какъ вынужденіе, такъ и запрещеніе (одно необходимо сдѣлать, другое не должно дѣлать) вначалѣ относится только къ частной жизни человѣка, не касаясь долгое время его общественнаго поведенія. Поэтому подобные больные могутъ многіе годы смотрѣть на такое страданіе, какъ на ихъ личное дѣло и скрывать его. Кромѣ того, такими формами навязчиваго невроза страдаетъ гораздо больше людей, чѣмъ это извѣстно врачамъ. Скрываніе многими больными облегчается тѣмъ обстоятельствомъ, что они въ состояніи одну часть дня прекрасно исполнять свои общественныя обязанности, посвятивъ въ уединеніи цѣлый рядъ часовъ своимъ таинственнымъ дѣйствіямъ.

Легко видѣть, въ чемъ состоитъ сходство невротической церемоніи съ священнодѣйствіемъ религіознаго ритуала: въ угрызеніяхъ совѣсти при неисполненіи, въ полной изоляціи (запрещеніе мѣшать) и въ добросовѣстномъ выполненіи мелочей. Но столь же очевидны и различія, изъ которыхъ нѣкоторыя такъ рѣзки, что они дѣлаютъ сближеніе святотатствомъ: большее индивидуальное разнообразіе церемоній въ противоположность стереотипности религіознаго ритуала (молитвы, и т. п.) частный характеръ перваго, публичность и общественный характеръ второго. Но главная разница въ томъ, что маленькіе аксесуары религіозной церемоніи предполагаютъ символическій и разумный смыслъ, тогда какъ аксесуары церемоній невротическаго характера кажутся нелѣпыми и безсмысленными. Неврозъ навязчивости даетъ здѣсь полукомическую, полутрагическую каррикатуру частной религіи. Между тѣмъ, именно, эта существеннѣйшая разница между невротической и религіозной церемоніей устраняется, когда съ помощью психо-аналитической техники изслѣдованія проникаешь въ пониманіе сущности навязчивыхъ дѣйствій. При этомъ изслѣдованіи кажущаяся безсмысленность и нелѣпость навязчивыхъ дѣйствій совершенно разсѣивается и находишь обоснованіе этого поведенія.

Узнаешь, что навязчивыя дѣйствія всѣ безъ изъятія и во

всѣхъ своихъ деталяхъ полны смысла, отвѣчаютъ важнѣйшимъ интересамъ личности и выражаютъ какъ постоянныя переживанія, такъ и сопровождаемыя аффектами мысли, относящіяся къ этимъ переживаніямъ. Они дѣлаютъ это двояко: или непосредственно, или символически, и поэтому ихъ можно объяснить или исторически, или символически.

Я не могу себѣ здѣсь отказать въ приведеніи нѣсколькихъ примѣровъ, которые должны пояснить этотъ взглядъ. Кто знакомъ съ выводами психо-аналитическаго изслѣдованія психо-неврозовъ, того не удивитъ утвержденіе, что навязчивыя дѣйствія или продѣлываемыя церемоніи проистекаютъ изъ интимнѣйшей, большей частью сексуальной, жизни даннаго лица.

а) Одна дѣвушка, которую я наблюдалъ, вынуждена была послѣ умыванія много разъ выполаскивать умывальный тазъ. Значеніе этой церемоніи скрывалось въ пословицѣ „не выливай грязной воды раньше, чѣмъ у тебя есть чистая“. Эта церемонія должна была напоминать и удерживать любимую сестру отъ развода съ нелюбимымъ мужемъ до тѣхъ поръ, пока она не встрѣтитъ лучшаго человѣка.

б) Одна женщина, разошедшаяся съ мужемъ, за ѣдой вынуждена была оставлять нетронутыми лучшіе куски; напр., отъ жаркого она отрѣзала только края. Это воздержаніе нашло себѣ объясненіе во времени, съ которымъ связано начало этой странности: она появилась въ тотъ день, когда паціентка заявила мужу о прекращеніи между ними супружескихъ отношеній, т.-е. отказала ему въ лучшемъ.

в) Эта же паціентка могла сидѣть только на одномъ опредѣленномъ стулѣ, съ трудомъ поднимаясь съ него. Стулъ въ связи съ извѣстными подробностями ея супружеской жизни символизировалъ мужа, которому она остается вѣрна. Въ поясненіе своей навязчивости она сказала: „разстаешься съ такимъ трудомъ съ тѣмъ (мужъ, стулъ), на чемъ разъ сидѣла“.

г) Одно время она имѣла привычку повторять одинъ особенно странный и безсмысленный навязчивый поступокъ. Въ такіе моменты она выбѣгала изъ своей комнаты въ другую, посреди которой стоялъ столъ, поправляла извѣстнымъ образомъ лежавшую на немъ скатерть, бранила прислугу, которая должна была подойти къ столу, и снова отпускала ее съ ничтожнымъ порученіемъ. Стараясь объяснить эту странность, она вдругъ вспомнила, что указанная скатерть имѣла въ одномъ мѣстѣ некрасивое пятно и что каждый разъ она такъ

поправляла скатерть, чтобы пятно кидалось въ глаза прислугѣ. Все это было воспроизведеніемъ случая изъ ея супружеской жизни и послужило впослѣдствіи матеріаломъ для трудно разрѣшимой загадки. Ея мужа постигла въ брачную ночь не необыкновенная неудача. Онъ оказался импотентнымъ и „въ теченіе ночи приходилъ къ ней въ комнату нѣсколько разъ,“ чтобы убѣдиться, не прошло ли это. Утромъ онъ сказалъ, что ему стыдно передъ прислугой, которая будетъ убирать кровати. Онъ взялъ бутылочку съ красными чернилами и вылилъ на простыню, но такъ неудачно, что мѣсто не отвѣчало его намѣренію. Такимъ образомъ, своимъ „навязчивымъ дѣйствіемъ“ она воспроизводила брачную ночь. „Столъ и кровать“ эмблемы супружеской жизни.

д) Навязчивая потребность записывать каждый номеръ банковаго билета раньше, чѣмъ выпустить его изъ своихъ рукъ, тоже объясняется исторически. Въ то время, когда эта же паціентка носилась съ мыслью разойтись съ своимъ мужемъ, если она встрѣтитъ болѣе достойнаго довѣрія человѣка, она на одномъ курортѣ допускала вѣжливое ухаживаніе одного господина, насчетъ серьезности намѣреній котораго она все-таки сомнѣвалась. Однажды, нуждаясь въ мелкихъ деньгахъ, она попросила этого господина размѣнять ей бумажку въ пять кронъ. Исполнивъ ея просьбу, онъ спряталъ полученныя деньги, галантно замѣтивъ при этомъ, что онъ никогда не разстанется съ этой бумажкой, такъ какъ она прошла черезъ ея руки. При дальнѣйшихъ встрѣчахъ она часто испытывала искушеніе просить его показать эту бумажку, чтобы убѣдиться должна ли она придавать значеніе его увѣреніямъ. Однако, она этого не дѣлала, разумно разсудивъ, что нельзя отличить равноцѣнныя бумажки одну отъ другой. Сомнѣніе осталось, такимъ образомъ, неразрѣшеннымъ и оставило по себѣ вынужденіе записывать номеръ бумажки, посредствомъ чего можно одну бумажку отличить отъ другой, равноцѣнной.

Эти немногіе примѣры изъ обильнаго запаса, имѣющагося въ моемъ опытѣ, должны подтвердить высказанную мысль, что все въ навязчивыхъ дѣйствіяхъ имѣетъ смыслъ и можетъ быть объяснено. Тоже самое относится и къ церемоніямъ, но здѣсь для доказательства вѣрности этого положенія потребуются болѣе обстоятельныя сообщенія. Я ни въ какомъ случаѣ не ошибаюсь насчетъ того, что мы при объясненіи навязчивыхъ дѣйствій на видъ какъ будто-бы удаляемся отъ круга идей, охватываемыхъ религіей.

Однимъ изъ условій болѣзни является то, что лицо, подверженное навязчивымъ дѣйствіямъ, не знаетъ ихъ значенія, по крайней мѣрѣ главнаго значенія. Только съ помощью психо-аналитической терапіи ему дѣлается понятнымъ смыслъ навязчивыхъ дѣйствій и этимъ самымъ и мотивы, побуждающіе къ нимъ. Это важное обстоятельство мы выражаемъ въ слѣдующихъ словахъ: навязчивыя дѣйствія служатъ для проявленія неосознанныхъ мотивовъ и представленій. Въ этомъ можно усмотрѣть новую разницу между навязчивыми дѣйствіями и проявленіемъ религіозности; но нужно помнить, что рядовой вѣрующій выполняетъ религіозные обряды обыкновенно, не справляясь съ ихъ значеніемъ, тогда какъ священникъ и ученый изслѣдователь могутъ, конечно, знать символическій смыслъ ритуала. Но мотивы, побуждающіе къ религіознымъ обрядамъ, неизвѣстны всѣмъ вѣрующимъ, или замѣщаются въ ихъ сознаніи другими выдвинутыми мотивами.

Анализъ навязчивыхъ дѣйствій далъ намъ почти возможность извѣстнымъ образомъ проникнуть въ ихъ причину и въ связь обусловливающихъ ихъ мотивовъ. Можно сказать, что больной, подверженный навязчивымъ дѣйствіямъ и запретамъ, ведетъ себя такъ, какъ будто онъ находится подъ властью сознанія вины, о которой онъ, конечно, не знаетъ, т.-е. безсознательнаго сознанія вины, какъ приходится здѣсь выразиться, не смотря на противорѣчіе въ этихъ словахъ. Это сознаніе вины коренится въ извѣстныхъ раннихъ душевныхъ переживаніяхъ, но находитъ постоянное освѣженіе въ искушеніи, возобновляющемся при каждомъ новомъ поводѣ, а съ другой стороны даетъ начало постоянно бдительной тревогѣ ожиданія (Erwartungsangst), ожиданія бѣды, которое, благодаря идеѣ возмездія, связано съ внутреннимъ ощущеніемъ искушенія. Въ самомъ началѣ развитія „невротической церемоніи“ больному еще извѣстно, что онъ долженъ то или другое сдѣлать, иначе случится бѣда, и обыкновенно онъ сознаетъ, какого рода несчастіе его ожидаетъ. Но всегда очевидная связь между причиной, вызывающей тревогу ожиданія, и содержаніемъ, которымъ она грозитъ, эта связь отъ больного остается скрытой. Церемонія возникаетъ какъ оборона или застрахованіе, какъ защитная мѣра.

Чувству виновности больного, страдающаго навязчивымъ неврозомъ, соотвѣтствуютъ торжественныя увѣренія религіозныхъ людей, что въ душѣ они тяжелые грѣшники; значеніе оборонительной или защитной мѣры у религіозныхъ людей,

повидимому, имѣютъ молитвы, призываніе Бога и т. п., съ которыми они приступаютъ ко всякому повседневному дѣлу, а иногда и къ необычному предпріятію.

Болѣе глубокое пониманіе механизма навязчиваго невроза можно получить, если обратить вниманіе на лежащій въ его основѣ первичный фактъ: это всегда подавленіе (вытѣсненіе) какого нибудь парціальнаго инстинкта (компонента сексуальнаго), который входилъ въ составъ организаціи даннаго лица; въ дѣтствѣ онъ временно проявился, а потомъ былъ подавленъ. Въ цѣляхъ этого инстинкта, при подавленіи его, возникаетъ особливая совѣстливость; но этотъ психическій замѣститель (Reactionsbildung) чувствуетъ себя неувѣренно, такъ какъ онъ находится подъ постоянной угрозой со стороны подстерегающаго его въ безсознательномъ инстинкта. Вліяніе подавленнаго инстинкта ощущается какъ искушеніе; при самомъ процессѣ подавленія рождается страхъ, который овладѣваетъ въ видѣ тревоги ожиданія будущаго. Процессъ подавленія, ведущій къ навязчивому неврозу, можно назвать не совсѣмъ удавшимся, грозящимъ оказаться все болѣе неудачнымъ. А потому его можно приравнять къ неразрѣшенному конфликту; постоянно требуются все новыя психическія усилія, чтобы удержать въ равновѣсіи постоянный напоръ со стороны инстинкта. Такимъ образомъ, церемоніи и навязчивыя дѣйствія частью объясняются необходимостью обороны противъ искушенія, частью являются защитой отъ ожидаемой бѣды. Но вскорѣ эти защитительныя мѣры оказываются недостаточными въ борьбѣ съ искушеніемъ и тогда выступаютъ запреты, назначеніе которыхъ отдалить искушеніе. Запреты, какъ это видно, также замѣщаютъ собой навязчивыя дѣйствія, какъ фобіи — истерическій припадокъ. Въ другомъ случаѣ „церемоніи“ являютъ собой совокупность условій, при которыхъ нѣкоторое, еще не абсолютно запрещенное, разрѣшено. Совсѣмъ такъ, какъ церковная церемонія брака разрѣшаетъ набожному половое наслажденіе, вообще считающееся грѣховнымъ. Навязчивый неврозъ, какъ и всѣ подобныя страданія, характеризуется еще тѣмъ, что его проявленія (симптомы и среди нихъ навязчивыя дѣйствія) выполняютъ условіе компромисса между борющимися душевными силами. Эти проявленія всегда приносятъ съ собой немного изъ того удовольствія, которое они предназначены устранить, и служатъ подавленному инстинкту не меньше, чѣмъ подавляющимъ его инстанціямъ. Съ прогрессомъ болѣзни явленія, первоначально

скорѣе игравшія роль защиты, все болѣе приближаются къ тѣмъ запрещеннымъ дѣйствіямъ, посредствомъ которыхъ инстинктъ долженъ былъ проявляться въ дѣтствѣ.

Приблизительно слѣдующее, сходное съ описаннымъ положеніемъ вещей, можно встрѣтить и въ области религіозной жизни. И развитіе религіи построено на подавленіи инстинкта, на воздержаніи отъ удовлетворенія извѣстныхъ стремленій. Но здѣсь это не такъ, какъ при неврозѣ, исключительно сексуальные компоненты, а эгоистическіе, соціально-вредные инстинкты, которые, впрочемъ, часто не лишены сексуальнаго придатка. Сознаніе вины, какъ слѣдствіе неугасимаго искушенія, тревога ожиданія, какъ страхъ передъ божьимъ судомъ, въ области религіи стали извѣстны раньше, чѣмъ въ области неврозовъ. Благодаря-ли примѣшаннымъ сексуальнымъ компонентамъ, вслѣдствіе ли вообще особыхъ свойствъ, присущихъ инстинкту, но и въ религіозной жизни подавленіе инстинкта достигается не въ полной мѣрѣ и не совершенное. Повторное впаденіе въ грѣхъ у религіозныхъ людей встрѣчается даже чаще, чѣмъ у невротиковъ и даетъ основаніе для новаго проявленія религіозности — покаянія; сходное съ этимъ послѣднимъ встрѣчается и при навязчивомъ неврозѣ.

Своеобразный и унизительный характеръ невроза навязчивыхъ состояній мы видимъ въ томъ, что церемоніи касаются мелкихъ поступковъ повседневной жизни и проявляются въ нелѣпыхъ предписаніяхъ и ограниченіяхъ послѣдней. Понять эту странную черту въ построеніи картины болѣзни можно только тогда, когда узнаешь,— на что я впервые указалъ въ анализѣ строенія сна [1]), — что душевными процессами при неврозѣ навязчивыхъ состояній управляетъ механизмъ психическаго замѣщенія. Изъ немногихъ вышеприведенныхъ примѣровъ ясно видно, какъ въ замѣщеніи подлиннаго и важнаго ничтожнымъ, напр., мужа стуломъ,— совпадаютъ символика и детали выполненія. Эта склонность къ замѣщенію и является причиной постояннаго все большаго измѣненія картины болѣзни, и въ концѣ концовъ она ведетъ къ тому, что дѣлаетъ на видъ ничтожное важнымъ и настоятельнымъ. Нельзя не замѣтить той же самой склонности къ замѣщенію психической цѣнности, и даже въ одинаковомъ смыслѣ, и въ области религіозной: постепенно ничтожныя церемоніи, сопровождающія богослуженіе, занимаютъ первенствующее мѣсто,

---

[1]) Die Traumdeutung.

вытѣсняя внутреннее содержаніе послѣдняго. Поэтому религіи и подвергаются отъ времени до времени реформамъ, цѣль которыхъ возстановить первоначальную цѣнность вещей.

Компромиссный характеръ навязчивыхъ дѣйствій, какъ невротическихъ симптомовъ, менѣе всего можно замѣтить въ соотвѣтствующемъ религіозномъ поведеніи. И все-таки приходитъ въ голову и эта черта невроза, когда вспоминаешь, какъ часто дѣйствія, которыя религія запрещаетъ,—проявленіе подавленныхъ религіей страстей, — совершаются именно во имя и якобы на пользу религіи.

На основаніи этого сходства и аналогіи можно было бы смотрѣть на навязчивый неврозъ, какъ на патологическую копію развитія религіи, опредѣлить неврозъ какъ индивидуальную религіозность, религію какъ всеобщій неврозъ навязчивыхъ состояній. Важнѣйшее сходство состояло бы въ лежащемъ въ основѣ фактѣ воздержанія отъ удовлетворенія природныхъ страстей, существеннѣйшая разница — въ природѣ этихъ страстей, которыя при неврозѣ исключительно сексуальнаго происхожденія, въ религіи — эгоистическаго.

Однимъ изъ основныхъ факторовъ культурнаго развитія человѣчества является, повидимому, прогрессивное отреченіе отъ природныхъ страстей, удовлетвореніе которыхъ гарантируетъ элементарное наслажденіе нашему „я“. Часть этого процесса подавленія совершается въ пользу религіи, которая заставляетъ всякаго приносить въ жертву Божеству свое стремленіе къ наслажденію. „Мнѣ отомщеніе“, говоритъ Господь. Изъ исторіи развитія древнихъ религій мы видимъ, что многое, отъ чего человѣкъ отказался какъ отъ „преступленія“, уступлено Богу и разрѣшается только во имя Бога, такъ что передача Божеству была тѣмъ путемъ, на которомъ человѣкъ освободился отъ господства злыхъ, соціально-вредныхъ стремленій. А потому, съ одной стороны, не случайность то, что древнимъ богамъ приписаны въ неограниченной мѣрѣ всѣ человѣческія свойства съ проистекающимъ отъ нихъ зломъ; съ другой стороны, нѣтъ противорѣчія и въ томъ, что все-таки не позволено оправдывать собственное преступленіе божественнымъ примѣромъ.

Перев. Е. Г-инъ.

Поэтъ и фантазіи.

S. Freud.

Насъ профановъ всегда сильно занималъ вопросъ, откуда поэтъ—эта удивительная личность, черпаетъ матеріалъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ задалъ этотъ вопросъ извѣстный кардиналъ Аріосто,—и какъ ему удается такъ насъ затронуть, вызвать въ насъ такія переживанія, на какія мы никогда не считали бы себя способными. Нашъ интересъ къ этому увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что самъ поэтъ, когда мы задаемъ ему этотъ вопросъ, не можетъ намъ дать или никакого, или удовлетворяющаго отвѣта; нашъ интересъ нисколько не уменьшается отъ сознанія, что ни лучшее проникновеніе въ условія выбора поэтическаго матеріала, ни знаніе сути процесса поэтическаго творчества, ничто не приведетъ къ тому, чтобы сдѣлать изъ насъ самихъ поэтовъ.

Если бы могли по крайней мѣрѣ найти въ себѣ или похожихъ на насъ хоть нѣчто родственное поэту! Изслѣдованіе послѣдняго вопроса даетъ намъ надежду ближе подойти къ пониманію сути поэтическаго творчества. И въ самомъ дѣлѣ, есть основаніе надѣяться. Сами поэты любятъ уменьшать разстояніе между собою и рядовыми людьми: они насъ такъ часто увѣряютъ, что въ каждомъ человѣкѣ живетъ поэтъ и что послѣдній поэтъ исчезнетъ съ послѣднимъ человѣкомъ.

Не искать ли намъ первыхъ слѣдовъ поэтическаго творчества уже у дѣтей? Самое любимое и интенсивное занятіе дѣтей—игра. Быть можетъ, намъ слѣдуетъ сказать: каждое играющее дитя ведетъ себя какъ поэтъ, когда оно создаетъ себѣ свой собственный міръ или, правильнѣе говоря, когда оно окружающій его міръ перестраиваетъ по новому, по своему вкусу. Было бы несправедливо думать, что ребенокъ смотритъ на созданный имъ міръ не серьезно; наоборотъ, онъ относится къ игрѣ очень серьезно, вноситъ въ нее много одушевленія. Противоположеніе игрѣ же—серьезность, но—дѣйствительность. Ребенокъ прекрасно отличаетъ, не смотря на все увлеченіе, созданный имъ міръ отъ дѣйствительнаго и охотно ищетъ опоры для воображаемыхъ объектовъ и отношеній въ осязаемыхъ и видимыхъ предметахъ дѣйствительной жизни. Не что другое, какъ эта опора отличаетъ „игру“ ребенка отъ „фантазированія.“

Поэтъ дѣлаетъ то же, что играющее дитя; онъ создаетъ міръ, къ которому онъ относится очень серьезно, т. е. вно-

ситъ много увлеченія, въ тоже время рѣзко отдѣляя его отъ дѣйствительности. И языкъ закрѣпилъ это родство между игрой ребенка и поэтическимъ творчествомъ, когда назвалъ такія созданія поэта, которыя нуждаются въ опорѣ въ осязаемыхъ предметахъ и могутъ быть представленными, игрой: Spiel, Lustspiel, Trauerspiel, а лицо изображающее—Schauspieler. Но изъ нереальности поэтическаго міра проистекаютъ очень важныя для художественной техники послѣдствія, такъ какъ многое, что въ дѣйствительности не могло бы доставить наслажденія, даетъ его въ игрѣ; многія, сами по себѣ собственно непріятныя, впечатлѣнія могутъ являться источникомъ наслажденія для слушателей или зрителей поэтическаго произведенія.

Остановимся на одну минуту еще по другому поводу на противоположности между игрой и дѣйствительностью. Когда дитя подростаетъ и перестаетъ играть, когда оно годами душевныхъ усилій научилось воспринимать дѣйствительную жизнь съ требуемой серьезностью, тогда оно въ одинъ прекрасный день можетъ придти въ такое душевное состояніе, которое снова воздвигаетъ контрастъ между игрой и дѣйствительностью. Взрослый можетъ вспомнить, съ какой серьезностью онъ въ свое время занимался играми, и когда онъ теперь сравниваетъ свои мнимо серьезныя занятія съ тѣми дѣтскими играми, онъ отбрасываетъ слишкомъ тяжелый гнетъ жизни и добивается высокаго наслажденія, даваемаго юморомъ. Подростающій ребенокъ перестаетъ, такимъ образомъ, играть; онъ на видъ отказывается отъ наслажденія, которое ему приносила игра, но кто знакомъ съ душевной жизнью человѣка, тотъ знаетъ, что наврядъ ли что нибудь дается съ большимъ трудомъ, чѣмъ отказъ отъ когда то испытаннаго наслажденія. Собственно мы и не можемъ отъ чего либо отказаться, мы можемъ только замѣнить одно другимъ; то, отъ чего какъ будто отказываешься въ дѣйствительности, только замѣняется какимъ нибудь суррогатомъ. Точно такъ же и подростающій ребенокъ: когда онъ перестаетъ играть, онъ собственно отказывается не отъ чего другого, какъ отъ исканія опоры въ реальныхъ предметахъ; вмѣсто игры онъ теперь фантазируетъ. Онъ строитъ воздушные замки, творитъ то, что называютъ «снами на яву». Я думаю, что большинство людей временами фантазируетъ. Это фактъ, котораго долгое время не замѣчали и который поэтому недостаточно оцѣнивали.

Фантазированіе взрослыхъ труднѣе наблюдать, нежели

игры дѣтей. Ребенокъ, хотя тоже играетъ одинъ или образуетъ съ другими дѣтьми тайную психическую организацію для цѣлей игры, но, если онъ передъ взрослыми и ничего не изображаетъ, то вѣдь онъ и не скрываетъ своихъ игръ отъ нихъ. А взрослый стыдится своихъ фантазій и прячетъ ихъ отъ другихъ; онъ скрываетъ ихъ, какъ свои сокровеннѣйшія тайны, и охотнѣе признается въ своихъ проступкахъ, чѣмъ откроетъ свои фантазіи. Возможно, что онъ вслѣдствіе этого считаетъ себя единственнымъ человѣкомъ, который имѣетъ подобныя фантазіи, и не имѣетъ представленія о широкомъ распространеніи подобнаго же творчества среди другихъ. Это различное поведеніе играющаго ребенка и фантазирующаго взрослаго находитъ себѣ полное основаніе въ мотивахъ обоихъ дѣйствій, изъ которыхъ одно все же является продолженіемъ другого.

Игрой ребенка управляютъ желанія, собственно одно желаніе, помогающее ребенка воспитывать, — желаніе быть большимъ и взрослымъ. Онъ постоянно играетъ «во взрослаго», воспроизводитъ въ игрѣ то, что онъ узналъ изъ жизни взрослыхъ. У него, такимъ образомъ, нѣтъ никакого основанія скрывать это желаніе. Другое у взрослаго; этотъ, съ одной стороны, знаетъ, чего отъ него ждутъ—не игръ и фантазій, а умѣнія оріентироваться въ дѣйствительной жизни; съ другой стороны, между желаніями, порождающими фантазіи, есть такія, которыя онъ вообще долженъ скрывать, а потому онъ стыдится своихъ фантазій, какъ ребяческихъ и недозволенныхъ.

Могутъ спросить, откуда можно съ увѣренностью говорить о фантазіяхъ человѣка, разъ онъ ихъ опутываетъ такой тайной. Но существуетъ группа людей, которую, хотя не богъ, но одна строгая богиня—необходимость—заставляетъ сказать отъ чего они страдаютъ и что ихъ радуетъ: это нервные люди, которые должны довѣрить врачу, отъ психическаго леченія котораго они ждутъ возстановленія здоровья, свои фантазіи. Изъ этого источника проистекаетъ наша освѣдомленность, и тогда мы приходимъ къ достаточно обоснованному мнѣнію, что наши больные не могутъ намъ сообщить ничего такого, чего бы мы не могли узнать отъ здоровыхъ.

Познакомимся съ нѣкоторыми особенностями фантазій. Нужно сказать, что фантазируетъ отнюдь не счастливый, а только неудовлетворенный. Неудовлетворенныя желанія—побудительные стимулы фантазій; каждая фантазія это—осуществленіе желанія, коррективъ къ неудовлетворяющей дѣйстви-

тельности. Побуждающія желанія различны въ зависимости отъ пола, характера и житейскаго положенія личности; но ихъ можно, не прибѣгая къ натяжкамъ, группировать въ двухъ главныхъ направленіяхъ: это или честолюбивыя желанія, которыя служатъ къ возвеличенію личности, или эротическія. У молодыхъ женщинъ желанія почти исключительно эротическія, такъ какъ ихъ честолюбіе обыкновенно поглощается стремленіемъ къ любви; у молодыхъ людей наряду съ эротическими достаточно сильно пробиваются самолюбивыя и честолюбивыя мечты. Но не будетъ подчеркивать различія обоихъ видовъ; укажемъ, наоборотъ, на ихъ частое сходство. Какъ во многихъ запрестольныхъ образахъ въ одномъ углу видно изображеніе учредителя, такъ точно мы можемъ въ большинствѣ фантазій, удовлетворяющихъ честолюбіе, въ какомъ нибудь уголкѣ открыть «даму», для которой фантазирующій совершаетъ всѣ эти героическіе поступки, къ ногамъ которой онъ складываетъ всѣ результаты ихъ. Вы видите здѣсь достаточно сильные мотивы для скрыванія. За хорошо воспитанной женщиной вообще признается minimum сексуальныхъ потребностей; а молодой человѣкъ долженъ научиться подавлять въ себѣ избытокъ честолюбія, привитаго избалованнымъ дѣтствомъ, чтобы завоевать мѣсто въ обществѣ богатомъ такими же многопретендующими людьми.

Продукты этого фантазированія, отдѣльныя фантазіи, воздушные замки или «сны на яву», мы не должны представлять себѣ застывшими и неизмѣнными. Они скорѣе приноравливаются къ измѣняющимся житейскимъ вліяніямъ, измѣняются съ каждымъ колебаніемъ житейскаго положенія, получаютъ отъ дѣйствія каждаго новаго впечатлѣнія такъ называемую «печать времени». Отношеніе между фантазіей и временемъ вообще очень значительно. Нужно сказать: фантазія какъ будто витаетъ между тремя періодами, между тремя моментами развитія нашихъ представленій. Психическая работа начинается отъ дѣйствующаго впечатлѣнія, отъ повода, дѣйствующаго въ настоящемъ времени, который въ состояніи пробудить одно изъ сильныхъ желаній личности; отсюда она переносится воспоминаніемъ на раннее, большею частью дѣтское, переживаніе, въ которомъ это желаніе осуществлялось, и теперь создаетъ положеніе, относящееся къ будущему, положеніе, которое является осуществленіемъ стараго желанія, словомъ «сонъ на яву» или фантазію. Эта послѣдняя теперь носитъ только слѣды своего происхожденія отъ повода, вызвавшаго психическую работу,

и отъ дѣтскаго воспоминанія. Итакъ, прошедшее, настоящее и будущее нанизаны на нити пробѣгающаго желанія.

Простѣйшій примѣръ можетъ пояснить мое построеніе. Возьмемъ бѣднаго сироту—юношу, которому вы дали адресъ работодателя, у котораго онъ, быть можетъ, найдетъ мѣсто. По дорогѣ туда онъ будетъ мечтать соотвѣтственно своему настоящему положенію. Содержаніемъ фантазіи будетъ приблизительно слѣдующее: онъ получаетъ мѣсто, приходится по душѣ хозяину, дѣлается необходимымъ въ дѣлѣ, принятъ въ семью хозяина, женится на его прелестной дочкѣ, дѣлается сначала компаніономъ въ дѣлѣ, а потомъ и наслѣдникомъ его; при этомъ мечтатель возвращаетъ себѣ то, чѣмъ онъ обладалъ въ дѣтствѣ: охраняющій кровъ, любящихъ родителей и первые объекты нѣжной привязанности. Вы видите, какъ желаніе пользуется поводомъ въ настоящемъ, чтобы по образцу прошлаго создать картину будущаго.

Можно было бы еще многое сказать объ этихъ фантазіяхъ, но я хочу ограничиться кратчайшими указаніями. Мечты о всемогуществѣ, о преобладаніи, сдѣлаться «сверхсильнымъ», создаютъ условія для впаденія въ неврозъ или психозъ; фантазіи являются также ближайшими душевными предшественниками симптомовъ страданія, на которые больной жалуется. Отсюда отходитъ широкая окольная дорога къ патологіи.

Но я не могу также не указать на отношеніе фантазіи къ сновидѣніямъ. Наши сны суть не что иное, какъ тѣ же фантазіи, какъ это можно доказать объясненіемъ значенія сновъ. Языкъ въ своей несравненной мудрости давно опредѣлилъ сущность сновъ, назвавъ воздушныя построенія мечтателей также «снами на яву» (Tagträume). И если, не смотря на это указаніе, смыслъ нашихъ сновъ по временамъ всетаки остается неяснымъ, то это зависитъ только отъ того обстоятельства, что и ночные сны пробуждаютъ въ насъ такія желанія, которыхъ мы стыдимся, которыя мы должны скрывать отъ самихъ себя и которыя поэтому вытѣсняются въ область безсознательнаго. Такимъ подавленнымъ желаніямъ и ихъ отпрыскамъ можно только позволить проявиться въ сильно искаженномъ видѣ. Послѣ того какъ научнымъ изысканіямъ удалось установить искаженіе сновъ, не трудно увидѣть, что сны представляютъ такое же осуществленіе желаній, какъ и «сны на яву», всѣмъ намъ хорошо знакомыя фантазіи.

Такъ много о фантазіяхъ, теперь—къ поэту! Должны ли мы дѣйствительно рискнуть сравнить поэта съ «спящимъ

средь бѣла дня», творенія перваго—съ дневными сновидѣніями второго? Тутъ напрашивается первое отличіе: мы должны отличать поэтовъ, пользующихся готовымъ матеріаломъ, какъ древніе творцы эпоса и трагики, отъ тѣхъ, которые создаютъ матеріалъ какъ будто сами. Возьмемъ послѣднихъ и не будемъ искать для нашего сравненія тѣхъ поэтовъ, которые высоко чтутся критикой; возьмемъ непритязательныхъ писателей романовъ, новеллъ и разсказовъ, которые имѣютъ многочисленнѣйшихъ и усерднѣйшихъ читателей. Въ произведеніяхъ этихъ писателей особенно бросается въ глаза одна черта: въ центрѣ всѣхъ этихъ произведеній стоитъ герой, къ которому авторъ старается всѣми силами возбудить наши симпатіи и котораго онъ съ особенной тщательностью оберегаетъ. Если я оставилъ его въ концѣ одной главы въ безсознательномъ состояніи, истекающимъ кровью отъ тяжелыхъ ранъ, то я увѣренъ, что въ началѣ второй я найду за нимъ заботливый уходъ и онъ будетъ на пути къ выздоровленію, и если первая часть романа кончалась бурей на морѣ и гибелью судна, на которомъ находился герой, то въ началѣ второй части я несомнѣнно узнаю о его чудесномъ спасеніи, безъ чего немыслимо продолженіе романа. Чувство увѣренности, съ которымъ я провожалъ героя черезъ всѣ опасности, связанныя съ его судьбой, есть то самое, съ которымъ настоящій герой кидается въ воду спасать утопающаго или бросается въ непріятельскій огонь, чтобы взять приступомъ батарею; собственно это—то геройское чувство, которое нашло прекрасное выраженіе въ слѣдующихъ словахъ нашего лучшаго поэта: «Es kann dir nie g'schehen» [1]. Но я думаю, что въ этомъ предательскомъ признакѣ невредимости можно безъ труда узнать его величество «я», героя всѣхъ «сновъ на яву», какъ и всѣхъ романовъ.

Еще и другія черты этихъ эгоцентрическихъ разсказовъ указываютъ на то же родство. Если почти всѣ женщины въ романѣ влюбляются въ героевъ, то едва ли слѣдуетъ на это смотрѣть, какъ на изображеніе дѣйствительности, но легко понять какъ постоянную принадлежность «сна на яву», точно такъ же, какъ рѣзкое дѣленіе остальныхъ персонажей на добрыхъ и злыхъ, въ отличіе отъ наблюдаемой въ дѣйствительности пестроты человѣческихъ характеровъ. Добрые — это помощники, злые—враги и конкуренты сдѣлавшагося героемъ «я».

---

[1]) Anzengruber.

Я нисколько не игнорирую того обстоятельства, что очень многія поэтическія произведенія весьма далеко стоятъ отъ образца наивнаго «сна на яву», но я не могу отказаться отъ мысли, что образующаяся пропасть между самыми крайними уклоненіями и этимъ образцомъ можетъ совершенно заполниться рядомъ переходовъ, связанныхъ съ этимъ послѣднимъ.

Во многихъ, такъ называемыхъ психологическихъ, романахъ мнѣ бросалось въ глаза, что только одно лицо, опять герой, описывается путемъ самонаблюденія; въ его душѣ сидитъ какъ будто писатель и извнѣ наблюдаетъ остальныхъ. Психологическій романъ въ общемъ своей особенностью обязанъ склонности современнаго писателя посредствомъ самонаблюденія раздроблять свое «я» на части и вслѣдствіе этого персонифицировать въ нѣсколькихъ герояхъ свои душевные конфликты. Въ совершенно особомъ противорѣчіи съ типомъ «сновъ на яву» стоятъ какъ будто романы, которые можно было бы назвать «эксцентрическими», въ которыхъ лицо, назначенное быть героемъ, играетъ ничтожную активную роль и является скорѣе наблюдателемъ поступковъ и страданій другихъ, проходящихъ мимо него. Таковы, напр., многіе позднѣйшіе романы Zola. Однако я долженъ замѣтить, что психологическій анализъ не писателей, но людей, во многихъ отношеніяхъ уклонившихся отъ такъ называемой нормы, показалъ аналогичныя варіаціи «сновъ на яву», въ которыхъ «я» ограничивается ролью зрителя.

Чтобы наше сравненіе писателя съ мечтателемъ, поэтическаго произведенія со «сномъ на яву» было цѣннымъ, оно должно прежде всего въ какомъ нибудь отношеніи оказаться плодотворнымъ. Попробуемъ наше выше высказанное положеніе о связи фантазіи съ тремя періодами времени и пробѣжавшимъ желаніемъ примѣнить, къ произведеніямъ писателя и съ помощью этого разсмотрѣть, въ какой связи находятся творенія писателя съ его жизнью. Обыкновенно не знали, чего можно ждать отъ разрѣшенія этого вопроса, часто представляли себѣ эту связь слишкомъ простой. Изъ пониманія сущности фантазіи мы должны здѣсь себѣ представить слѣдующее положеніе вещей: сильное настоящее переживаніе будитъ въ писателѣ старое воспоминаніе, большею частью относящееся къ дѣтскому переживанію, исходному пункту желанія, которое находитъ осуществленіе въ произведеніи. Въ самомъ произ-

веденіи можно увидѣть какъ элементы новаго порядка, такъ и старое воспоминаніе.

Не слѣдуетъ пугаться сложности этой формулы; я думаю, что на самомъ дѣлѣ она окажется слишкомъ недостаточной схемой. Однако въ ней всетаки можно усмотрѣть первое приближеніе къ дѣйствительному пониманію положенія вещей, и послѣ нѣсколькихъ предпринятыхъ мною попытокъ я могу думать, что такое пониманіе творчества можетъ быть не безплоднымъ. Не забывайте, что быть можетъ странное подчеркиваніе роли дѣтскаго воспоминанія въ жизни писателя въ послѣднемъ счетѣ проистекаетъ изъ предположенія, что творчество, какъ и «сонъ на яву», является продолженіемъ и замѣной старой дѣтской игры. Остановимся на тѣхъ произведеніяхъ, въ которыхъ мы должны видѣть не свободный полетъ фантазіи, а обработку готоваго и знакомаго матеріала. И здѣсь писателю остается большая доля самостоятельности, которая выражается въ выборѣ матеріала и въ часто далеко заходящемъ измѣненіи его. Но поскольку матеріалъ дается готовымъ, онъ беретъ начало изъ народной сокровищницы миѳовъ, сагъ и сказокъ. Изслѣдованіе народно-психологическаго творчества ни въ какомъ случаѣ нельзя считать законченнымъ, но изъ анализа миѳовъ, напр., вполнѣ допустимо заключить, что они соотвѣтствуютъ искаженнымъ остаткамъ желаній-фантазій цѣлыхъ народностей, столѣтнимъ мечтамъ первобытнаго человѣчества.

Мнѣ могутъ сказать, что я гораздо больше говорилъ о фантазіяхъ, чѣмъ о поэтѣ, который однако тоже фигурируетъ въ названіи моей статьи. Я это знаю и пытаюсь это оправдать не совершеннымъ состояніемъ нашего знанія. Я могъ только указать на ту потребность и на тѣ поощренія къ сближенію, которыя напрашиваются при изученіи фантазіи и вопроса о поэтическомъ выборѣ матеріала. Другого вопроса, какимъ путемъ поэтъ своими произведеніями вызываетъ въ насъ возбужденіе аффектовъ, мы вообще еще не коснулись. Я хотѣлъ бы еще только указать, какой путь ведетъ отъ нашего разрѣшенія смысла фантазіи къ вопросамъ поэтическихъ эффектовъ.

Вы помните, я сказалъ, что мечтатель заботливо скрываетъ свои фантазіи отъ другихъ, такъ какъ чувствуетъ, что есть основаніе стѣсняться ихъ. Я еще прибавлю, что, если бы онъ даже сообщилъ ихъ, онъ не могъ бы доставить намъ наслажденіе этой откровенностью. Если мы ихъ узнаемъ, они насъ оттолкнутъ или въ лучшемъ случаѣ мы останемся равно-

душными къ нимъ. Но, когда писатель читаетъ намъ свое произведеніе или мы видимъ на сценѣ то, что мы склонны объяснить какъ его «сны на яву», мы получаемъ высокое наслажденіе, имѣющее, вѣроятно, много источниковъ. Какъ это удается писателю?—это его сокровеннѣйшая тайна; въ техникѣ преодолѣнія того, что насъ отталкиваетъ и что, несомнѣнно, представляетъ средостѣніе, находящееся между нашимъ «я» и остальными, лежитъ истинная Ars poetica. Мы можемъ предположить двухъ родовъ средства: писатель смягчаетъ характеръ эгоистическихъ «сновъ на яву» измѣненіями и затушевываніями и подкупаетъ насъ чисто формальными, т. е. эстетическими наслажденіями, которыя онъ даетъ при изображеніи своихъ фантазій. Такое наслажденіе, данное намъ съ цѣлью вызвать этимъ путемъ изъ глубоко лежащихъ психическихъ источниковъ еще большее наслажденіе, называется заманивающей преміей (Verlockungsprämie) или преддверіемъ наслажденія (Vorlust). Я того мнѣнія, что всякое эстетическое наслажденіе, данное намъ писателемъ, носитъ характеръ этого «преддверія наслажденія» и что настоящее наслажденіе отъ поэтическаго произведенія объясняется освобожденіемъ отъ напряженія душевныхъ силъ. Быть можетъ, этому не мало способствуетъ и то обстоятельство, что писатель приводитъ насъ въ такое состояніе, когда мы можемъ тутъ же получать удовольствіе отъ собственныхъ фантазій, не испытывая ни стыда, ни упрековъ за нихъ. Здѣсь мы стоимъ у входа передъ новыми, интересными и сложными изысканіями, но на этотъ разъ довольно.

Перев. Е. Г—инъ.

«Опасный возрастъ» Каринъ Михаэлисъ въ свѣтѣ психоанализа. [1])

Д-ра Татьяны Розенталь.

Предметомъ нашего изслѣдованія являлся дневникъ Эльзи Линдтнеръ—ея самоанализъ. Желая разсмотрѣть его по методу Freud'a, мы должны были ознакомиться съ дѣтствомъ и юностью Эльзи. Мы нашли въ дневникѣ нѣкоторыя цѣнныя указанія объ этихъ періодахъ ея жизни, но, желая болѣе прочно обосновать и критически провѣрить свои выводы, мы

---

[1]) Статья эта представляетъ собой за незначительными измѣненіями докладъ, читанный въ засѣданіи Берлинскаго психоаналитическаго общества 5-го января 1911 г. и помѣщенный въ № 7—8 Zentralbl. f. Psychoanalyse.

обратились къ прежнимъ произведеніямъ Каринъ Михаэлисъ. Оказалось, что рядъ героинь прежнихъ произведеній писательницы представляетъ собою тотъ же типъ въ различныхъ его видоизмѣненіяхъ и на разныхъ ступеняхъ развитія. Въ рядѣ женскихъ образовъ обнаружилась поразительная стереотипность важнѣйшихъ психологическихъ свойствъ.

Стереотипныя черты въ образахъ, созданныхъ поэтомъ, нерѣдко являются указателемъ того, что въ душевной жизни самого поэта существуетъ безсознательная необходимость, все снова направляющая его творческую фантазію въ опредѣленномъ направленіи. Анализъ продукта поэтическаго творчества тѣсно связанъ съ анализомъ душевной жизни поэта. Но, разумѣется, нельзя по конфликтамъ героя поэмы судить о конфликтахъ въ душевной жизни поэта: художественное творчество можетъ быть для поэта освобожденіемъ отъ необходимости ихъ реальнаго изживанія.

Но своимъ единствомъ художественное творчество Каринъ Михаэлисъ давало намъ право разсматривать Эльзи Линдтнеръ въ связи съ прежде созданными писательницей женскими образами и воспользоваться матеріаломъ, почерпаннымъ изъ другихъ книгъ Каринъ Михаэлисъ, какъ дополненіемъ къ исторіи Эльзи, при изслѣдованіи индивидуально-психологическихъ причинъ ея кризиса.

I.

Жена богатаго фабриканта Линдтнера, которой уже 42 года, разводится со своимъ мужемъ, съ которымъ она счастливо прожила 20 лѣтъ. «Для этого въ сущности нѣтъ никакихъ основаній, ни малѣйшей осязательной или ощутимой причины». [1]) «Я ухожу отъ вполнѣ гармоничнаго и счастливаго брака», пишетъ она своей подругѣ въ день, когда, покидая мужа, уѣзжаетъ въ свою одинокую бѣлую виллу на заброшенный островъ. Говоря о своей счастливой семейной жизни, она не находитъ другихъ объясненій для своего поступка, какъ возникшей въ ней необходимости одиночества. Она должна жить «совершенно одна, для себя и съ собой». «Считай это нелѣпой мыслью, невозможной причудой, истеріей—что быть можетъ правильно—но я должна уйти отъ людей, уйти отъ всего». Рѣшеніе уйти отъ міра возникло у Эльзи не внезапно, уже годъ, какъ оно созрѣло въ ней. Она

[1]) Всѣ цитаты изъ книги Каринъ Михаэлисъ сдѣланы нами по нѣмецкимъ авториз. изданіямъ въ нашемъ переводѣ.

откладывала его осуществленіе, отчасти желая испытать себя, отчасти для того, чтобы не пойти въ неизвѣстность: за этотъ годъ была построена ея бѣлая вилла. Виллу построилъ молодой архитекторъ Іёргенъ Мальтэ въ совмѣстной работѣ съ Эльзи. Настоящаго предназначенія виллы онъ не зналъ; Эльзи увѣрила его, что вилла строится для ея разведенной подруги. Прощальное письмо Эльзи къ Мольтэ начинается увѣреніемъ: «Вѣдь мы друзья съ вами», но даетъ понять, что чувство архитектора къ Эльзи не только дружба. Въ письмѣ къ подругѣ Эльзи открыто говоритъ: «Я удостоилась, какъ вы всѣ это съ удовольствіемъ замѣчали, юношескихъ мечтаній этого милаго Іёргена Мальтэ».

Мы еще вернемся къ письму Эльзи къ Мальтэ, здѣсь отмѣтимъ только, что Эльзи, прощаясь съ своимъ молодымъ другомъ, подчеркиваетъ разницу въ возрастѣ между собой и имъ. Пройдетъ немного лѣтъ и онъ самъ не пойметъ, какъ это она одно время была для него „единственной". Ей тяжело было обманывать его насчетъ настоящаго предназначенія виллы, но обязанности по отношенію къ мужу принуждали ее къ молчанію. Она проситъ Мальтэ не писать ей, разрѣшаетъ ему только послать ей свой прощальный привѣтъ. „Теперь я запрусь въ своей бѣлой виллѣ, и это—конецъ моей исторіи", пишетъ она ему въ заключеніе.

Остается еще прощальное письмо къ „милому, хорошему другу и бывшему супругу". Здѣсь Эльзи приводитъ новую, столь же неопредѣленную, причину своего рѣшенія: „очевидно я не гожусь для замужества". Мужа ей не за что упрекнуть: „Право, серьезно, мнѣ бы хотѣлось имѣть основанія для упрековъ, но мнѣ не за что тебя упрекнуть, ни въ одномъ отношеніи". Она даетъ мужу всякіе добрые совѣты, банально его утѣшаетъ, какъ большинство женщинъ въ подобномъ положеніи: „вѣдь у тебя есть дѣло и друзья" и намекаетъ, что онъ еще, быть можетъ, будетъ счастливъ съ другой. „Ни одинъ мужчина, кромѣ тебя, не занималъ малѣйшаго мѣста въ моемъ сердцѣ", увѣряетъ она. Ей самой непонятно, почему умерло ея чувство—это, вѣроятно, первое заболѣваніе, но, къ сожалѣнію, оно неизлѣчимо.

Дальнѣйшее представляетъ собой дневникъ и письма втеченіе года, проведеннаго въ бѣлой виллѣ. Эльзи проводитъ этотъ годъ въ одиночествѣ, при смѣнѣ разнообразнѣйшихъ настроеній. Единственнымъ ея обществомъ являются горничная и кухарка. Тѣмъ болѣе Эльзи въ состояніи сосредото-

читься на самоанализѣ; она выходитъ даже за предѣлы его: изслѣдуетъ общія причины своего состоянія—проблему климактерическаго періода и съ этой точки зрѣнія разсматриваетъ судьбы другихъ женщинъ.

Это дневникъ умной женщины, хорошаго психолога, способной осознать многое изъ того, что у другихъ женщинъ протекало бы безсознательно. Но и этихъ данныхъ недостаточно, чтобы избѣгнуть „лукавства“ безсознательныхъ фактовъ психики при самоанализѣ. Эльзи не доходитъ въ своемъ анализѣ до конца. Ни разу не упоминается истинное желаніе, приведшее ее въ бѣлую виллу. И еще меньше она въ состояніи осознать психологическія причины, опредѣлившія характеръ ея аффективной жизни вообще.

Уже съ первыхъ страницъ книги ясно, что приводимая Эльзи поверхностная мотивировка недостаточна для объясненія ея расхожденія съ мужемъ, и можетъ возникнуть предположеніе, что Іёргенъ Мальтэ сыгралъ извѣстную роль въ принятомъ ею рѣшеніи.

И, дѣйствительно, въ одиночествѣ чувство Эльзи къ Мальтэ крѣпнетъ и созрѣваетъ. И когда проходитъ годъ и зацвѣтаютъ липы, она не въ силахъ сдержать своей страсти и зоветъ его къ себѣ. Онъ является на ея зовъ, но въ тотъ же день уѣзжаетъ: чувство его къ Эльзи умерло.

Эльзи не въ силахъ дольше выносить одиночество. Все время она подавляла свою эротику, но теперь она въ своемъ отчаяніи пытается снова сблизиться съ мужемъ. Она унижается до письма къ мужу, полнаго лжи и хитрыхъ расчетовъ, но напрасно: Линдтнеръ только что женился на молодой дѣвушкѣ. Узнавъ это, она посылаетъ ему письмо, исполненное вульгарной насмѣшки, сквозь которую просвѣчиваетъ безсильная злоба, и отправляется путешествовать, чтобы забыть свое пораженіе въ бѣлой виллѣ.

II.

Мы начнемъ анализъ съ отношеній Эльзи къ Мальтэ. Они лежатъ, такъ сказать, на поверхности, представляютъ собой наиболѣе свѣжій слой ея душевной жизни, наиболѣе доступный ея самоанализу; намъ же они дадутъ ключъ къ болѣе глубокимъ слоямъ психики Эльзи.

Въ своемъ прощальномъ письмѣ къ Мальтэ она стремится остаться вѣрной тону старшаго друга, но у нея вырываются маленькія признанія, не совсѣмъ подходящія къ чисто-друже-

скимъ отношеніямъ. Она вспоминаетъ прекрасные часы, проведенные съ Мальтэ, когда говорилось обо всемъ, впрочемъ, большей частью ни о чемъ. Письма не смогутъ передать даже отблеска этихъ прекрасныхъ часовъ. „Мнѣ кажется, мы бывали очень мало остроумны, когда бывали вмѣстѣ, а вѣдь мы никогда не скучали". Мы узнаемъ, кромѣ того, изъ этого письма, что въ послѣднее время Эльзи избѣгала своего молодого друга.

Уже на завтра по прибытіи въ виллу Эльзи совершаетъ нѣсколько странный поступокъ: единственный подарокъ Мальтэ, картину «Вилла у моря» она отдаетъ кухаркѣ въ людскую. Очевидно, тѣмъ самымъ она стремится убѣдить себя въ томъ, что Мальтэ для нея очень мало означаетъ, стремится унизить объектъ своей любви. Но этому стремленію, очевидно, противодѣйствуетъ сильный противоположный, но вытѣсненный аффектъ, такъ что побѣдить оно можетъ только проявившись въ утрированно-рѣзкой формѣ. Эльзи потомъ стыдится своего поступка, очевидно, чувствуя каррикатурность подобной побѣды надъ собой.

Получая разныя письма, она ждетъ лишь одного—письма Мальтэ. Когда она, не имѣя никакихъ основаній къ тому, чтобы сомнѣваться въ уваженіи своего молодого друга къ себѣ, въ раздумьи говоритъ: «неужели онъ не удостоиваетъ меня отвѣта?», то это только значитъ, что она отгоняетъ отъ своего сознанія другія толкованія этого молчанія.

Въ одинъ день, когда у ней на душѣ спокойно и тихо, она думаетъ о Мальтэ съ чувствомъ радости, что она поступила именно такъ, а не иначе. Такимъ образомъ, мы впервые узнаемъ отъ Эльзи, что существуетъ связь между ея рѣшеніемъ и отношеніемъ ея къ Мальтэ.

Несмотря на «конецъ», она все же чего-то ждетъ, такъ какъ вдругъ пишетъ въ дневникѣ: «я сижу здѣсь и жду своего смертельнаго врага. Подкрадется-ли онъ ко мнѣ, или я окажусь сильнѣе?» Это какъ-то не подходитъ къ заявленію «я запрусь въ своей бѣлой виллѣ, и это конецъ моей исторіи». Имя Мальтэ, правда, исчезаетъ теперь со страницъ дневника. Зато Эльзи занимается разоблаченіями женской хитрости и лжи, женскаго смѣха и слезъ, какъ оружія противъ мужчины (эти признанія и разоблаченія касаются давно разгаданныхъ тайнъ).

Ее охватываетъ сознаніе, что теперь слишкомъ поздно для жизни сожалѣніе о счастьи, которымъ она не сумѣла за-

владѣть, и отвращеніе къ себѣ самой за то, что она не въ силахъ не ждать постоянно почты, несмотря на то, что почта ей ничего не приноситъ. Въ «ничто» входятъ всѣ письма, кромѣ письма отъ Мальтэ.

Наконецъ она получаетъ это письмо и рѣшаетъ его не читать, но отмѣчаетъ въ дневникѣ, что письмо это тяжелое (т. е., что Мальтэ много ей написалъ). Письмо вызываетъ въ ней бурю чувствъ и она восклицаетъ: «Мое чувство къ нему было и есть свято». Она ловитъ себѣ на самообманѣ: «я снова играла комедію съ затаенной мыслью, что жизнь снова начнется».

Она хочетъ сжечь письмо, но не въ силахъ это сдѣлать.

Она далека отъ того, чтобы сознать, что въ основѣ ея переѣзда въ бѣлую виллу лежало желаніе начать тамъ новую жизнь съ Мальтэ, но что она стремилась не къ одиночеству и разрыву съ Мальтэ, а къ тому чтобы крѣпче связать себя съ нимъ, въ такой формѣ входитъ въ ея сознаніе: «онъ и я— мы связаны на всю жизнь, мы связаны потому, что я поступила умно. Не видя меня, онъ никогда не сможетъ меня забыть». Письмо ее мучаетъ. Она начинаетъ себя подозрѣвать въ томъ, что изъ трусости его не не распечатываетъ. Вытѣсненная любовь вызываетъ контрастный аффектъ—она начинаетъ ненавидѣть Іёргена: она была бы рада, если бы ей написали, что его переѣхалъ автомобиль, вмѣсто того, чтобы сообщать о его успѣхахъ.

Мальтэ ей больше не пишетъ, подчинившись ея желанію: «онъ исполнилъ мою просьбу о молчаніи. Ни одной строчки, кромѣ того письма. Это вѣдь самое лучшее, и я такъ хотѣла, а все-таки»... Теперь она въ состояніи сжечь письмо, оно для нея ничего не представляетъ—такъ какъ за нимъ ничего не послѣдовало. Она не хотѣла читать его, такъ какъ не могла бы на него отвѣтить; она была связана своимъ рѣшеніемъ и не хотѣла быть смѣшной, а своей пассивностью она предоставляла Мальтэ свободу дѣйствія. Мальтэ серьезно отнесся къ ея рѣшенію и подчинился ему,—это, слѣдовательно, его прощальное письмо — тогда его можно сжечь. Въ этомъ для Эльзи есть, кромѣ того, пріятный самообманъ добровольнаго отреченія.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Обзоры.

3. Фрейдъ о Леонардо-да-Винчи.

Въ брошурѣ, появившейся въ 1910 г. подъ названіемъ «Eine Kindheitserinnerung des Leonardo da Vinci», Freud дѣлаетъ интересную попытку дать объясненіе художественнаго творчества, а вмѣстѣ и личности художника путемъ психоанализа. Это изслѣдованіе Freud'а интересно не только для спеціалистовъ, потому что темою его служитъ одинъ изъ самыхъ сложныхъ, самыхъ загадочныхъ и геніальныхъ людей, извѣстныхъ міровой исторіи.

Леонардо-да-Винчи былъ незаконнымъ сыномъ флорентинскаго нотаріуса Пьетро-да-Винчи [1]) и простой крестьянки; въ раннемъ дѣтствѣ онъ былъ усыновленъ отцемъ, росъ и воспитывался въ его домѣ во Флоренціи до тѣхъ поръ, пока не поступилъ въ мастерскую извѣстнаго художника Вероккіо, подъ руководствомъ котораго и началъ свою художественную дѣятельность. Въ возрастѣ около 30-ти лѣтъ Леонардо переѣхалъ въ Миланъ на службу къ миланскому герцогу Людовико Сфорца; при миланскомъ дворѣ онъ оставался до 1500 г., будучи одновременно живописцемъ, скульпторомъ, архитекторомъ, придворнымъ музыкантомъ и инженеромъ; послѣ паденія герцога Сфорца, Леонардо служилъ въ качествѣ военнаго инженера при Цезарѣ Борджіа, жилъ нѣкоторое время во Флоренціи, Римѣ и Миланѣ, постоянно мѣняя покровителей и подъ конецъ жизни переѣхалъ во Францію по приглашенію большого почитателя его таланта—короля Франциска I. Здѣсь онъ скончался въ 1519 году.—Таковы внѣшніе факты біографіи художника, типичной для художниковъ его эпохи; но за этими обычными фактами скрывается рядъ особенностей, часто странностей, свойственныхъ ему одному. На нихъ и обращаетъ Freud главнымъ образомъ свое вниманіе. Первая изъ нихъ касается всѣхъ областей его всесторонней дѣятельности и научной, и художественной: онъ—всѣми признанный великій художникъ—ни одного изъ своихъ произведеній не могъ довести до конца, до той степени совершенства, которая представлялась ему необходимой. Постоянно преслѣдовали его колебанія, неувѣренность въ себѣ, недовольство собою; свои большія произведенія онъ писалъ годами, часто на цѣлыя недѣли прерывалъ работу. Такъ работалъ онъ надъ «Тайной Вечерью», надъ портретомъ Моны Лизы Джіоконды—надо всѣми своими картинами, которыя подолгу обдумывалъ раньше, чѣмъ приступалъ къ исполненію. Отчасти по этой причинѣ, мѣшавшей естественно его художественной продуктивности, отчасти вслѣдствіе постояннаго исканія новыхъ техническихъ пріемовъ, изобрѣтенія особаго рода красокъ отъ

---

[1]) Онъ родился въ 1452 г.

творчества Леонардо сохранилось очень немногое: пять картинъ, изъ которыхъ двѣ неоконченныя, сильно попорченная временемъ стѣнная фреска въ миланскомъ монастырѣ S. M. delle Grazie, изображающая Тайную Вечерю, и довольно много рисунковъ. Отъ скульптурной его дѣятельности не сохранилось ничего.

Такимъ же—не умѣющимъ заканчивать—былъ художникъ и въ своей научной работѣ, игравшей въ его жизни едва-ли не бо́льшую роль, чѣмъ самое художественное творчество. И здѣсь онъ былъ геніальнымъ творцомъ, искателемъ истины, безстрашнымъ и сильнымъ въ исканіи, но не способнымъ довести до конца свое великое дѣло—собрать въ одно цѣлое разрозненные отрывки, сдѣлать ихъ общимъ достояніемъ. Величайшій естествоиспытатель своего времени, онъ не издалъ ни одного научнаго сочиненія; послѣ его смерти все громадное собранное имъ сокровище знаній осталось мертвымъ въ его странныхъ записяхъ, писанныхъ справа налѣво и со своеобразной далеко не грамматической орфографіей. Хранившіе ихъ не знали всей цѣны того, что было въ ихъ рукахъ, дарили и продавали отдѣльныя части (что привело къ потерѣ многаго). Только въ наше время стали ихъ дешифрировать и читать.

Въ этихъ чертахъ дѣятельности Леонардо Freud видитъ слѣдствіе извѣстной пассивности и безразличности, свойственной его характеру; чрезвычайно мягкій, добрый и ровный въ обхожденіи, онъ тѣмъ не менѣе могъ спокойно наблюдать за выраженіемъ лица преступника въ минуту казни, могъ не гнушаться службой извѣстному своей жестокостью Цезарю Борджіа.

Другою важной особенностью художника, касающейся эмоціональной жизни его, былъ тотъ фактъ, что онъ, повидимому, за всю свою жизнь не былъ близокъ ни съ одной женщиной,—фактъ тѣмъ болѣе замѣчательный, что эпоха, въ которую онъ жилъ, и общество, окружавшее его, были какъ нельзя болѣе далеки отъ аскетизма. Онъ былъ, повидимому, чуждъ страстей и увлеченій, кромѣ, впрочемъ, одного: «онъ отдавался только изслѣдованію съ той выдержкой, тѣмъ постоянствомъ и углубленіемъ, которыя проистекаютъ изъ страсти» [1]). Въ этой области онъ проявлялъ иногда даже восторгъ, удовлетворенный результатами долгой работы. У него познаніе всегда предшествуетъ чувству и тѣмъ исключается возможность интенсивнаго эмоціональнаго переживанія.

Къ объясненію такого преобладанія въ Леонардо жажды познанія Freud подходитъ съ точки зрѣнія своихъ выводовъ, сдѣланныхъ на основаніи его врачебнаго опыта. «Мы считаемъ вѣроятнымъ, говоритъ онъ, что этотъ слишкомъ сильно развитой инстинктъ (Trieb) проявлялся уже въ раннемъ дѣтствѣ,

---

1) Freud. Стр. 11.

что его господство было опредѣлено впечатлѣніями дѣтства и мы принимаемъ далѣе, что онъ въ своемъ возникновеніи соединился съ сексуальными двигательными силами, укрѣпившими его, такъ что впослѣдствіи онъ можетъ замѣщать собою часть сексуальной жизни» [1]). Леонардо-да-Винчи является въ этомъ случаѣ представителемъ богато одареннаго, рѣдкаго типа людей, у которыхъ оттѣсненные въ раннемъ дѣтствѣ въ область безсознательнаго сексуальные интересы всецѣло подчиняются стремленію къ познанію, только усиливая его.

Въ чемъ же заключается тотъ сексуальный комплексъ, который такъ повліялъ на жизнь и творчество Леонардо-да-Винчи?

Насколько это возможно, Freud старается произвести надъ психической жизнью художника тотъ психоанализъ, путемъ котораго онъ считаетъ возможнымъ разгадывать загадки заболѣваній у своихъ паціентовъ. Онъ изслѣдуетъ тотъ матеріалъ, который остался отъ Леонардо въ запискахъ и художественныхъ произведеніяхъ. Надо замѣтить, что Freud, къ сожалѣнію, не знакомъ, повидимому, съ первоисточниками: хорошо зная литературу о Леонардо, онъ не знакомъ, непосредственно, съ его манускриптами. Это обстоятельство дѣлаетъ производимый имъ психоанализъ неполнымъ и ослабляетъ вѣроятность тѣхъ гипотетическихъ выводовъ, къ которымъ онъ въ результатѣ приходитъ. Выводы эти сводятся къ слѣдующему: у Леонардо, незаконнаго ребенка, первые годы жизни проведшаго, повидимому (гипотетичность положеній Freud'а начинается уже здѣсь, потому что фактъ этотъ самъ по себѣ не засвидѣтельствованъ документально), у матери, покинутой отцемъ, испытавшаго вслѣдствіе этого ненормально повышенныя проявленія ея нѣжности—у Леонардо развилась тоже ненормально «сексуальная» любовь къ матери, т. е. гипертрофировалось то отношеніе, которое, по мнѣнію автора, въ зачаточномъ видѣ бываетъ въ дѣтствѣ у каждаго въ большей или меньшей степени. Съ другой стороны, своеобразны были его отношенія къ тому отцу, котораго сначала въ представленіи ребенка не было совсѣмъ и авторитетъ котораго не могъ играть и позднѣе большую роль въ его жизни. Мы переходимъ къ разбору тѣхъ данныхъ, которыми Freud подтверждаетъ свою первую гипотезу.

«Кажется, что мнѣ заранѣе было предназначено такъ обстоятельно заняться ястребомъ, пишетъ Леонардо въ своихъ запискахъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ разбираетъ полетъ ястреба, потому что мнѣ приходитъ въ голову, какъ совсѣмъ раннее воспоминаніе, когда я еще лежалъ въ колыбели, ко мнѣ спустился ястребъ, открылъ мнѣ ротъ своимъ хвостомъ, и много разъ провелъ этимъ хвостомъ по моимъ губамъ». Это воспоминаніе Freud считаетъ не воспоминаніемъ, а фантазіей: оно, по его мнѣнію, слишкомъ невѣроятно для дѣйствительно-

---

[1]) ib. 14.

сти. Фантазія эта сексуальнаго, даже гомосексуальнаго характера, напоминаетъ патологическіе сны. Леонардо въ своей фантазіи сдѣлалъ переработку изъ воспоминанія о первомъ жизненномъ удовольствіи,—томъ удовольствіи, которое испытываетъ ребенокъ при сосаніи. Вмѣсто матери въ фантазіи его ястребъ. Какимъ путемъ могъ онъ притти къ такому замѣщенію.

Часто фантазіи дѣтей совпадаютъ съ фантазіями народовъ. Такая аналогія есть и для даннаго случая: въ египетскихъ іероглифахъ понятіе „мать" передается изображеніемъ ястреба, ястребъ является у египтянъ символомъ материнства; по египетской легендѣ эти птицы всѣ самки, размножающіяся партеногенетически. Легенда эта была настолько извѣстна въ западной Европѣ, что отцы церкви нерѣдко приводили этотъ примѣръ при разборѣ догмата о непорочномъ зачатіи. Леонардо да Винчи прочелъ гдѣ-нибудь эту басню и тогда придумалъ свою фантазію. „Когда онъ однажды прочелъ у какого-нибудь отца церкви или въ книгѣ по естественной исторіи, что ястреба всѣ самки и умѣютъ размножаться безъ самцовъ, у него всплыло воспоминаніе, которое переработалось въ ту фантазію, но которое означало, что и онъ вѣдь тоже былъ такимъ птенцомъ ястреба, имѣющимъ мать, но не имѣвшимъ отца"... „Такимъ образомъ, онъ пришелъ къ отождествленію себя съ ребенкомъ Христомъ".[1]) Freud думаетъ, что приведенный имъ анализъ можетъ служить лишнимъ доказательствомъ въ пользу предположенія, что Леонардо первые нѣсколько лѣтъ своей жизни прожилъ у матери.

Эту фантазію Freud считаетъ гомосексуальной, основываясь на общихъ наблюденіяхъ своихъ надъ сексуальными фантазіями мальчиковъ, для которыхъ мать представляется существомъ гермафродитнаго типа. Что Леонардо былъ до нѣкоторой степени гомосексуаленъ, вполнѣ совпадаетъ съ наблюденіями надъ случаями гомосексуальности: въ нихъ безъ исключенія встрѣчается сильная привязанность къ женщинѣ въ самомъ раннемъ возрастѣ, которой соотвѣтствуетъ привязанность художника къ матери.

Эта любовь не могла развиваться въ сознательной жизни подрастающаго мальчика. „Мальчикъ оттѣсняетъ любовь къ матери, ставя самого себя на ея мѣсто, отождествляя себя съ матерью и беря свою собственную личность за образецъ, по сходству съ которымъ онъ выбираетъ себѣ новые объекты любви".[2]) Онъ становится гомосексуаленъ и впослѣдствіи, какъ взрослый человѣкъ, чувствуетъ склонность къ молодымъ мальчикамъ. Извѣстно, что Леонардо всю жизнь любилъ окружать себя красивыми молодыми учениками. Еще одинъ фактъ: темное обвиненіе, оставшееся недоказаннымъ, которое было сдѣлано противъ Леонардо анонимнымъ доносчикомъ во время

---

[1]) Freud стр. 27.

[2]) Ib. 36.

его пребыванія въ мастерской Вероккіо. Это обвиненіе и Freud считаетъ совершенно не основательнымъ; оно показываетъ только, что нѣкоторая ненормальность въ этой области чувствовалась современниками. По отзывамъ всѣхъ біографовъ, писавшихъ о немъ, Леонардо всю жизнь оставался дѣвственникомъ.

Первоначальный сексуальный комплексъ настолько удачно вытѣсненъ, до такой степени подчиненъ стремленію къ познанію, неограниченно господствующему въ душѣ Леонардо, что всякое выраженіе его подавляется вполнѣ, кромѣ такихъ исключительныхъ случаевъ какъ смерть матери, какъ напоминаніе о которой остался счетъ расходовъ по ея погребенію [1]— мелочь характерная съ психіатрической точки зрѣнія. „Тутъ (при Zwangsneurose) мы видимъ проявленіе интенсивныхъ, но сдѣлавшихся черезъ вытѣсненіе безсознательными чувствъ, передвинутыми въ незначительныя дѣйствія“ [2].

Немаловажнымъ источникомъ для знакомства съ психическою жизнью художника являются его художественныя произведенія. И на нихъ, по мнѣнію Freud'а, отразилось то глубокое дѣтское чувство, которое такъ повліяло на жизнь Леонардо.

На всѣхъ его произведеніяхъ замѣтна особаго рода таинственность. Неясная загадочная улыбка, скорѣе полуулыбка привлекаетъ въ лицахъ, которыя принадлежатъ его рукѣ. Объ этой улыбкѣ, особенно о самомъ яркомъ ея выраженіи — въ лицѣ Моны Лизы Джіоконды, портретъ которой кисти Леонардо сохраняется до сихъ поръ въ луврскомъ музеѣ, написано много. Джіоконда была женою флорентинскаго адвоката, портретъ котораго художникъ, по преданію, тоже написалъ, но отъ него не сохранилось ничего. Надъ портретомъ Моны Лизы Леонардо работалъ 4 года и въ концѣ этого срока считалъ портретъ всё еще неоконченнымъ. Насколько сильно въ непосредственномъ созерцаніи чувствуется странность этой улыбки, названной „леонардовскою“, показываютъ отзывы писавшихъ объ этой картинѣ спеціалистовъ; всѣ они какъ бы чувствовали неясно то двоякое значеніе, которое имѣла эта улыбка для самого художника: для него въ ней заключалось воспоминаніе объ улыбкѣ матери, ея повышенная нѣжность и ревнивый запретъ когда-нибудь отдать свои чувства другой женщинѣ. Воспоминаніе сохранилось не въ сознательной жизни Леонардо, но его дѣйствіе проявилось тѣмъ не менѣе на всемъ его художественномъ творчествѣ. Леонардо да Винчи сохранилъ на всю жизнь вѣрность своей первой любви, заплативъ за это дорогой цѣной — принесеніемъ въ жертву смѣлости и энергіи мужественности. Величайшій геній всегда былъ нерѣшителенъ, медлителенъ въ своихъ творческихъ работахъ и не умѣлъ ихъ заканчивать.

---

[1]) Текстъ этого счета Freud приводитъ (стр. 40) по роману Мережковскаго.

[2]) стр. 41.

Freud считаетъ, что въ творчествѣ Леонардо съ самаго начала, съ самыхъ раннихъ до самыхъ зрѣлыхъ его произведеній встрѣчается намекъ на ту-же улыбку. Въ лицѣ флорентинской патриціанки мадонны Джіоконды онъ встрѣтилъ живую улыбку своей мечты, ставшую неясной для него самаго. Въ чужой женщинѣ онъ нашелъ то, что всего дороже было ему въ матери. Этимъ объясняется то увлеченіе, съ которымъ онъ работалъ надъ портретомъ, заботясь постоянно о томъ, чтобы не исчезла съ лица оригинала удивительная улыбка. Біографъ художниковъ Вазари разсказываетъ, какъ старательно Леонардо развлекалъ свою модель, собирая въ своей студіи на время сеансовъ цвѣтъ флорентинской интеллигенціи: онъ, очевидно, боялся потерять это выраженіе уже разъ потерянное и теперь какимъ-то чудомъ найденное опять.

Почти одновременно съ Джіокондой Леонардо создалъ другую значительную вещь — „святую Анну", снимокъ съ которой украшаетъ брошуру Freud'a. На этой картинѣ 3 лица: св. Анна, Мадонна и Христосъ-ребенокъ; Мадонна, сидя на колѣняхъ матери, старается взять на руки маленькаго Христа, который вырывается отъ нея и съ шаловливой улыбкой хочетъ взобраться на спину барашка. У Анны лицо вполнѣ „леонардовское": грустное и улыбающееся одновременно; глаза опущены. Въ этой картинѣ Freud видитъ отраженіе дѣтскихъ лѣтъ Леонардо да Винчи. Онъ — незаконный ребенокъ, и вмѣстѣ — дитя двухъ матерей: родной матери и молодой мачехи, въ домѣ которой онъ воспитывается послѣ 5-ти лѣтъ. На этой картинѣ художникъ изобразилъ себя и двухъ этихъ женщинъ. Мать его — св. Анна картины; въ лицѣ ея и улыбка, которую онъ теперь нашелъ въ Монѣ Лизѣ и та грусть, которую вызываетъ въ ней разлука съ сыномъ; между ними на картинѣ, какъ было въ дѣйствительности, стала мачеха—Марія картины, какъ въ дѣйствительности болѣе молодая, но все-же недостаточно юная для того, чтобы быть дочерью Анны, на картинѣ изображенной тоже совсѣмъ молодой женщиной. Самая одновременность возникновенія этой картины и Джіоконды указываетъ на то, что Леонардо, всегда мечтавшій о своей матери, теперь ярче чѣмъ когда-нибудь могъ воплотить свои далекія воспоминанія. „Художнику, говоритъ Freud, благодѣтельная природа дала возможность выражать въ своихъ созданіяхъ самыя сокровенныя, отъ него самого скрытыя, душевныя движенія, которыя могущественно захватываютъ людей, чужихъ художнику, хотя они и не могли бы сказать, откуда происходитъ это состояніе" [1]).

Отношеніе Леонардо да-Винчи къ отцу было тоже не совсѣмъ нормально. Freud видитъ указаніе на такую ненормальность въ томъ мѣстѣ записокъ Леонардо, гдѣ онъ говоритъ о смерти отца: сегодня, 9-го іюля 1504, въ среду, въ

---

[1]) Freud стр. 43.

7 часовъ утра умеръ сэръ Пьетро да-Винчи... мой отецъ, въ 7 часовъ. Ему было 80 лѣтъ; онъ оставилъ 10 дѣтей мужскаго и 2 женскаго пола [1],—въ этомъ отрывкѣ часъ смерти отца повторенъ дважды, т. е. отмѣчается мало-значительное, также какъ въ записи расходовъ на погребеніе матери.

Ненормальность отношенія лежала уже въ томъ, что въ самомъ раннемъ дѣтствѣ онъ былъ ребенкомъ, не знавшимъ отца. Это повліяло на всю его послѣдующую жизнь, облегчивъ ему,—въ самомъ началѣ существованія не знавшему высшаго авторитета,—авторитета отцовскаго,—процессъ освобожденія и отъ всякаго авторитета. Взятый впослѣдствіи въ домъ отца и мачехи, ребенокъ долженъ былъ до нѣкоторой степени перенести свою любовь на эту женщину, а вмѣстѣ съ тѣмъ „стать къ отцу въ то отношеніе соперничества, которое можетъ быть названо нормальнымъ". Это чувство совершенно исчезло съ наступленіемъ зрѣлости, сопровождавшимся у него поворотомъ въ сторону гомосексуальности. Осталась зато на всю жизнь независимость по отношенію къ авторитетамъ, характерная для Леонардо-ученаго. Для него источникомъ знанія является тотъ опытъ, который выносится изъ непосредственнаго наблюденія явленій природы, научные авторитеты онъ ставитъ не высоко, совѣтуетъ относиться отрицательно къ тому подражанію древнимъ, которое такъ часто встрѣчается въ его время. Для всякаго ребенка понятіе авторитета связано съ представленіемъ объ отцѣ; онъ и не зналъ вначалѣ отца и не чувствовалъ къ нему, повидимому, позднѣе особенной привязанности. Природа, бывшая для него подобіемъ доброй любящей матери, казалась ему лучшимъ, даже единственнымъ учителемъ. «Въ то время, какъ для большинства другихъ представителей человѣческаго рода—до сихъ поръ, какъ въ древности—потребность найти опору въ авторитетѣ настолько сильна, что міръ шатается для нихъ, когда авторитету этому грозитъ опасность, Леонардо одинъ могъ обойтись безъ такой опоры; онъ не смогъ бы, если бы не выучился въ первые-же годы жизни обходиться безъ отца». [2])

При такихъ условіяхъ Леонардо не могъ быть и религіозенъ: религія по Freud'у является обобщающимъ расширеніемъ понятія отца и перенесеніемъ на этотъ болѣе широкій объектъ связанныхъ съ нимъ чувствъ. Отношеніе Леонардо къ религіи не подлежитъ сомнѣнію; это видно изъ общаго характера его научныхъ изслѣдованій, не считающихся нигдѣ съ религіозной точкой зрѣнія, но въ его сочиненіяхъ есть и отдѣльныя мѣста, еще яснѣе показывающія его взгляды. «Люди будутъ говорить съ людьми, которые ничего не слышатъ, у которыхъ глаза открыты, но они не видятъ; они будутъ говорить съ ними и не получатъ отвѣта; они будутъ просить милости у того, кто имѣетъ уши и не слышитъ; они

---

[1]) Freud. стр. 43.

[2]) ib. 52.

будутъ зажигать огни для того, кто слѣпъ». [1]) «Во всѣхъ частяхъ Европы большія толпы народа будутъ плакать о смерти одного единственнаго человѣка, умершаго въ Азіи» [2]). Душѣ великаго изслѣдователя религіозныя чувства навсегда остались чужды. Дѣятельность изслѣдователя была высшимъ и послѣднимъ выраженіемъ его личности и въ ней остались до конца нѣкоторыя черты дѣтскости, извѣстная любовь къ геніальнымъ игрушкамъ, о которой разсказываетъ Вазари.

Изслѣдованіе Freud'a—одна сплошная гипотеза, но гипотеза эта не лишена интереса. Въ этомъ небольшомъ сочиненіи видно поразительное умѣніе автора комбинировать отдѣльныя черты психическихъ явленій, создавая почти изъ ничего цѣлое сложное построеніе. Интересна небольшая брошюра Freud'a и какъ попытка дать объясненіе творческой дѣятельности въ связи съ теоріей безсознательнаго, какъ попытка, кромѣ того, подойти къ рѣшенію той загадки, которую представляетъ личность Леонардо да-Винчи. Послѣднее является покушеніемъ съ негодными средствами уже потому, что авторъ совершенно не исчерпалъ имѣющійся матеріалъ. Цитаты изъ самого Леонардо Freud беретъ изъ вторыхъ рукъ, цитируетъ даже по извѣстному роману нашего соотечественника Мережковскаго, знакомаго ему въ переводѣ. Въ результатѣ получается такое впечатлѣніе, что знакомство автора съ резбираемымъ предметомъ недостаточно. Для него (т. е. для психоаналитика), говоритъ между тѣмъ самъ Freud, ничто [3]) не является слишкомъ малымъ, какъ проявленіе скрытыхъ душевныхъ переживаній. Ничто – а между тѣмъ онъ не прочелъ сочиненій Л. да-Винчи, въ которыхъ такъ много игры-фантазіи, странныхъ аллегорій, полу-намековъ и т. д.— однимъ словомъ матеріала, надъ которымъ при детальномъ психоонализѣ необходимо было-бы много и много работать. Въ этомъ богатомъ матеріалѣ нашлась бы вѣроятно и не одна описка, вродѣ хотя-бы ошибки въ датѣ на 100 лѣтъ при описаніи голубятни въ Урбино. Но даже если-бы весь громадный матеріалъ записокъ художника былъ дѣйствительно исчерпанъ и разработанъ съ новой точки зрѣнія, даже въ такомъ случаѣ пришлось-бы пожалуй отнестись отрицательно къ примѣненію метода Freud'a въ такой новой формѣ,—не къ живому человѣку, а къ его созданіямъ. Эти созданія вѣдь далеко не всѣ уцѣлѣли и можно всегда подозрѣвать, что какъ разъ въ утраченныхъ частяхъ ихъ заключалось нѣчто, что измѣнило бы всѣ сдѣланные выводы. Предположимъ, что въ одномъ изъ пропавшихъ листовъ записокъ Леонардо была замѣтка о томъ, что онъ новорожденнымъ ребенкомъ былъ взятъ у матери. Какъ многое въ изслѣдованіи Freud'a потеряло бы всякую цѣну послѣ такого открытія. Такія случайныя раз-

---

[1]) ib. 56.

[2]) ib. 58.

[3]) Разбивка наша. В. С.

розненныя записки не могутъ дать всего того (и важнаго и мелочей), что дается въ психоанализѣ живымъ общеніемъ. Слишкомъ великъ, кромѣ того, соблазнъ занять по отношенію къ такому не могущему отрицать анализируемому опредѣленное апріорное положеніе. Это происходитъ и съ Freud'омъ; когда онъ изъ гипотетическихъ посылокъ дѣлаетъ свои заключенія, имъ ясно руководитъ предвзятая идея. Невольно на свои собственные вопросы онъ отвѣчаетъ отъ лица Леонардо въ томъ смыслѣ, въ какомъ намѣчены его окончательные выводы. Такое изслѣдованіе едва-ли можетъ быть убѣдительнымъ, оно ближе къ беллетристикѣ, чѣмъ къ наукѣ.

В. С.

Критическій обзоръ психотерапевтической литературы за 1909 г.

Jahrbuch f. psychoanalytische und psychopathologische Forschungen.

(Окончаніе).

Слѣдующая статья сборника, д-ра Karl Abraham'a, подъ названіемъ: «Die Stellung der Verwandtenehen in der Psychologie der Neurosen» посвящена вопросу о бракѣ между родственниками. «Что въ нѣкоторыхъ семьяхъ бракъ между близкими родственниками и нервныя и психическія разстройства идутъ параллельно—говоритъ Abraham, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію». Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что оба явленія находятся другъ къ другу въ простомъ отношеніи причины и слѣдствія. Авторъ утверждаетъ, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ бракъ между близкими родственниками заключается по взаимному влеченію, у супруговъ имѣется пониженіе «способности переносить свои жизненныя симпатіи на чужихъ лицъ, между тѣмъ какъ склонность къ членамъ собственной семьи превышаетъ обычную мѣру». Причина этого явленія кроется въ особенностяхъ психосексуальной конституціи невротиковъ. Невропатическія дѣти выказываютъ уже въ раннемъ дѣтствѣ чрезмѣрную эротическую возбудимость, что, впрочемъ, является лишь количественнымъ усиленіемъ явленія, наблюдаемаго и у нормальныхъ дѣтей. И нормальный ребенокъ переноситъ свои симпатіи и склонности сначала на тѣхъ лицъ, у которыхъ онъ живетъ, т. е. на мать, отца, брата, сестру и т. п. «При нормальныхъ условіяхъ, однако, дѣтское сексуальное перенесеніе на родителя противуположнаго пола (или брата, или сестру) подпадаетъ сублимированію, т. е. переходитъ въ чувства почитанія, уваженія, преклоненія и т. п. Этимъ процессомъ, какъ доказалъ Freud, любовь къ родителямъ, сестрамъ и братьямъ лишается сознательно половаго элемента», который можетъ впослѣдствіи проявиться

лишь въ нѣкоторыхъ снахъ. У невропатическихъ индивидовъ этотъ сложный процессъ развитія нарушенъ, освобожденіе отъ родительскаго и семейнаго авторитета затруднено, а вмѣстѣ съ нимъ и выборъ и остановка симпатіи на лицахъ другого пола. Примѣромъ такого положенія являются всѣмъ извѣстные «маменькины сынки» и «папенькины дочки». Въ такихъ семьяхъ наблюдается пониженіе сексуальной активности, и поэтому бракъ съ родственниками, которыхъ съ дѣтства близко знаешь и къ которымъ привыкъ, легче устроить. Но гораздо важнѣе то обстоятельство, что у этихъ родственниковъ легче всего находятъ нѣкоторыя особенности, которыя особенно нравились у родной матери или сестры, нѣкоторое сходство съ ними.

Половой идеалъ, складывающійся въ раннемъ дѣтствѣ, подъ вліяніемъ общенія съ близкими родными другого пола, фиксируется у невропатовъ и обусловливаетъ ихъ выборъ при бракѣ. Такимъ образомъ, та особенность психосексуальной конституціи, которая по Freud'у составляетъ основу неврозовъ, является и причиной брака между родственниками. Послѣдній становится лишь вторично отягчающимъ моментомъ, потому что благодаря ему усиливается еще уже имѣющееся невропатическое предрасположеніе.

Бракъ между родственниками, слѣдовательно, является въ первой линіи слѣдствіемъ невропатическаго предрасположенія и лишь вторично увеличивающимъ предрасположеніе къ нервнымъ заболѣваніямъ моментомъ.

«Die Bedeutung des Vaters im Schicksal des Einzelnen»— Значеніе отца въ судьбѣ индивида—нѣсколько странное названіе слѣдующей чрезвычайно интересной статьи, принадлежащей перу цюрихскаго приватъ-доцента C. S. Jung'a. Работы психоаналитической школы показали,—говоритъ Jung,—что отношеніе дѣтей къ отцу имѣетъ огромное значеніе, и къ такимъ же выводамъ пришли изслѣдователи въ совершенно другой области—въ области изслѣдованія семейныхъ отношеній (Familienforschung—Sommer, Joerger, Ziermer и др.). Матери, кажется, имѣютъ меньшее значеніе въ семьѣ. Если таково положеніе уже въ сферѣ наслѣдственности, то на сколько больше вліянія должны мы ожидать отъ психологическихъ вліяній, исходящихъ отъ отца. Разработка этого вопроса была особенно подвинута впередъ, благодаря работамъ ученицы Jung'a, д-ра E. Fürst, надъ фамильнымъ сходствомъ «реактивнаго типа». *) Fürst изслѣдовала 100 лицъ, принадлежавшихъ 24 семьямъ.

Результаты разработанныхъ уже опытовъ съ 37 лицами, необразованными, принадлежащими 9-ти семьямъ, слѣдующіе:

у мужчинъ не родственниковъ разница реактивн. типа 5,9;

---

*) Реактивнымъ типомъ Jung называетъ общій типъ реакцій при ассоціативныхъ опытахъ, состоящихъ въ томъ, что больному говорятъ какое-нибудь слово и онъ, не задумываясь, долженъ отвѣтить первымъ попавшимся ему словомъ.

у женщинъ не родственницъ разница реактивнаго типа 6,0;
у мужчинъ родственниковъ разница реактивнаго типа 4,1;
у женщинъ родственницъ разница реактивнаго типа 3,8.

«Родственники и особенно женщины родственницы имѣютъ въ среднемъ сходство въ типѣ реакціи. Этотъ фактъ указываетъ на то, что въ психологической установкѣ *) (констелляціи) родственниковъ имѣется сравнительно небольшая разница.

Въ предѣлахъ одной семьи, разница реактивнаго типа между супругами бываетъ различная. Въ нѣкоторыхъ бракахъ, разница между реактивными типами супруговъ очень велика, въ другихъ очень мала. За то дѣти показываютъ въ этомъ отношеніи большое сходство съ родителями, именно сыновья съ отцами, а дочери съ матерями:

разница между отцами и сыновьями составляетъ 3,1;
разница между матерями и дочерьми составляетъ 3,0.

«Ассоціативный опытъ,—говоритъ Jung, есть не что иное, какъ маленькая вырѣзка изъ психологической жизни человѣка. Повседневная жизнь въ сущности есть не что иное, какъ продолжительный и многообразно измѣненный ассоціативный экспериментъ». Сходство реактивнаго типа и психологической установки въ экспериментѣ говоритъ за то, что то же сходство сохраняется и въ жизни, т. е. что дѣти получаютъ свою психологическую установку отъ своей семьи, отъ своихъ родителей. «Источникомъ инфантильной приспособляемости къ родителямъ является, разумѣется, аффективное отношеніе съ обѣихъ сторонъ. Это своего рода психическая зараза, о которой мы знаемъ, что не логическія истины, а аффекты и ихъ тѣлесныя проявленія (Vigouroux, Juquelier) составляютъ ея настоящую силу. Они именно съ силой стаднаго инстинкта проникаютъ въ душу ребенка, формируютъ ее и чеканятъ».

Въ періодѣ жизни, когда ребенокъ больше всего учится и познаетъ, въ возрастѣ 1—5 лѣтъ вырабатываются всѣ линіи его духовнаго развитія, которыя точно походятъ на родительскія формы, ибо психоаналитическіе опыты учатъ насъ, что обыкновенно первые признаки будущаго конфликта между родительской установкой и индивидуальной самостоятельностью, борьбы между вытѣсненіемъ и libido встрѣчаются до 5-го года. Далѣе Jung для доказательства своихъ взглядовъ приводитъ цѣлый рядъ чрезвычайно интересныхъ психоаналитическихъ случаевъ, подтверждающихъ значеніе «психоло-

*) По ученіямъ цюрихской школы, актъ вниманія, какъ и вообще отношенія человѣка къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ жизни не пассивный, а активный. Всякій человѣкъ реагируетъ на внѣшнія впечатлѣнія, сообразно содержанію своей собственной души, своимъ собственнымъ «комплексамъ», представленіямъ и чувствамъ, и вотъ эту совокупность комплексовъ, которую человѣкъ противуставляетъ воздѣйствіямъ внѣшней жизни, эта школа называетъ психологической установкой, констелляціей (psychologische Einstellung).

гической установки», обусловленной семейными впечатлѣніями дѣтства, исходящими, главнымъ образомъ, со стороны отца. Въ этой пожизненной власти дѣтскихъ впечатлѣній и переживаній, въ этой вѣчной власти семьи Jung видитъ что то какъ бы роковое. «Если мы хотимъ видѣть руку демонической мощи судьбы, то мы видимъ ее здѣсь, въ этихъ мрачныхъ и безмолвныхъ трагедіяхъ, которыя разыгрываются медленно и мучительно въ больныхъ думахъ нашихъ невротиковъ. Одни шагъ за шагомъ освобождаются въ безпрерывной борьбѣ противъ невидимыхъ враждебныхъ силъ изъ когтей демона, который бросаетъ ихъ ничего не подозрѣвающихъ отъ одного жестокаго удара судьбы къ другому; другіе возмущаются и завоевываютъ свободу, чтобы позже, захваченные въ сѣти невроза, быть вынужденными пойти назадъ на старые пути. Никто не можетъ возразить, что эти несчастные именно и суть невротики, «дегенераты». Если мы, нормальные, изслѣдуемъ психоаналитически нашу жизнь, то и мы видимъ, какъ могучая рука ведетъ насъ нечувствительно къ судьбамъ, и не всегда можно эту руку назвать благодѣтельной. Часто называемъ мы ее рукой Божьей, или чорта, ибо мощь инфантильной установки стала съ теченіемъ тысячелѣтій доказательнымъ матеріаломъ религій.

Этимъ не должно быть сказано, что мы должны вину наслѣдственнаго грѣха всецѣло взвалить на родителей. Впечатлительный ребенокъ, который съ большимъ проникновеніемъ возсоздаетъ въ своей душѣ нецѣлесообразности своихъ родителей. носитъ самъ въ своихъ особенностяхъ вину за свою судьбу». Но такъ не всегда. «И родители могутъ (и дѣлаютъ это, къ сожалѣнію, слишкомъ часто) внѣдрить зло въ душу дѣтей, пользуясь ихъ безпомощностью, чтобы сдѣлать ребенка рабомъ своихъ комплексовъ». Отцы, которые убиваютъ критикой всякія самостоятельныя движенія чувствъ у своихъ дѣтей, съ плохо скрываемой эротикой и тиранніей чувствъ балуютъ своихъ дочерей, опекаютъ своихъ сыновей, втискиваютъ ихъ противъ ихъ воли въ какую-нибудь профессію и, наконецъ, «достойно» женятъ; матери, которыя уже въ колыбели разжигаютъ своихъ дѣтей нездоровой любовью, превращаютъ ихъ потомъ въ крѣпостныхъ куколъ и затѣмъ съ ревностью копаются въ эротикѣ потомковъ, всѣ они въ принципѣ ничто иное, какъ этотъ глупый, грубый мужикъ (отецъ одной паціентки, который выдалъ свою дочь противъ ея воли за больного идіота для того, чтобы «сохранить ее у себя и навсегда сдѣлать своей рабой»). Спросятъ, въ чемъ же заключается чародѣйная сила родителей, которая часто приковываетъ къ нимъ на всю жизнь дѣтей. Психоаналитикъ знаетъ, что это ничто иное, какъ сексульность съ обѣихъ сторонъ. Все еще отказываются признать за ребенкомъ существованіе его сексульности. Это происходитъ только изъ-за умышленнаго невѣжества, которое въ настоящее время опять стало очень заносчивымъ.

Приведя такимъ образомъ дѣтскую установку къ дѣтской сексуальности, Jung говоритъ: «Если мы теперь опять бросимъ взглядъ назадъ на все то, что въ состояніи сдѣлать дѣтская установка, то мы должны сказать, что наша жизненная судьба въ главномъ сходна съ судьбой нашей сексуальности». «Какъ высшая судьба, руководитъ ребенкомъ родительская власть», говоритъ онъ далѣе. А когда онъ подрастаетъ, то начинается борьба между дѣтской установкой и индивидуальностью, старое «доисторическое» родительское вліяніе вытѣсняется, попадаетъ въ безсознательное, но этимъ оно не уничтожается, а продолжаетъ посредствомъ невидимыхъ нитей управлять, повидимому, индивидуальными твореніями зрѣлаго духа. Какъ все, что попадаетъ въ безсознательное, и дѣтская установка также посылаетъ обильныя, но неясныя чувства въ сознаніе, чувства таинственнаго руководства и сверхчувственнаго вліянія. Это корни первыхъ религіозныхъ сублимированій (одухотвореній).

На мѣсто отца съ его констеллирующими (устанавливающими, поставляющими) добродѣтелями и пороками вступаетъ съ одной стороны абсолютно возвышенное божество, съ другой стороны — чортъ, въ послѣднее время большею частью смягченный убѣжденіемъ въ собственной нравственной испорченности. Первому отдается одухотворенная любовь, второму низкое половое чувство. Какъ только мы вступаемъ въ область неврозовъ, противуположность эта достигаетъ высшаго напряженія. Богъ становится символомъ высшаго половаго вытѣсненія, чортъ символомъ половаго сладострастія.

Далѣе, сборникъ содержитъ еще работу д-ра A. Maeder'a о сексуальности эпилептиковъ—интересный казуистическій трудъ, и очень интересный тоже съ точки зрѣнія казуистики анализъ случая тяжелой истеріи д-ра Ludwig Binswanger'a изъ іенской психіатрической клиники (профессора O. Binswanger'a). Останавливаться подробно на этой работѣ я не могу и укажу лишь на то, что анализъ вполнѣ подтвердилъ все созданное Freud'омъ ученіе объ этіологіи и психологіи и истеріи, и психологическомъ механизмѣ истерическихъ симптомовъ.

Далѣе слѣдуетъ вторая крупная очень интересная работа Sig. Freud'a подъ названіемъ: «Замѣтки по поводу одного случая невроза навязчивыхъ состояній» (Bemerkungen zu einem Fall von Zwangsneurose).

И здѣсь мнѣ приходится остановиться не столько на исторіи болѣзни, сколько на замѣчаніяхъ и указаніяхъ Freud'a, касающихся характеристики невроза навязчивыхъ состояній и хода психоанализа. Уже въ самомъ началѣ Freud въ видѣ введенія въ анализъ высказываетъ больному слѣдующее весьма цѣнное замѣчаніе: «Если наблюдается несоотвѣтствіе между смысломъ представленій и аффектомъ, напр. между силой упрека и поводомъ къ упреку, то несвѣдущій скажетъ, что аф-

фектъ слишкомъ великъ для такого повода, и выведенное изъ упрека слѣдствіе—(самообвиненіе въ преступленіи) невѣрно. Врачъ, наоборотъ говоритъ: нѣтъ, аффектъ справедливъ, сознаніе вины не можетъ подлежать сомнѣнію, но оно относится къ другому содержанію, которое неизвѣстно (безсознательно) и должно быть найдено. Сознаваемое содержаніе представленій попало на это мѣсто только благодаря ложнымъ связямъ (ассоціативнымъ). Мы не привыкли чувствовать сильные аффекты безъ соотвѣтствующаго содержанія представленій; за неимѣніемъ настоящаго содержанія мы беремъ поэтому какое-либо другое подходящее, какъ суррогатъ, подобно нашей полиціи, которая арестовываетъ ненастоящаго убійцу, когда не можетъ схватить настоящаго. Одинъ фактъ ложной связи и объясняетъ безсиліе логической работы противъ мучительнаго представленія».

Находящееся въ безсознательномъ истинное содержаніе упрековъ Freud сравниваетъ съ лежащими въ глубинѣ земли, засыпанными остатками древности. Подобно закопаннымъ древностямъ, содержаніе это недоступно сглаживающему вліянію времени, не подвергается исправленію логической мыслью и поэтому не теряетъ со временемъ силы и интенсивности. «Это безсознательное инфантильнаго происхожденія и составляетъ именно ту часть личности, которая еще въ «доисторическій періодъ» отъ нея отдѣлилась и не продѣлала дальнѣйшаго развитія. Отпрыски этого вытѣсненнаго безсознательнаго и являются тѣми элементами, которые поддерживаютъ непроизвольное навязчивое мышленіе, въ чемъ и заключается болѣзнь паціента. Сами навязчивыя представленія кажутся намъ съ перваго взгляда или немотивированными, или безсмысленными, подобно нашимъ ночнымъ сновидѣніямъ, и первой задачей терапевта должно быть раскрытіе ихъ истиннаго смысла и происхожденія въ душевной жизни больного, такъ чтобы они сдѣлались ему совершенно понятными. Этого можно достигнуть приведеніемъ навязчивой мысли во временную зависимость съ переживаніями паціента, и поэтому необходимо установить, когда впервые возникла какая-нибудь навязчивая идея и при какихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ она обыкновенно повторяется. Можно легко убѣдиться, что послѣ раскрытія связи между навязчивой мыслью и переживаніями больного все остальное загадочное и интересное въ патологическомъ симптомѣ, его значеніе, механизмъ его образованія, его происхожденіе отъ руководящихъ психическихъ импульсивныхъ силъ станетъ легко доступнымъ нашему пониманію».

Очень часто встрѣчается у лицъ, страдающихъ навязчивыми состояніями, быстрая смѣна навязчивыхъ мыслей или поступковъ, изъ которыхъ послѣдующій долженъ уничтожить то, что сдѣлано подъ вліяніемъ предыдущаго. Напр., больной Freud'а ходилъ по улицѣ и зацѣпилъ ногой камень, лежавшій на мостовой. Сейчасъ же онъ долженъ былъ поднять этотъ камень и положить его въ сторону, потому что у него

появилась мысль, что черезъ нѣсколько часовъ по этой улицѣ проѣдетъ въ каретѣ любимая имъ женщина, и изъ-за этого камня, пожалуй, случится съ ней несчастье. Но нѣсколько минутъ спустя у него появляется мысль, что вѣдь это безсмыслица и онъ опять долженъ былъ пойти обратно и положить камень опять на прежнее мѣсто. «Такіе (двувременные) навязчивые поступки, изъ которыхъ первый быстро смѣняется вторымъ,—типичное явленіе при неврозѣ навязчивыхъ состояній. Они, разумѣется, невѣрно понимаются сознаніемъ больного и надѣлены вторичной мотивировкой — раціонализированы. Ихъ истинное значеніе заключается, однако, въ изображеніи конфликта двухъ приблизительно одинаково сильныхъ, но противоположныхъ душевныхъ движеній, но, сколько я до сихъ поръ могъ узнать, всегда противоположенія любви и ненависти». Они вызываютъ особый теоретическій интересъ, такъ какъ открываютъ новый типъ образованія симптомовъ, не заключающійся, какъ при истеріи въ какомъ-либо компромиссѣ, изображающемъ въ одномъ явленіи оба противуположныхъ душевныхъ теченія, а отвѣчаютъ обѣимъ противоположностямъ въ послѣдовательномъ временномъ порядкѣ. Также отличенъ отъ истерическаго и механизмъ забобѣванія, подъ вліяніемъ травматическаго переживанія. При истеріи патогенная психическая травма также подпадаетъ амнезіи, какъ и тѣ инфантильныя переживанія, съ помощью которыхъ ея аффективная энергія переходитъ въ симптомы. Гдѣ невозможна полная амнезія, тамъ забвеніе хоть отчасти овладѣваетъ травматическимъ переживаніемъ и «лишаетъ его самыхъ важныхъ моментовъ». Иначе при неврозѣ навязчивыхъ представленій. Инфантильныя причины, обусловливающія неврозъ, могутъ подпасть амнезіи, часто неполной; но травматическія переживанія поздняго времени, вызвавшія болѣзнь, сохраняются въ памяти. Вытѣсненіе воспользовалось здѣсь болѣе простымъ механизмомъ: вмѣсто того, чтобы забыть травму, оно лишило ее аффективности, такъ что въ сознаніи сохраняется о ней индифферентное, кажущееся неважнымъ представленіе. Нерѣдко поэтому больные сами разсказываютъ врачу истинную причину своего заболѣванія, не зная этого, потому что невѣрно связали свои аффекты посредствомъ передвиженія, Verschiebung, его на другія событія. Такъ было и съ больнымъ Freud'a. Болѣзнь развилась у него подъ вліяніемъ душевнаго конфликта, когда подъ давленіемъ семейныхъ обстоятельствъ онъ долженъ былъ жениться послѣ окончательнаго экзамена въ университетѣ на дальней богатой родственницѣ, съ чѣмъ была связана и его дальнѣйшая карьера, — и оставить давно любимую бѣдную женщину. Главнымъ слѣдствіемъ болѣзни была продолжительная, упорная неспособность къ труду, которая повела къ тому, что онъ долженъ былъ отложить окончаніе своего образованія на много лѣтъ. Въ этомъ слѣдствіи болѣзни и заключается цѣль ея (Flucht in die Neurose—бѣгство въ неврозъ). Кажущееся послѣдствіе

болѣзни есть въ дѣйствительности ея причина, мотивъ заболѣванія.

Однако, одно это событіе, связанное съ женитьбой, и вызванный имъ душевный конфликтъ не могли бы еще повлечь за собой такое тяжелое душевное разстройство, если бы не попали на очень благопріятную почву въ видѣ уже съ дѣтства сложившагося предрасположенія къ заболѣванію неврозомъ. Дальнѣйшее изученіе души и жизни больного показало, что ему было извѣстно, что точно въ такомъ же положеніи находился и его отецъ передъ своей женитьбой на матери больного. Отецъ отказался отъ любимой бѣдной дѣвушки и женился для карьеры. Также и паціенту онъ передъ смертью своей совѣтовалъ прекратить всякія сношенія съ возлюбленной. Сходство положеній дало паціенту возможность идентифицировать себя съ отцомъ. Оказалось, что авторитетъ отца продолжаетъ и послѣ смерти послѣдняго дѣйствовать противъ влюбленной склонности больного къ дамѣ его сердца. Такимъ образомъ создался конфликтъ между отцомъ и объектомъ полового влеченія. Тутъ раскрывается, однако, что конфликтъ этотъ выросъ на чрезвычайно благопріятной почвѣ, что у больного, начиная уже съ самыхъ первыхъ лѣтъ жизни (3—4 г.), имѣлось чувство сильной ненависти и злобы противъ отца. Чувство это было вытѣснено имъ изъ сознанія и осталось глубоко затаеннымъ въ душѣ его, несмотря на развившуюся впослѣдствіи очень большую привязанность къ отцу. Въ этомъ вытѣсненіи инфантильной ненависти къ отцу Freud видитъ первичный психическій процессъ, повлекшій потомъ къ развитію невротическихъ явленій. Чувства любви и ненависти вообще очень близки и нерѣдко одно переходитъ въ другое и у здоровыхъ людей; но при нормальныхъ условіяхъ одно въ концѣ концовъ всегда побѣждаетъ, и противоположное ему предается забвенію. У невротиковъ же очень часто встрѣчается одновременное существованіе обоихъ противуположныхъ чувствъ. Любовь не можетъ уничтожить ненависти, а лишь вытѣсняетъ ее въ безсознательное и тогда послѣдняя, недоступная воздѣйствію сознанія, остается неизмѣнной и даже растетъ. «Очень раннее, совершившееся еще въ доисторическіе дѣтскіе годы раздѣленіе обоихъ противоположныхъ чувствъ съ вытѣсненіемъ одного, обыкновенно ненависти, кажется, является условіемъ этого страннаго строя любовной жизни невротиковъ». Существованіе двухъ такихъ могучихъ чувствъ одновременно въ душѣ больного и есть источникъ его нерѣшительности и безволія *) Одно чувство всегда, при всякомъ дѣйствіи, парализуетъ другое и ведетъ къ вѣчному сомнѣ-

*) Понятно, что тѣ же психическіе процессы не ограничиваются только любовной сферой, а механизмъ ихъ переходитъ на всѣ другія явленія душевной жизни, потому что, говоритъ Freud, «какіе поступки влюбленнаго не имѣютъ отношенія къ главному его мотиву (любви)?» Во вторыхъ, поведеніе человѣка въ половомъ отношеніи характерно, по словамъ, Freud'а

нію. Борьба съ этимъ послѣднимъ и ведетъ къ развитію навязчивыхъ проявленій психической жизни. Но до дѣйствій дѣло не доходитъ: путемъ своего рода регрессіи мыслительный процессъ у больныхъ большею частью вполнѣ замѣщаетъ дѣйствія. Freud говоритъ поэтому: «навязчивыми становятся такія мыслительные процессы, которые (вслѣдствіе задержки отъ противуположности импульсовъ въ моторномъ концѣ мыслительной системы) совершаются съ тратой энергіи, количественно и качественно употребляемой обыкновенно только для дѣйствія, т. е. мысли, которыя регрессивно замѣщаютъ дѣйствія». Остается еще лишь замѣтить, что и этотъ тяжелый и упорный случай послѣ года леченія закончился полнымъ исцѣленіемъ.

Слѣдующая статья уже упомянутаго раньше будапештскаго врача P. Ferenzci (Introjektion und Uebertragung) посвящена выясненію очень важнаго и интереснаго явленія въ душевной жизни невротиковъ, названнаго Freud'омъ перенесеніемъ (Uebertragung). Сущность его состоитъ въ томъ, что больной во время психоанализа переноситъ на врачаимъ вытѣсненныя, безсознательныя чувства и настроенія, которыя во время этого леченія пробуждаются вновь, всплываютъ въ его памяти и становятся сознательными. Ferenzci говоритъ, что явленіе перенесенія проявляется не только во время психоанализа и не только по отношенію къ врачу, но что «перенесеніе есть психическій механизмъ, характерный вообще для невроза, проявляющійся во всѣхъ жизненныхъ положеніяхъ и лежащій въ основѣ всѣхъ проявленій болѣзни. Повышенная аффективность невротиковъ, ихъ чрезмѣрная любовь, ненависть, состраданіе и т. п. суть лишь проявленія этого перенесенія, «при которомъ въ безсознательной фантазіи на данное положеніе или лицо переносятся давно забытыя переживанія и аффектъ этихъ безсознательныхъ комплексовъ увеличиваетъ чувствительность и реакцію на дѣйствительность. Въ ихъ желаніи избавиться отъ патогенныхъ комплексовъ (бѣгство отъ комплексовъ—Komplexflucht) невротики стараются «вытѣснить» ихъ изъ сознанія, для чего лишаютъ ихъ аффектовъ, перенося послѣдніе на другія явленія, лица или функціи своего организма. Если это отдѣленіе аффектовъ и перенесеніе ихъ вполнѣ удалось, то патогенные комплексы оказываются настолько лишенными интереса, что не способны привлечь къ себѣ минимумъ вниманія, необходимый для того, чтобы они могли овладѣть сознаніемъ больного, и потому они остаются несознанными, «вытѣсненными». А освободившіеся, «свободно витающіе», аффекты создаютъ продолжительное

для всѣхъ его другихъ реакцій въ жизни, и, въ третьихъ, спеціально психологіи невроза навязчивывъ состояній свойственно пользоваться механизмомъ передвиженія, перенесенія аффекта, и поэтому параличъ воли распространяется на всѣ дѣйствія больного.

безпокойство, взволнованность, раздражительность и т. п., которую больной старается подавить въ себѣ. Часть этихъ аффектовъ ему удается подавить путемъ конверсіи, т. е. перенесенія на функціи собственнаго организма—при истеріи, или субституціи (Substitution), т. е. замѣщеніи другими представленіями при неврозѣ навязчивыхъ состояній. Другую часть онъ изливаетъ на весь окружающій его міръ, который онъ такимъ образомъ обхватываетъ своими чувствами, дѣлаетъ объектомъ своихъ безсознательныхъ фантазій и желаній. Ferenzci удачно называетъ это процессомъ разжиженія чувства (Verdünnungsprozess), посредствомъ котораго невротикъ хочетъ «смягчить остроту свободно витающихъ, неудовлетворенныхъ и недоступныхъ удовлетворенію несознанныхъ желаній». Этотъ процессъ Ferenzci называетъ Introjektion. На этомъ основана склонность невротиковъ къ подражаніямъ (Immitatio) и къ психической инфекціи. Перенося свои чувства, интересы, затаенныя желанія безсознательно на другихъ лицъ, невротикъ идентифицируетъ себя съ ними въ своихъ фантазіяхъ, т. е. сливается, сживается духовно съ ихъ личностью, и это проявляется внѣшне въ томъ, что онъ перенимаетъ ихъ симптомы или характерныя черты и т. п. Перейдя къ терапіи неврозовъ путемъ всякихъ физическихъ процедуръ, внушенія, гипноза или психотерапіи, Ferenzci доказываетъ, что всюду леченіе и успѣхъ возможны лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда со стороны больного совершается перенесеніе на врача чувствъ симпатіи, привязанности, уваженія, даже преклоненія предъ авторитетомъ, основа и источникъ которыхъ кроется въ дѣтскихъ чувствахъ къ родителямъ, т. е. больной переноситъ на врача свои чувства къ родителямъ, надѣляетъ врача родительскимъ авторитетомъ. Гдѣ такого перенесенія не бываетъ или гдѣ переносятся отрицательныя чувства, тамъ ни леченія, ни исцѣленія быть не можетъ. Только психоанализъ, раскрывая сущность и источники этихъ перенесенныхъ чувствъ, всегда даетъ возможность съ ними бороться, когда они мѣшаютъ леченію, но можетъ и пользоваться ими тамъ, гдѣ они послѣднему благопріятствуютъ.

Статья Stekel'я «Beiträge zur Träumdeutung» содержитъ много практически очень цѣнныхъ указаній для анализа сновъ, но вноситъ мало новаго въ теоретическое освѣщеніе вопроса. Останавливаться на подробностяхъ я здѣсь не могу. Слѣдующая затѣмъ статья Herbert Silberer'a «Bericht über eine Methode, gewisse symbolische Hallucinations-Erscheinungen hervorzurufen und zu beobachten» имѣетъ исключительно спеціальный отвлеченно научный интересъ и опять таки требуетъ слишкомъ подробнаго, невозможнаго въ данной статьѣ изложенія техники. Остается еще послѣдняя статья Alfred Adler'a «О невротическомъ предрасположеніи» (Ueber neurotishe Disposition), освѣщающая въ тоже время и вопросъ объ этіологіи невроза и о причинахъ развитія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ именно даннаго невроза (Neurosenwahl). Adler

указываетъ на то, что психоаналитическая школа придерживается онтогенетическаго взгляда на неврозъ. Она видитъ въ симптомѣ и въ невротическомъ характерѣ не только болѣзненный феноменъ, но раньше всего продуктъ индивидуальнаго развитія и старается понять ихъ изъ переживаній и фантазій индивида. Однако жизнь показываетъ, что у очень многихъ людей имѣются условія, благопріятствующія развитію невроза, а они тѣмъ не менѣе сохраняютъ здоровье и душевное равновѣсіе. Искали этіологію невроза вначалѣ въ травматическомъ вліяніи полового переживанія въ дѣтствѣ, потомъ въ «половой конституціи», какъ продуктѣ неправильнаго развитія въ раннемъ дѣтствѣ подъ вліяніемъ впечатлѣній полового характера. Но оказывается, что и эти впечатлѣнія мало чѣмъ по своему количеству и силѣ отличаются отъ таковыхъ у нормальнаго здороваго человѣка. Adler видитъ поэтому настоящую причину невроза въ задержкѣ аггрессивности (Aggressionshemmung), въ подавленіи аггрессивнаго инстинкта (Aggressionstrieb). Онъ указываетъ на очень повышенную чувствительность невротиковъ (Ueberempfindlichkeit), обусловливающую недостатокъ жизнерадостности, постоянное ожиданіе несчастій, неудачъ, униженій, недовѣріе къ собственнымъ силамъ и къ окружающимъ, вѣчное сомнѣніе, ведущее къ суевѣрному страху и т. д. Все это вызываетъ робость, страхъ, постоянныя волненія при необычной обстановкѣ, могущіе дойти до полной физической и психической парализованности и составляющіе только различныя степени задержки аггрессивности. Начало такой повышенной чувствительности Adler видитъ въ повышеніи чувствительности отдѣльныхъ органовъ, въ гиперэстезіи слуха, зрѣнія, кожной чувствительности, обонянія, въ повышенной вазомоторной и мускульной возбудимости и т. д. Такое повышеніе возбудимости органовъ такъ же, какъ и пониженіе ея Adler считаетъ выраженіемъ біологической малоцѣнности (Minderwertigkeit) органовъ, при чемъ въ повышеніи чувствительности выражается тенденція къ компенсаціи этой малоцѣнности. Такимъ образомъ, къ основамъ психо-аналитическаго изслѣдованія присоединяется филогенетическій моментъ, ведущій къ органическимъ корнямъ невроза и къ вопросу о наслѣдственности. Повышенная чувствительность вмѣстѣ съ ея психическимъ субстратомъ ведутъ къ тому, что инстинктивныя тенденціи, исходящія изъ органовъ, остаются «ненасыщенными», неудовлетворенными и поддерживаютъ аггрессивный инстинктъ (Aggressionstrieb) въ постоянномъ раздраженіи. Появляются большая раздражительность, вспышки гнѣва, упрямство, зависть, и вызываютъ съ ранняго дѣтства сопротивленіе и протестъ противъ воздѣйствій и требованій культуры и воспитанія. Такъ создается конфликтъ въ душѣ ребенка, вѣчное ожиданіе рокового исхода запретныхъ желаній и поступковъ и въ конечномъ результатѣ къ чувству собственной вины. Adler даетъ слѣдующую «схему невроза»:

I. Явленія, соотвѣтствующія первоначальнымъ инстинктив-

нымъ порывамъ и признакамъ біологической малоцѣнности органовъ (Organminderwertigkeit).

II. Повышенная чувствительность, возстающая противъ униженій, загрязненій и наказаній.

III. Ожиданіе униженій, загрязненій, наказаній, предупрежденіе ихъ. Страхъ.

IV. Самообвиненія и упреки самому себѣ.

V. Самоистязанія. покаяніе, аскетизмъ.

II—V пункты составляютъ вмѣстѣ психическое проявленіе чувства виновности.

VI. Причины чувства виновности: всегдашнія упущенія вслѣдствіе малоцѣнности органовъ, всегда инцестуозныя мысли, враждебная аггрессивность противъ одного изъ родителей того же пола, что и больной (послѣднее не бываетъ при половомъ колебаніи въ дѣтствѣ, или направлено на обоихъ родителей). Мастурбація. Во всѣхъ другихъ причинахъ чувства вины проявляется только перенесеніе съ указанныхъ первичныхъ.

VII. Послѣдствіемъ одной изъ такихъ возможныхъ констелляцій является задержка аггрессивности (Aggressionshemmung).

Располагающее къ неврозу травматическое положеніе проявляется въ области этихъ семи основныхъ линій и создаетъ состояніе опредѣленной психической анафилаксіи, при которой соотвѣтствующимъ образомъ направленныя психическія поврежденія позднѣйшаго времени создаютъ усиленное состояніе первичнаго дѣтскаго травматическаго состоянія: особенный неврозъ.

Этимъ исчерпывается содержаніе ежегодника, посвященнаго вопросамъ психотерапіи и психопатологіи.

М. Вульфъ.

Обзоръ психотерапевтическихъ журналовъ.

Zentralblatt für Psychoanalyse. I. Jahrgang Heft 4. 1911.

Статья James Putnam'a „Объ этіологіи и леченіи психоневрозовъ“ особаго интереса для читателей нашего журнала не представляетъ, такъ какъ посвящена изложенію Freud'овскаго ученія, что сдѣлано уже въ исчерпывающихъ статьяхъ о психонализѣ Н. Е. Осипова [1]), и потому останавливаться на работѣ Putnam'a мы не будемъ.

Richard Nepolleck (изъ Вѣны) даетъ изящный «Анализъ, безсмысленной, съ внѣшней стороны, дѣтской навязчивости». Паціентъ былъ единственнымъ ребенкомъ чрезвычайно нѣжной матери. Потерялъ онъ ее, когда ему было 10 лѣтъ. Возмѣщеніе своему любовному чувству

---

[1]) См. Психотерапія 1910 и 1911 г.

онъ нашелъ въ дневныхъ грезахъ, снахъ на-яву, въ которыхъ онъ представлялъ себѣ умершую, какъ-бы живой. Наиболѣе живыя фантазіи создавались у него, когда онъ сидѣлъ на постели умершей матери, что и понятно, такъ какъ и при жизни матери до самыхъ послѣднихъ дней наиболѣе счастливыми были моменты, когда «въ награду» она брала его къ себѣ на постель. Вскорѣ послѣ этого и его постель была поставлена на то мѣсто, гдѣ стояла постель матери, что доставило ему удовольствіе и дало новый толчекъ его фантазированію.

Однажды вечеромъ онъ замѣтилъ прилипшую къ стѣнѣ щетинку; это была, вѣроятно, щетинка отъ кисти маляра, вклеившаяся между краями сосѣднихъ кусковъ обоевъ. Онъ хотѣлъ оторвать эту щетинку, но какое-то непріятное чувство удержало его отъ этого; повторныя попытки сопровождались тѣмъ-же самымъ. Тогда у него всплыла мысль, что между этой щетинкой и жизнью матери существуетъ какая-то связь, и что если онъ хочетъ опять обладать матерью, то необходимо пощадить эту щетинку. Критически ясно онъ оцѣнилъ всю нелѣпость этой фантазіи, но однако-же въ теченіе двухъ лѣтъ не трогалъ щетинки, до тѣхъ поръ пока этому былъ положенъ конецъ при оклейкѣ комнатъ новыми обоями. Но тѣмъ не менѣе въ теченіе прошедшихъ 30 лѣтъ онъ не разъ вспоминалъ этотъ эпизодъ и его всегда изумлялъ сопровождавшій воспоминаніе чувственный тонъ—наслажденія и боязни прикоснуться, и то, что подобная «глупость» можетъ вообще возникать и имѣть такое значеніе.

Первое, что пришло при вызываніи ассоціаціи, было видѣніе женщины съ необыкновенно растрепаннымъ пучкомъ волосъ на половыхъ частяхъ. По описанію паціента женщина имѣла черты, общія отчасти съ его матерью, отчасти съ изображеніемъ на неприличной картинкѣ, которая нѣкогда эротически возбудила его. Это зрительное видѣніе было предвѣстникомъ истиннаго вспоминанія. Онъ спалъ въ одной комнатѣ съ матерью, и вотъ однажды ему пришлось увидѣть мать голой при перемѣнѣ сорочки; это была первая женщина, которую онъ увидѣлъ обнаженной. Его поразило при этомъ то, чего онъ еще никогда не видалъ,—это волосы на genitalia. Всплыли и другія воспоминанія,—мальчикъ, какъ и вообще дѣти, обнаруживалъ любопытство къ тому, чтобы видѣть взрослыхъ обнаженными. Изъ всѣхъ библейскихъ исторій наиболѣе привлекала его вниманіе сцена съ Ноемъ, котораго дѣти нашли пьянымъ и голымъ. То же самое любопытство онъ испытывалъ, когда отецъ его былъ боленъ чиріемъ на сѣдалищѣ, и когда врачъ и мать постоянно перевязывали отца, тогда какъ его, мальчика, удаляли на это время изъ комнаты.

Смертельная болѣзнь матери дала толчекъ въ томъ же направленіи. Дѣло шло о постепенно восходившей гангренѣ ноги, которая составляла предметъ заботы врача и отца паціента. Объ угрожающей жизни матери опасности мальчикъ не имѣлъ представленія и даже слова врача, что «жизнь боль-

ной виситъ теперь только на волоскѣ», сначала понялъ буквально. Это показалось ему совершенно абсурднымъ, такъ какъ онъ могъ представить себѣ, что волосокъ можетъ висѣть на человѣкѣ, но не обратно. Теперь можетъ быть возможно предположить, о какихъ волосахъ думалъ тогда паціентъ. Дальнѣйшее распространеніе гангрены опредѣлило направленіе его мыслей, и когда омертвѣла вся нога (мальчикъ слыхалъ выраженіе «огмерла»), то для него не оставалось уже никакого сомнѣнія относительно того, къ какимъ частямъ могла относиться поговорка, что жизнь виситъ на волоскѣ.

Едва ли есть надобность вновь возстанавливать вмѣстѣ съ авторомъ весь путь обсессіи паціента,—изъ приводимаго анализа онъ явствуетъ самъ собою.

Brill (Нью-Іоркъ) въ статьѣ «Случай періодической депрессіи психогеннаго происхожденія» указываетъ на необходимость выдѣлять изъ группы маніако-депрессивнаго психоза случаи, въ которыхъ заболѣваніе возникаетъ психогеннымъ путемъ и которые, такимъ образомъ, должны быть относимы къ психоневрозамъ.

Женщина 38 лѣтъ страдала ежегодными депрессіями, обыкновенно въ осеннее время; первая депрессія у нея развилась въ періодъ сборовъ къ мужу въ Америку, куда послѣдній уѣхалъ за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ. Попытки прямо подойти къ выясненію вопроса объ источникахъ болѣзненныхъ проявленій не удавались, и Brill началъ съ анализа сна, который ему сообщила паціентка.

Сонъ былъ такой: «я шла по улицѣ; лошадь, запряженная въ повозку, устремилась на меня. Я не могла сойти съ дороги; лошадь была почти у меня. Я протянула руку, чтобы ее оттолкнуть, тогда она вдругъ схватила меня за руку и укусила. Я вскрикнула и въ испугѣ пробудилась».

Психоанализъ далъ слѣдующее. На вопросъ о томъ, что паціентка могла бы разсказать о лошади, она отвѣчала: «Я не знаю, что сказать; я могла-бы говорить о лошади часами. Такъ какъ я знаю немного о лошади, я жила около коннаго завода».

При этомъ она обнаруживала свое безпокойство многочисленными движеніями. Затѣмъ, прибавила, что она была въ дѣтствѣ свидѣтельницей подробностей разведенія лошадей. Въ дѣйствительности, несомнѣнно, это были первыя ея сознательныя сексуальныя впечатлѣнія. «Естественно, сказала она, я была слишкомъ юна, чтобы понимать истинное значеніе вещей. Я представляла себѣ, что лошади дерутся другъ съ другомъ.» «Это садистическое пониманіе полового акта, замѣчаетъ Brill, вообще свойственно дѣтямъ, и какъ показалъ Freud, дѣти всегда понимаютъ сексуальный актъ именно въ этомъ смыслѣ». Въ то время, когда она говорила, у нея внезапно всплыло воспоминаніе, совершенно не имѣющее никакого отношенія къ лошади. Въ вечеръ передъ сновидѣніемъ, когда она была въ комнатѣ съ одной сосѣдкой, какое-то живот-

ное, не то мышь, не то крыса, пробѣжало изъ кафельной печи въ постель. Обыкновенно она не испытываетъ никакого страха ни предъ мышенкомъ, ни предъ крысами, но на этотъ разъ она была сильно испугана и это продолжалось нѣсколько часовъ, она перерыла всю постель и ничего тамъ не нашла, и однако-же боялась спать въ этой постели. Она вспомнила также, что этотъ испугъ произошелъ черезъ нѣсколько часовъ послѣ безрезультатной попытки продать перинку—она, уѣзжая въ Америку, распродавала свои вещи. «Въ виду того, что ея припадокъ страха могъ быть выраженіемъ психическаго конфликта воздерживавшейся въ сексуальномъ отношеніи», Brill спросилъ ее, почему, на ея взглядъ, ее испугало то, что она приняла за мышь или крысу, тогда какъ обычно она вовсе не боится этихъ животныхъ. Она тотчасъ-же отвѣтила, что настоящія мыши и крысы ее никогда не испугали-бы, но что въ то время это были только явленія, и кто-то тогда черезъ колдовство хотѣлъ произвести на нее дурное воздѣйствіе. Теперь-же она въ эту нелѣпицу вовсе не вѣритъ. На вопросъ, кто-же могъ пытаться это сдѣлать, она отвѣтила, что можетъ быть это человѣкъ, который хотѣлъ купить ея перинку. Сильно волнуясь, она описала этого человѣка, назовемъ его X., какъ отталкивающаго и безстыднаго парня. Она никакъ не могла сговориться относительно цѣны перинки и онъ неоднократно приходилъ къ ней, чтобы торговаться. Тутъ она прервала въ волненіи свой разсказъ, говоря, что о всѣхъ этихъ глупостяхъ не стоитъ говорить, такъ какъ они никакого отношенія къ ея болѣзни не имѣютъ.

Дня черезъ два послѣ этого паціентка пришла уже съ готовностью быть откровенной и разсказала слѣдующее. Въ теченіе годовъ, которые она прожила въ разлукѣ съ мужемъ, она оставалась добродѣтельной. Ее постоянно обуревали эротическія мысли, но ей не трудно было ихъ подавлять, если они всплывали. Когда она готовилась къ путешествію къ мужу въ Америку, то распродавала свое домашнее имущество и X. хотѣлъ купить ея перинку. Во время торговли онъ шутилъ по поводу предстоящаго путешествія въ Америку, гдѣ она будетъ наслаждаться съ своимъ супругомъ. Это возбудило у ней эротическія мысли, и когда X. сопроводилъ свой разговоръ тѣлодвиженіями, то ей показалось невыносимымъ терпѣть. Коротко говоря, она встрѣчалась съ нимъ много разъ подъ предлогомъ продажи перинки и была изумлена своей слабостью. Она, впрочемъ, увѣряла автора, что не нарушала супружеской вѣрности—«это единственное, что я не сдѣлала». Позднѣе она сознала-де серьезность положенія и отказалась его видѣть; въ дѣйствительности-же она побаивалась самой себя, такъ какъ не довѣряла себѣ. Тогда какъ-разъ она боялась одна съ ребенкомъ спать въ комнатѣ и приглашала къ себѣ сосѣдку, къ тому-же времени относится и инциндентъ съ крысой. «Крыса, отмѣчаетъ въ выноскѣ Brill, есть символъ penis'a». Это совпадаетъ также со временемъ, когда встрѣчи

съ X. возбудили у нея сексуальныя фантазіи. Чѣмъ болѣе она старалась ихъ подавить, тѣмъ болѣе онѣ доставляли ей мученій. По ассоціаціи онѣ пробуждали у нея воспоминанія о сексуальныхъ переживаніяхъ, напр. о ранней мастурбаціи и т. п., которыя она вслѣдствіе упорства и притомъ, противъ воли, могла приписывать только внѣшнимъ таинственнымъ силамъ.

Остальные механизмы сновидѣнія просты. Лошадь связана съ наиболѣе глубоко-лежащими первыми сексуальными впечатлѣніями паціентки. Далѣе она указывала, что она позднѣе при случайной мастурбаціи въ своихъ фантазіяхъ для возбужденія часто пользовалась лошадью. Когда во снѣ «лошадь была почти у нея», т. е. когда она была почти готова поддаться искушенію, ея моральное самосознаніе одерживаетъ побѣду и она «протягиваетъ руку, чтобы оттолкнуть ее». Затѣмъ, въ 6-ти лѣтнемъ возрастѣ она дѣйствительно была укушена лошадью; и раннія наблюденія при случкѣ лошадей часто возбуждали страстность и приводили ее къ мастурбаціи. Подобный-же эффектъ вызвали посѣщенія X. Лошадь сновидѣнія можетъ быть поэтому разсматриваема какъ символизированіе X., который вновь пробудилъ ея раннія сексуальныя впечатлѣнія. Грубо сексуальное всегда находится въ подавленіи и на его мѣстѣ мы видимъ обычныя покрывающія представленія (Deckvorstellungen). Это только метонимія, покоющаяся на причинѣ и дѣйствіи. Лошади, быки, собаки, кошки и птицы частые сексуальные символы въ сновидѣніи (Jung. Ueber die Psyhologie der Dementia praecox. 1907). Паціентка понимала сексуальныя отношенія въ садистическомъ смыслѣ, какъ она это видѣла въ дѣтствѣ при случкѣ лошадей; и такимъ-же образомъ символизируетъ это ея сновидѣніе, что находитъ себѣ выраженіе въ словахъ—«лошадь была почти у меня».

Остается еще пояснить, почему депрессіи возникали каждый годъ. Событія, о которыхъ шла рѣчь, происходили въ дни покаянія евреевъ (паціентка еврейка), и какъ разъ въ день, который считается у ортодоксальныхъ евреевъ самымъ священнымъ, ея поступки предстали предъ ней въ самомъ мрачномъ свѣтѣ. Это былъ именно тотъ день, когда всѣ правовѣрные вписываются или въ «Книгу жизни», или въ «Книгу смерти». Это былъ день поста и покаянія, а она дѣйствительно достаточно покаялась. Хотя спустя пять недѣль она и уѣхала въ Америку, но депрессія все еще оставалась. Дальше также, какъ только наступалъ этотъ день, вновь появлялась депрессія, хотя она уже не вспоминала о пережитомъ, какъ источникѣ тягостныхъ и мучительныхъ страданій. Между тѣмъ связанные съ нимъ аффекты проявляли себя и вызывали депрессивныя состоянія.

Послѣ произведеннаго психоанализа угнетенія исчезли и больная стала чувствовать себя хорошо. Свое излеченіе она приписала какому-то невинному данному ей лекарству.

Отграниченіе такихъ депрессій отъ депрессій маніакодепрессивнаго психоза имѣетъ большое значеніе еще и въ практическомъ отношеніи, такъ какъ и прогнозъ, и леченіе будутъ различны въ томъ и другомъ случаѣ. При психогенныхъ депрессіяхъ терапевтическимъ средствомъ является психоанализъ, совершенно освобождающій больныхъ отъ ихъ страданія. Наконецъ, Brill отмѣчаетъ весьма важное значеніе толкованія сновъ.

Этимъ исчерпывается отдѣлъ оригинальныхъ статей. Въ отдѣлѣ «Сообщеній» также содержится много интереснаго. Alexander Witt («Сексуальныя впечатлѣнія у ребенка»), указывая на то, что дѣтскія сексуальныя впечатлѣнія вообще обычно представляются подернутыми туманомъ, приводитъ выдержки изъ «Жизненнаго пути оптимиста» («Lebenslauf eines Optimisten») нѣмецкаго писателя Ganghofer, который къ яркой передачѣ одного эпизода изъ своей жизни присоединилъ возможно глубокій анализъ.

Отрывокъ этотъ слѣдующій. «Еще другое воспоминаніе восходитъ къ четвертому году моей жизни. Я думаю, что я не долженъ пройти мимо него, такъ какъ оно поможетъ отвѣтить на вопросъ о томъ, въ какомъ возрастѣ жизни начинаются безсознательныя волненія крови и дѣтская душа впервые можетъ прикоснуться къ той вѣчной тайнѣ, которая протягиваетъ между мужчиной и женщиной (zwischen Männchen und Weibchen) свои невидимыя, но крѣпкія нити.

Мои родители дружили съ семьей, въ которой были двѣ дочери восемнадцати и девятнадцати лѣтъ, наполнявшія весь домъ жизнерадостностью и смѣхомъ. Эти дѣвушки были двѣ мои вторыя мамочки. Именно младшая изъ нихъ, Терезочка, баловала меня безъ мѣры. Я часто бывалъ въ этомъ домѣ. Однажды я остался у нихъ ночевать,—не знаю почему,—можетъ потому, что дома что-нибудь случилось такое, чего еще не берегли отъ глазъ моей двухлѣтней сестренки, между тѣмъ хотѣли скрыть отъ моихъ всегда любопытствующихъ глазокъ. Я такъ думаю потому, что у меня изъ того времени сохранилось слово, сказанное кѣмъ-то о мнѣ: «нашъ пострѣлъ, вездѣ поспѣлъ». Тогда именно родился мой братецъ, Фрицъ, который долженъ былъ черезъ немного мѣсяцевъ опять закрыть глаза, не успѣвшіе хорошенько увидѣть свѣтъ.

Тутъ безпорядочно выступаютъ теперь оба контраста: смерть, которая заканчиваетъ жизнь, и тайна, являющаяся источникомъ жизни. И между двумя этими противоположностями трепещетъ испуганная маленькая дѣтская душа.

Терезочка оставила меня на ночь у себя и удѣлила мнѣ уютный уголокъ въ своей постели. Уже съ наступленіемъ вечера я былъ отнесенъ въ это большое гнѣздо. И когда Терезочка пришла ложиться спать, я проснулся, началъ возиться и шалить, и разбросалъ во всѣ стороны подушки, такъ что моя восемнадцатилѣтняя сотоварка по постели должна была приводить въ порядокъ наше ложе. Она положила перинку

и подушки на полъ, пока я уютно лежалъ на этой мягкой подкладкѣ, она разглаживала рукой простыню, и захотѣла немного отдохнуть у стола, на которомъ горѣла лампа. Она въ сорочкѣ переступила черезъ меня—и, какъ спокойно спящій испытываетъ будто онъ придавленъ Альпами, только потому, что онъ лежитъ на спинѣ, такъ я былъ охваченъ захватывающимъ дыханіе ужасомъ, такъ глубоко и такъ удивительно, что этотъ ужасъ на всю жизнь свилъ себѣ прочное гнѣздо въ моемъ воспоминаніи.

Когда дѣвушка положила меня въ оправленную постель, то я молчалъ и дрожалъ. И никогда болѣе не позволялъ Терезочкѣ меня цѣловать и ласкать. Я начиналъ кричать, если она брала меня на руки. И съ тѣхъ поръ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ у меня оставалась грубая антипатія ко всему, что звалось дѣвушкой.

Почему именно это воспоминаніе оставалось столь прочнымъ и отчетливымъ? И многое другое, что должно бы запечатлѣться въ моей памяти, угасло во мнѣ?".

Здѣсь особенно обращаетъ на себя вниманіе сильное потрясеніе, которое обнаружилось у маленькаго Ganghofer вслѣдствіе того, что дѣвушка переступила черезъ него. Была-ли эта эмоція чисто сексуальной природы, остается, конечно, не разрѣшеннымъ При этомъ слѣдовало-бы вспомнить, замѣчаетъ Witt, что и въ народѣ есть повѣрье будто, если переступить черезъ ребенка, то это вызываетъ задержку роста; далѣе, собаки и кошки не очень охотно допускаютъ, что бы черезъ нихъ переступали. При этомъ вполнѣ возможно, что тутъ играетъ роль представленіе о томъ, что черезъ тебя переступили, что ты чувствуешь себя лежащимъ подъ кѣмъ-нибудь (Gefühl des Unterliegens).

Небольшое наблюденіе E. Jones (Toronto) подъ заглавіемъ «Безсознательный выборъ научныхъ изслѣдованій» служитъ дополненіемъ къ ранѣе напечатанной имъ-же статьѣ о вліяніи безсознательныхъ комплексовъ на выборъ профессіи (см. рефератъ въ № 3 Психотерапіи). Нѣсколько времени тому назадъ Jones встрѣтилъ одного молодого физіолога, у котораго наблюдалось много психопатическихъ чертъ. Онъ обнаруживалъ описанную Freud'омъ тріаду характерныхъ чертъ, такъ что и при поверхностномъ знакомствѣ въ немъ было легко узнать анальнаго эротика[1]). Недавно авторъ узналъ, что онъ опубликовалъ большой трудъ, надъ которымъ проработалъ цѣлыхъ два года. Трудъ этотъ носитъ названіе: „Изслѣдованіе объ инерваціи анальной мускулатуры омара".

Другой примѣръ относится къ молодому неврологу, который въ теченіе трехъ лѣтъ большую часть своего времени

---

[1]) Такими чертами Freud считаетъ—педантическую аккуратность, усиленную бережливость и упрямство (см. Charakter und Analerotik. Sammlung Kleiner Schriften zur Neurosenlehre. II Folge 1909. Стр. 132). Н. В.

посвящалъ двумъ темамъ: проблемѣ аллохейріи и вопросу о томъ, какая изъ половинъ тѣла чаще поражается при гемиплегіи. Въ этомъ отношеніи онъ собралъ данныя о 5000 случаевъ. Автору удалось проследить съ помощью психоанализа этотъ высокій интересъ къ „справа или слѣва?“ вплоть до забытаго конфликта по типу, описанному Adler'омъ подъ именемъ психическаго гермафродитизма. Правая или лѣвая сторона символизировали, что встрѣчается столь часто, мужское resp. женское.

Въ „Примѣрѣ замаскированнаго сна Эдипа“ Rank даетъ анализъ двухъ сновъ одной и той-же паціентки и на основаніи его устанавливаетъ возможность эдиповскаго комплекса у женщины. Особенность случая представляетъ то, что переживанія получили въ сновидѣніяхъ матеріальное облаченіе, въ видѣ наслѣдства, которое должно бы было перейти отъ ея дѣдушки къ ея умершему отцу (а слѣдовательно и ей) и которое похитила ея мать.

Въ замѣткѣ «Изъ старой литературы» W. Stekel приводитъ выдержки изъ книги д-ра H. L. Guttceit «Тридцать лѣтъ практики», появившейся еще въ 1873 г. Интересны воззрѣнія Guttceit'а на психогенное происхожденіе истеріи. Онъ полагалъ, что «то, что называютъ истеріей есть ничто иное какъ реакція чувствительнаго женскаго организма на депримирующіе душевные аффекты. Они представляютъ собою единственную дѣйствительную причину всѣхъ истерическихъ явленій, такъ что всегда и вездѣ, гдѣ молодая дѣвушка, дѣвственница, молодая или старая женщина получаетъ истерическіе припадки, тамъ можно быть съ математической точностью убѣжденнымъ въ томъ, что на нее дѣйствуетъ депримирующій аффектъ». «Свойства депримирующаго аффекта могутъ быть самыя разнообразныя. Ужасъ, отвращеніе, ревность и оскорбленное самолюбіе, разлука съ возлюбленнымъ или обманутыя любовныя надежды, тревожащая забота или предвидѣніе неизбѣжнаго несчастія могутъ вызывать тотъ-же самый эффектъ—истерическіе припадки—у женщинъ самыхъ разнородныхъ конституцій, климата, общественнаго положенія и образа жизни, образованія и возраста»... и далѣе—«при ослабленіи организма нерѣдко и незначительныхъ моральныхъ причинъ достаточно, чтобы вызвать то-же самое». Наоборотъ, аффекты пріятнаго тона, какой-бы силы они не достигали, никогда не вызываютъ истерическихъ явленій.

Относительно онанизма Guttceit полагаетъ, что на этотъ видъ полового самоудовлетворенія,—если только онъ не чрезмѣренъ,—слѣдуетъ смотрѣть какъ на совершенно невинную вещь, не могущую являться причиной душевныхъ разстройствъ. По наблюденіямъ автора дѣвушки и женщины обыкновенно много чаще практикуютъ самоудовлетвореніе, нежели мужской полъ; многія изъ нихъ прибѣгали къ этому 6, 8, 10 разъ въ теченіе дня или ночи, доходя до полнаго истощенія. Болѣзненныя явленія, наблюдавшіяся у нихъ, бы-

ли тѣ-же, какія бываютъ нерѣдко послѣ чрезмѣрныхъ нормальныхъ сношеній.

Otto Juliusburger (Steglitz), въ защиту ученія Freud'a о значеніи сексуальнаго фактора въ здоровой и больной психической жизни человѣка, приводитъ рядъ выдержекъ изъ сочиненій Schopenhauer'a. Нѣкоторыя изъ нихъ по своей глубинѣ и поэтической яркости, дѣйствительно, останавливаютъ на себѣ вниманіе. Отмѣчая важную, центральную роль, какую въ человѣческой жизни играетъ отношеніе половъ, Schopenhauer говоритъ, что «оно есть причина войны и цѣль мира, основа серьезнаго и цѣль шутки, неистощимый источникъ остроумія, ключъ ко всякой игрѣ намековъ и смыслъ каждаго тайнаго намека, невысказанныхъ мыслей и всѣхъ тайныхъ взглядовъ, повседневныя грезы и исканія юности, а часто и зрѣлыхъ людей, ежечасная мысль о нецѣломудренности и противъ воли постоянно возвращаюшаяся греза о цѣломудріи, всегда готовая матерія для шутки, и именно только потому, что въ основѣ ея лежитъ глубочайшая серьезность»... «Да, можно было-бы сказать, что человѣкъ—конкретный половой инстинктъ». Половой инстинктъ есть сильнѣйшее изъ стремленій, желаніе желаній, концентрація всего нашего хотѣнія.

Alfred Adler въ статьѣ „О мужской установкѣ у женщинъ - невротичекъ" иллюстрируетъ двумя примѣрами свои воззрѣнія на механизмъ неврозовъ, главнымъ двигателемъ которыхъ онъ считаетъ мужской протестъ противъ женскихъ или кажущихся женскими побужденій и чувствованій. Исходнымъ пунктомъ невротическаго расположенія, по Adler'y, является дѣтская патогенная ситуація, въ которой игра силъ наиболѣе просто можетъ быть представлена слѣдующимъ образомъ: съ одной стороны неувѣренность въ своей будущей половой роли, съ другой—усиленное стремленіе съ помощью имѣющихся въ распоряженіи средствъ играть мужскую (властвующую, активную, жестокую) роль.

I сл. Стремленіе благоразуміемъ, хитростью и смѣлостью замѣстить недостатокъ мужественности. Двадцатичетырехлѣтняя паціентка, которая страдала головными болями, безсонницей и сильными вспышками гнѣва, направленными главнымъ образомъ противъ матери, разсказываетъ о бывшемъ съ нею случаѣ. Однажды вечеромъ, когда она шла домой, ея вниманіе привлекла слѣдующая сцена: какой-то человѣкъ бранился на проститутку, которая обратилась къ нему. Другіе мужчины старались успокоить его. Тогда паціентка почувствовала непреодолимое желаніе вмѣшаться въ это дѣло и указать разсерженному на нелѣпость его поведенія. Анализъ даетъ: она хотѣла дѣйствовать какъ мужчина, освободиться отъ своей женской роли, которая требовала сдержанности.

Въ тотъ-же день она присутствовала въ качествѣ слу-

шательницы на одномъ экзаменѣ. Экзаменаторъ, образованный, остроумный господинъ, но съ мужскимъ протестомъ, очень смѣялся надъ кандидатками и вышучивалъ ихъ. Паціентка въ гнѣвѣ встала и вышла. Остатокъ дня она была занята мыслью о томъ, какъ вести себя на экаменѣ у господина профессора. Ночь прошла безъ сна. Только подъ утро она заснула и увидала такой сонъ: „Я была окутана вуалью. Пришелъ старый мужчина и сказалъ, что это безполезно, такъ какъ черезъ вуаль все-равно можно видѣть».

Старый мужчина носитъ черты извѣстнаго нѣмецкаго патолога и является, какъ утверждаетъ паціентка, постоянной фигурой ея сновидѣній. Рядомъ съ этимъ ей вспомнились и другія лица, и прежде всего строгій, но остроумный экзаменаторъ. Какъ на общую связь она обращаетъ вниманіе на разумность всего. Выраженіе «черезъ вуаль все-равно можно видѣть» происходитъ изъ періода леченія.

«Окутана вуалью».—Она думаетъ, повидимому, о противоположности, о Венерѣ Милосской. За день передъ тѣмъ она говорила и оцѣнивала это произведеніе искусства. Дальнѣйшія мысли связываются съ позой и прикрывающими жестами медицейской богини и недостатка частей членовъ Милосской Венеры.

Третій рядъ мыслей подвергаетъ сомнѣнію слова старика. Развѣ рядомъ слоевъ вуали нельзя—какъ это у танцовщицъ—прикрыть наготу?

Нѣтъ надобности, думаетъ авторъ, объяснять, что стремленіе сновидицы направлено къ тому, чтобы скрыть свой полъ. Положеніе руки у Венеры Медицейской, недостатокъ частей членовъ у Венеры Милосской довольно ясно говорятъ за вскрытое уже раньше желаніе паціентки: я женщина, но хочу быть мужчиной.

Оба событія, бывшія днемъ, безсонница, желаніе въ уличной сценѣ вести себя какъ мужчина, одолѣть строгаго профессора и одурачить меня прикрываніями вуалемъ, представляютъ собою часть того цѣлаго, что представляетъ содержаніе невроза этой дѣвушки. Тихо звучитъ въ сновидѣніи сомнѣніе, удастся-ли это превращеніе. Если редуцировать это сомнѣніе на дѣтскую патогенную ситуацію, то тамъ оно должно соотвѣтствовать первичной неувѣренности, неувѣренности въ отношеніи будущей половой роли. Къ этому позднѣе присоединяется невротическая характерологія, складывающаяся изъ кажущихся мужскими чертъ и защитительныхъ стремленій; послѣднія направлены противъ опасности переродиться въ женское, опуститься внизъ.

II сл. Воспитаніе невротической матерью. Страхи передъ родами, какъ причина ошибокъ воспитанія. Женщина 38 л., которую Adler пользовалъ по поводу частыхъ припадковъ тревоги и сердцебіенія, болѣзненнаго давленія въ груди и „болей въ слѣпой кишкѣ“, обнаруживала своеобразное отношеніе къ своему

единственному ребенку, дѣвочкѣ 10 лѣтъ. Она слѣдила за ней по пятамъ, постоянно была недовольна ея успѣхами, непрестанно ворчала на немного отстающую, но въ остальномъ добрую дѣвочку.

Впервые припадки появились въ 19-тилѣтнемъ возрастѣ, когда паціентка тайно обручилась съ теперешнимъ своимъ мужемъ. Жениховство продолжалось 8 лѣтъ, встрѣчало сильное сопротивленіе со стороны ея семьи и сопровождалось чрезвычайно частыми тщетными половыми возбужденіями (frustrane Eregungen). Вскорѣ послѣ замужества припадки исчезли, но послѣ рожденія ребенка вновь появились. Въ это время супругъ перешелъ къ coitus interruptus. Послѣ того, какъ врачъ указалъ на вредъ этого, прибѣгли къ другимъ предупреждающимъ мѣрамъ. Результатъ былъ блестящій, припадковъ долгое время не было. Внезапно они появились вновь, безъ какихъ либо измѣненій въ половой жизни, и въ теченіе трехъ лѣтъ не уступали никакой терапіи. Сексуальное удовлетвореніе все время было въ наличности.

Въ психоанализѣ обнаружились психическое содержаніе и истерическая структура паціенки. Характерныя черты мужского протеста выступили ясно: упрямство, повышенная чувствительность, желаніе господствовать и властвовать—между тѣмъ черезъ фикцію чрезвычайно сильныхъ, либидинозныхъ стремленій ясно сохранилось чувство недостаточности (Minderwertigkeit). Эти либидинозныя стремленія существовали съ восьмилѣтняго возраста, постоянно поддерживали боязнь упасть и получить ребенка, и наполняли паціентку боязнью передъ ея женской ролью. Когда она познакомилась съ своимъ мужемъ и во время продолжительнаго жениховства она создала себѣ изъ этой боязни получить боли въ груди и боку надежную защиту, которая дѣлала невозможной незаконную связь. Ея безсознательная фантазія отразила ей, какъ въ зеркалѣ, ея образъ страстной и въ то-же время слабовольной дѣвушки, существа слѣпо слѣдующаго своему сексуальному инстинкту, и она, съ помощью боязни и невроза, постоянно боролась противъ фикціи своей исполненной желаній женской натуры. Эта борьба противъ женскихъ чертъ происходила въ безсознательномъ, но съ ранняго дѣтства положила въ сознаніи осадокъ: въ сознательномъ желаніи быть мужчиной.

Какъ только положеніе дѣла становилось болѣе напряженнымъ,—отъ какихъ бы причинъ это ни зависѣло,—паціенка переоцѣнивала опасность и реагировала припадками противъ своей женской роли и вмѣстѣ съ тѣмъ противъ мужа. Припадки наступали ночью, и нарушали его сонъ: они должны были ему показать, какъ непріятно было-бы просыпаться ночью отъ дѣтскаго крика. Припадкомъ одышки она могла указать мужу на угрожающій послѣ беременности туберкулезъ. Она могла избѣгать общества и привязывать мужа къ дому, и она заставляла нѣсколько жестоковатаго мужа повиноваться ей во многихъ отношеніяхъ.

Наиболѣе важнымъ выводомъ изъ этого анализа Adler считаетъ то, какъ мучающее и брюзгливое воспитаніе служило безсознательнымъ стремленіямъ паціентки. Она показывала своей ненавистью, постояннымъ безпокойствомъ и суетливостью, что и одинъ ребенокъ доставляетъ слишкомъ много хлопотъ. И окружающіе правильно смотрѣли на дѣло, постоянно восклицая: „благодареніе Богу, что у тебя только одинъ ребенокъ". Постоянное слѣдованіе за ребенкомъ по пятамъ и воспрещеніе играть съ другими дѣтьми скрывало возникавшее изъ безсознательнаго логическое представленіе: дѣвочка не должна быть такой, какъ ея мать, не должна, какъ она въ дѣтствѣ, мастурбировать!

Съ клинической стороны анализы, несомнѣнно, представляютъ большой интересъ, но въ томъ краткомъ изложеніи, въ какомъ они даны Adler'омъ въ этомъ сообщеніи, выводы его не всегда кажутся убѣдительными. Поэтому мы предполагаемъ въ одной изъ ближайшихъ книжекъ нашего журнала дать переводы его основныхъ работъ.

Н. Вырубовъ.

Первое годичное собраніе «Международнаго общества медицинской психологіи и психотерапіи».

7—8 августа 1910 г. въ Брюсселѣ происходило первое годичное собраніе [1]) «Международнаго общества медицинской психологіи и психотерапіи». Изъ членовъ общества на засѣданіяхъ присутствовали, между прочимъ, слѣдующія лица: Bernheim, Bonjour, Crocq, Dupré, Forel, Graeter, Hilger, Jones, Lévy, Mohr, de Montet, Mutmann, van Rentergehm, Seif, Semon, O. Vogt, Warda.

Програмными темами были вопросъ о внушеніи и задачи психоанализа. Докладчиками на програмныя темы выступили P. Janet [Les problèmes de la suggestion] и de Montet [Problemes théoriques et pratiques de la psychoanalyse]. Кромѣ этихъ докладовъ, были сдѣланы слѣдующія сообщенія: A. Forel. La psychologie et la psychothérapie à l'université.—Bernheim. Différenciation clinique de la neurasthénie et des psychonévroses.—Trömner. Vorgänge beim Einschlafen.—Semon. Association als Teilerscheinung der mnemischen Grundgesetzlichkeit.—Vogt. La nouvelle division myéloarchitecturale de l'écorce cérébrale.—Seif. Ueber die Wert und die Bedeutung der psychoanalytischen Metode für die Diagnose und Therapie der Neurosen.—Mohr. Ueber die Benutzung adäquater und inadäquater physikalischer und chemischer Reize in der

---

[1]) Подробный отчетъ см. Journ. für Psychol. und Neurol. Bd. 17, Ergänzungsheft.

Psychothérapie.—Jones. The therapeutic effect of Suggestion. —Lévy. Les névroses sont des maladies totales. L'éducation de la volonté, traitement des névroses.

Bernheim (Différenciation clinique de la neurasthénie et des psychonévroses y comprise l'hysterie) въ своемъ докладѣ пытается провести рѣзкую грань между психоневрозами и неврастеніей.

Къ психоневрозамъ онъ относитъ всѣ функціональныя разстройства, являющіяся слѣдствіемъ простого нарушенія динамизма нервной системы, безъ органической подкладки и безъ токсическихъ явленій; разстройства эти въ большинствѣ случаевъ представляютъ результатъ эмоціональнаго тока, и поддерживаются болѣе или менѣе стойкими опасеніями. Психоневрозы могутъ быть самостоятельнымъ страданіемъ или являются дополненіемъ (greffées) какого-нибудь органическаго заболѣванія. Къ числу психоневрозовъ Bernheim относитъ и истерію (которая, по его взглядамъ, сводится къ crises, выражающимся судорогами, конвульсіями, обмороками, чувствомъ тяжести, globus и т. п.); при всѣхъ этихъ психоневрозахъ леченіе должно сводиться къ психотерапевтическому воздѣйствію на больного, которое даетъ нерѣдко блестящіе результаты. Не то при неврастеніи; примѣняя здѣсь въ теченіе болѣе 25 лѣтъ различные психотерапевтическіе пріемы Bernheim долженъ былъ придти къ заключенію, что они здѣсь оказываются безсильными; нѣкоторыя разстройства, правда, исчезали, но по Bernheim'у эти разстройства—осложненія психоневротическаго характера, самое же теченіе неврастеніи подъ вліяніемъ внушенія остается неизмѣннымъ. Неврастеническіе и психастеническіе симптомы (головную боль, ощущеніе пустоты, тяжесть въ головѣ, головокруженія, боли и т. д.) Bernheim относитъ къ числу явленій токсическаго характера и считаетъ неврастенію слѣдствіемъ авто-интоксикаціи.

Докладъ Bernheim'а вызвалъ цѣлый рядъ возраженій. Forel указалъ на то, что предположеніе, что неврастеническіе симптомы обусловлены интоксикаціей, является слишкомъ гипотетичнымъ.

Опираясь на данныя, полученныя съ помощью психоанализа, Seif высказался противъ положенія Bernheim'а, согласно которому сексуальныя причины далеко не всегда играютъ роль въ развитіи неврастеніи и истеріи.

Pierre Janet. Les promblèmes de la suggestion. Основныя положенія доклада Janet, который лично не присутствовалъ на съѣздѣ, слѣдующія:

Неопредѣленность психологическихъ терминовъ быть можетъ нигдѣ такъ не даетъ себя знать, какъ въ работахъ по психотерапіи, въ частности при употребленіи слова внушеніе. Эта неопредѣленность затрудняетъ чтеніе и пониманіе работъ различныхъ авторовъ, каждый изъ которыхъ пользуется собственной терминологіей.

Слову внушеніе одни придаютъ болѣе общее, широкое

значеніе, другіе, придерживаясь общепринятой терминологіи, употребляютъ его въ болѣе узкомъ смыслѣ.

Защитникомъ болѣе широкаго пониманія термина внушеніе является, Bernheim, согласно которому все, что воспринимается нами, все что вызвано ассоціаціей идей, чтеніемъ, обученіемъ, всѣ поступки и убѣжденія, каково бы ни было ихъ происхожденіе—все это внушеніе. «La suggestion—c'est l'acte par lequel une idée est introduite dans le cerveau et acceptée par lui [1])» говоритъ онъ. Но внушеніе, понимаемое въ такомъ смыслѣ, является синонимомъ словъ мысль, психологическое явленіе, сознаніе и такая неопредѣленность лишаетъ его всякаго практическаго значенія. Необходимо поэтому придать этому термину болѣе узкій смыслъ. Путемъ исключенія, отдѣляя между прочимъ эмоціональныя состоянія, хотя они нерѣдко и бываютъ тѣсно связаны съ внушеніемъ, Janet предлагаетъ терминомъ внушеніе обозначать своеобразную реакцію человѣческой психики на извѣстныя воспріятія, реакцію, состоящую въ полномъ развитіи вызваннаго ею влеченія, при чемъ въ этомъ развитіи остальная личность не принимаетъ участія (La suggestion—c'est une réaction particulière de l'esprit humain à certaines perceptions: cette réaction consiste dans le développement complet de la tendence évoquée sans que ce développement soit déterminé par la collaboration du reste de la personnalité).

Нѣкоторые авторы еще болѣе суживаютъ значеніе слова внушеніе, относя къ этой категоріи только такія реакціи, исходными пунктами которыхъ являются утвержденія или приказанія посторонняго лица, но Janet не находитъ такое ограниченіе раціональнымъ. Такъ, въ одномъ случаѣ идея кражи можетъ возникнуть у больного безъ всякаго воздѣйствія какого-либо другого лица, и онъ совершаетъ кражу механическимъ путемъ, просто потому, что онъ видитъ передъ собой брилліантъ или золотую монету, другой же крадетъ потому, что ему кто-нибудь говоритъ о кражѣ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ мы имѣемъ психологическія явленія одного порядка, отдѣлять которыя одно отъ другого нѣтъ достаточныхъ основаній.

Явленія внушенія Janet предлагаетъ разбить на три группы: 1) простыя внушенія—реакція, вызванная какими-либо воспріятіями; 2) внушенія, въ которыхъ исходнымъ пунктомъ служитъ воспріятіе, посредствомъ какого-либо органа чувствъ, мысли другого человѣка, и 3) внушенія, носящія экспериментальный характеръ, когда изслѣдователь съ извѣстной цѣлью производитъ внушеніе, вызывая какъ бы механическимъ путемъ развитіе какого либо влеченія.

Переходя къ описанію явленій внушенія Janet отмѣчаетъ то обстоятельство, что посредствомъ внушенія удается

---

[1]) Т. е. внушеніе есть такой актъ, посредствомъ котораго идея вводится въ мозгъ и имъ принимается.

заставить человѣка сдѣлать самые разнообразные движенія и поступки, но при этомъ приходится считаться съ личностью внушаемаго, которая можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ оказывать значительное сопротивленіе. Этимъ сопротивленіемъ обусловлено то обстоятельство, что совершеніе преступленія подъ вліяніемъ внушенія—фактъ, хотя и установленный, но во всякомъ случаѣ крайне рѣдкій, тогда какъ при лабораторныхъ опытахъ нѣтъ ничего легче, какъ заставить разыграть сцену какого-нибудь преступленія.

Вопросъ о томъ, насколько внушеніе можетъ вліять на функціонированіе внутреннихъ органовъ, является однимъ изъ наиболѣе темныхъ; при рѣшеніи его необходимо быть особенно осторожнымъ, чтобы избѣжать возможности сознательной или безсознательной симуляціи.

Теоріи, предложенныя для объясненія сущности внушенія, можно раздѣлить на три группы.

1) Представители теорій первой группы ищутъ объясненіе явленій внушенія въ измѣненіи напряженія вниманія. Идеи этого рода можно найти еще у Braid, Hack-Tuke и Liebault, дальнѣйшее развитіе даетъ имъ въ своей монографіи Münsterberg. Развитіе составныхъ элементовъ стремленія, которое было пробуждено внушеніемъ, задержка всѣхъ противоположныхъ стремленій сравнивается этими авторами съ аналогичными явленіями, которыя наблюдаются во время умственной работы и при произвольномъ, связанномъ съ усиліемъ воли, направленіи вниманія на опредѣленный предметъ.

Подвергая критической оцѣнкѣ эти теоріи, Janet отмѣчаетъ, что онѣ находятся въ противорѣчіи со многими, давно уже извѣстными фактами; дѣйствительно лица, легко поддающіяся внушенію, не только не отличаются способностью къ напряженному вниманію, но, наоборотъ, обыкновенно это субъекты крайне разсѣянные, слабовольные, внушаемость которыхъ исчезаетъ съ развитіемъ способности произвольно фиксировать вниманіе. Явленія внушенія носятъ автоматическій характеръ, явленія вниманія—личный, волевой.

2) Объяснять внушеніе тѣмъ, что оно вызываетъ склонность къ послушанію, довѣрію къ лицу, пользующемуся авторитетомъ, Janet также не считаетъ раціональнымъ; въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ эта склонность къ послушанію чрезмѣрно развита, она уже сама по себѣ пріобрѣтаетъ характеръ внушаемости; внушенія благодаря послушности—это только одинъ изъ видовъ внушенія, и они не могутъ служить для объясненія механизма общаго явленія. Да и нельзя отрицать того, что многіе изъ лицъ, легко внушаемыхъ, не отличаются совсѣмъ этой послушностью (docilité).

3) Самъ докладчикъ полагаетъ, что возникновеніе явленій внушенія обусловлено автоматическимъ моноидеизмомъ (automatisme monoideique). Нѣкоторые элементы этой теоріи можно найти еще у Ch. Richet.

Разъ наши стремленія чѣмъ-нибудь возбуждены, они

имѣютъ тенденцію развиваться самостоятельно, но ихъ развитіе обыкновенно тормазится какъ развитіемъ другихъ, одновременно съ ними пробужденныхъ, стремленій, такъ и дѣятельностью всей личности даннаго субъекта. Поэтому необходимое условіе для реализаціи внушенія—это пробужденіе одного изолированнаго стремленія. Это бываетъ тогда, когда субъектъ находится въ состояніи разсѣянности, или же тогда, когда онъ находится въ такомъ состояніи, что не можетъ одновременно думать о нѣсколькихъ предметахъ.

Явленія внушенія въ большинствѣ случаевъ, по мнѣнію Janet, относятся къ числу патологическихъ; вопросъ о внушеніи тѣсно связанъ съ вопросомъ о суженіи поля сознанія (rétrecissement du champs de la conscience). Благопріятныя условія для такого съуженія мы находимъ во время усталости, сна, при нѣкоторыхъ состояніяхъ, вызванныхъ отравленіями, при извѣстныхъ эмоціональныхъ разстройствахъ и, въ особенности, при нѣкоторыхъ неврозахъ.

Докладъ Janet вызвалъ продолжительныя пренія, резюмировать которыя, къ сожалѣнію, въ предѣлахъ краткаго обзора представляется затруднительнымъ.

Послѣ чтенія доклада предсѣдатель предоставилъ слово Bernheim'у, который, изложивъ свои взгляды на сущность внушенія, закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами: „Всякая мысль, всякое впечатлѣніе, всякій психическій образъ, всякое явленіе сознанія—внушеніе (Toute idée, toute impression, toute image psychique, toute phénomène de conscience est une suggestion). Всякое внушеніе имѣетъ тенденцію къ реализаціи. Однако, оно не всегда можетъ исполниться и можетъ быть задержано или сопротивленіемъ субъекта, или встрѣтить физіологическія препятствія. Нѣкоторыя душевныя состоянія, какъ произвольныя, такъ и вызванныя экспериментальнымъ путемъ, облегчаютъ исполненіе извѣстныхъ внушеній.

Нѣкоторыя явленія, которыя съ перваго взгляда могутъ намъ показаться странными, какъ-то: анестезіи, контрактуры и галлюцинаціи, могутъ быть воспроизведены и здоровымъ мозгомъ, въ его физіологическомъ состояніи, при чемъ механизмъ ихъ возникновенія также можетъ быть физіологическимъ.

Оживленный обмѣнъ мнѣній вызвалъ вопросъ о психоанализѣ. Докладчикомъ по этому вопросу выступилъ Ch. de Montet, представившій критическій обзоръ теоретическихъ основъ психоанализа и его практическихъ результатовъ. Защитникомъ ученія Freud'a выступилъ Seif, принадлежащій, повидимому, къ числу ортодоксальныхъ фрейдистовъ.

Ch. de Montet (Problèmes théoriques et pratiques de la psychoanalyse) началъ свой докладъ съ указанія на то, что не малымъ препятствіемъ при обсужденіи вопросовъ о значеніи психогеніи въ этіологіи невропатическихъ и психопатическихъ состояній является разногласіе въ терминологіи; поэтому онъ предлагаетъ пользоваться терминами, имѣющими по

возможности болѣе общее значеніе. Въ предлагаемой имъ системѣ обозначеній Montet старался придерживаться терминологіи Semon'a.

Цѣль психоанализа—опредѣлить психическую структуру даннаго индивидуума; этимъ онъ отличается отъ классическихъ методовъ изслѣдованія, представляющихъ, въ сущности, только болѣе или менѣе тонкое описаніе психологическихъ и психопатологическихъ явленій. Эта психическая структура опредѣляетъ реакціи даннаго субъекта на внѣшнія раздраженія. Элементарный анализъ индивидуальныхъ особенностей психики больныхъ производился врачами уже давно, но его систематическая разработка является неотъемлемой заслугой Freud'a.

Принимая во вниманіе важную роль, которую играютъ эмоціи въ патогенезѣ функціональныхъ заболѣваній, Montet останавливается на соотношеніи между эмоціями и особенностями психики; основнымъ вопросомъ психоанализа, говоритъ онъ, является сведеніе особенностей аффективной жизни къ особенностямъ психической структуры.

Вмѣстѣ съ Janet докладчикъ разсматриваетъ эмоцію какъ проявленіе неприспособленности индивидуума къ даннымъ условіямъ, на его неспособность правильно реагировать при извѣстномъ стеченіи обстоятельствъ. Неприспособленность эта обусловлена отсутствіемъ необходимыхъ ассоціацій.

Возникновеніе комплексовъ Freud'a можно разсматривать какъ образованіе группы ассоціацій неправильныхъ, несоотвѣтствующихъ даннымъ условіямъ.

Возникновеніе внутренняго моральнаго конфликта обусловлено тѣмъ, что одни изъ элементовъ даннаго событія легко ассоціируются съ личностью даннаго субъекта, и поэтому доходятъ до сознанія, получая моральную оцѣнку, тогда какъ остальные элементы, встрѣчая въ этомъ направленіи сопротивленіе (сопротивленіе это не моральнаго, а чисто функціональнаго, динамическаго характера—„résistance associative"), остаются въ области подсознательнаго. Отъ нихъ остается только извѣстная эмоціональная окраска (ton émotif).

Кромѣ образованія моральныхъ конфликтовъ, въ частности конфликтовъ сексуальнаго характера, возможно образованіе конфликтовъ и иного рода; весьма возможно, что въ обществѣ, въ которомъ господствуетъ полигамія, сексуальные конфликты носили бы патогенный характеръ гораздо рѣже, чѣмъ мы это видимъ въ настоящее время.

Заслугой Freud'a является то, что онъ показалъ, что сексуальный инстинктъ служитъ причиной развитія заболѣванія во многихъ случаяхъ истеріи, навязчивыхъ состояній и т. п., но Montet возстаетъ противъ сведенія всѣхъ стремленій человѣчества къ сексуальнымъ. Такая предвзятая точка зрѣнія заставляетъ Freud'a искать сексуальные конфликты тамъ, гдѣ эти конфликты въ дѣйствительности носятъ иной характеръ. Признавая a priori гегемонію сексуальнаго чувства,

Freud не считается съ тѣми наблюденіями, въ которыхъ онъ не находитъ этой гегемоніи. Самому слову сексуальный Freud придаетъ слишкомъ широкій смыслъ, относя къ проявленіямъ полового инстинкта чувства, быть можетъ, филогенетически и выработавшіяся изъ него, но въ настоящее время потерявшія съ нимъ почти всякую связь.

Методъ толкованія (Deutung) de Montet считаетъ слишкомъ произвольнымъ и ненаучнымъ, такъ какъ съ одной стороны нельзя установить точныхъ границъ этого толкованія, а съ другой стороны потому, что оно основано на предположеніи существованія сопротивленія со стороны больныхъ, которое встрѣчается далеко не во всѣхъ случаяхъ. Дѣйствительно толкованіемъ пользуются въ школѣ Freud'а столь свободно, что безграничной игрѣ фантазіи дается полный просторъ. Съ развитіемъ воображенія кореннымъ образомъ мѣняется и значеніе символовъ. „Въ Traumdeutung и въ Witz мы находимъ поразительную смѣсь талантливыхъ наблюденій съ разсужденіями, указывающими на извѣстную анархію при примѣненіи правилъ логики".

Практическая задача психоанализа—это созданіе новой функціональной связи, новыхъ ассоціацій (réassotiation). Элементы, остававшіеся въ глубинѣ подсознательнаго, должны быть подняты до уровня сознанія, чтобы сдѣлать возможнымъ образованіе новыхъ ассоціацій. Терапевтическое значеніе катарзиса обусловлено внушеніемъ, которое въ значительной мѣрѣ можетъ маскировать психическую структуру даннаго индивидуума. Не слѣдуетъ приписывать благопріятные результаты, полученные при примѣненіи катартическаго метода тому, что больные вновь переживаютъ тотъ или иной моментъ своей жизни. Результаты эти въ дѣйствительности обусловлены возникновеніемъ новой ассоціаціи между патогенными элементами прошлыхъ переживаній съ группой представленій, относящихся къ настоящей личности больного (constellation actuelle du sujet).

По мнѣнію докладчика методъ психоанализа только начинаетъ развиваться, и необходима еще тщательная подготовка почвы путемъ собиранія точныхъ наблюденій надъ аффективной жизнью, путемъ анкетъ о символизмѣ, фобіяхъ, дѣтскихъ играхъ, анализа автобіографій, журналовъ и писемъ; необходима, наконецъ, разработка новыхъ методовъ прямого психоанализа и детальная критика, и дальнѣйшее развитіе тѣхъ, которые примѣняются въ настоящее время.

Рефератъ L. Seif'a (Ueber den Wert und die Bedeutung der psychoanalytischen Methode für die Diagnose uud die Therapie der Neurosen) является изложеніемъ основныхъ положеній Freud'овскаго ученія, но ничего новаго въ этомъ отношеніи не даетъ.

Во время обсужденія докладовъ Montet и Seif, O. Vogt указалъ на то, что предложенный имъ способъ Kausalanalyse во многихъ случаяхъ даетъ цѣнныя указанія относительно

механизма возникновенія тѣхъ или иныхъ болѣзненныхъ симптомовъ. Основываясь на своихъ наблюденіяхъ, полученныхъ при помощи этого метода, Vogt утверждаетъ, что эмоціональное потрясеніе, вызвавшее развитіе заболѣванія, далеко не такъ часто подвергается забвенію, какъ это утверждаютъ сторонники Freud'a; сопротивленіе при психоанализѣ (Wiederstand) также въ дѣйствительности встрѣчаются гораздо рѣже, чѣмъ это полагаетъ Seif.

Forel, не отрицая того, что забытыя или вытѣсненныя эмоціи могутъ служить причиной цѣлаго ряда нарушеній психической дѣятельности, отмѣчаетъ, что не только такія эмоціи могутъ играть психотравматическую роль. Въ подтвержденіе этого онъ приводитъ случай, въ которомъ эмоція, вызвавшая заболѣваніе, не была забыта больной.

Mohr также является сторонникомъ того взгляда, что эмоціональное потрясеніе можетъ вызывать заболѣваніе не будучи забытымъ, и что въ такихъ случаяхъ вытѣсненіе (Verdrängung) не имѣетъ мѣста.

При обсужденіи положенія: «всегда ли патогенныя эмоціи носятъ сексуальный характеръ, или они могутъ быть и другого рода?», Vogt, основываясь на личныхъ наблюденіяхъ, заявилъ, что онъ не можетъ присоединиться къ утвержденію, что всѣ или почти всѣ патогенныя эмоціи принадлежатъ къ числу эмоцій сексуальнаго характера. Даже тѣ случаи, которые приводитъ Seif, далеко не являются убѣдительными въ смыслѣ ихъ сексуальной этіологіи.

Forel полагаетъ, что придавать всѣмъ патогеннымъ эмоціямъ сексуальный характеръ является недопустимымъ увлеченіемъ, и энергично возстаетъ противъ стремленія сексуализировать всю психологію. «Тотъ фактъ, что чувства симпатіи и сочувствія филогенетически происходятъ отъ взаимнаго влеченія половъ, совсѣмъ не означаетъ, что всякое чувство симпатіи—сексуальнаго характера. Человѣческій мозгъ—производное эпидермы или эктодермы, но вѣдь это не значитъ, что и въ настоящее время мозгъ—это эпидерма!».

Graeter, приводя случай невроза желудка, вылеченнаго психоанализомъ, въ развитіи котораго сексуальные аффекты не играли роли, также защищаетъ ту точку зрѣнія, что не во всѣхъ случаяхъ неврозовъ причина заболѣванія лежитъ въ сексуальныхъ моментахъ.

Изъ преній по поводу докладовъ Montet и Seif'a выяснилось, что изъ участниковъ съѣзда только Seif является безусловнымъ сторонникомъ психоанализа въ томъ смыслѣ, какъ его понимаютъ послѣдователи Freud'a; остальные, не отрицая заслугъ Freud'a, находятъ въ его системѣ цѣлый рядъ болѣе или менѣе серьезныхъ недостатковъ и возстаютъ противъ его односторонности.

O. Vogt (La nouvelle division myéloarchitecturale de l'écorce cérébrale et ses rapports avec la physiologie et la psychologie) представилъ краткое résumé своихъ работъ по стро-

енію мозговой коры. Работы эти основаны на изученіи особенностей, которыя существуютъ между различными участками мозга въ смыслѣ дѣленія ихъ на слои, длины и толщины міэлиновыхъ волоконъ коры, т. е. на изученіи его myéloarchitecture. Отдѣльные участки мозговой коры въ этомъ отношеніи представляютъ цѣлый рядъ особенностей, на основаніи которыхъ въ нихъ можно различать отдѣльные комплексы, которые Vogt называетъ кортикальными полями (champ cortical). Каждый комплексъ представляетъ изъ себя элементарный органъ; число ихъ довольно значительно, и въ корѣ человѣка Vogt различаетъ до 150 такихъ полей. Границы этихъ полей далеко не всегда совпадаютъ съ бороздами, и ихъ распредѣленіе по отношенію къ опредѣленнымъ бороздамъ можетъ у различныхъ лицъ представлять извѣстныя колебанія.

На основаніи своихъ работъ Vogt возстаетъ противъ того дуализма, который обыкновенно видятъ въ функціяхъ мозговой коры. Согласно общепринятымъ воззрѣніямъ чувствительныя (sensoriel) зоны распадаются на центры, служащіе исключительно для воспріятія ощущеній (centres sensitifs) и центры памяти (centres mnestiques de Lieppmann). Какъ на факты, говорящіе въ пользу такого дуализма, ссылались на расположеніе волоконъ, придающее однимъ участкамъ характеръ центровъ проэкціонныхъ, другимъ центровъ ассоціаціонныхъ, на различіе въ міэлинизаціи, на различіе въ числѣ и толщинѣ волоконъ глубокихъ слоевъ коры. Но болѣе тщательное изученіе міэлоархитектуры показываетъ, что всѣ эти различія не соотвѣтствуютъ строенію мозговой коры, которая въ дѣствительности распадается на гораздо большее число центровъ, чѣмъ это принималось до настоящаго времени. Предположеніе, что физіологическій процессъ въ центрахъ воспріятія (проэкціонныхъ) сопровождается сознаніемъ, а въ центрахъ ассоціацій является безсознательнымъ—не выдерживаетъ критики, такъ какъ характеръ основныхъ слоевъ вездѣ остается одинъ и тотъ же; самое названіе центра ассоціацій Vogt считаетъ абсурднымъ.

Значительное число кортикальныхъ полей (болѣе 150) заставляетъ предполагать, что наши способности локализированы болѣе элементарнымъ путемъ, чѣмъ это думаютъ въ настоящее время. Наши способности должны быть разбиты на болѣе элементарныя, и такимъ образомъ необходимымъ условіемъ для примѣненія новой системы локализацій является развитіе индивидуальной психологіи, которая расчленила бы основныя психологическія понятія на болѣе простыя.

P. Lévy. Les névroses sont des maladies totales. L'éducation de la volonté, traitement des névroses. Свои взгляды на природу и леченіе неврозовъ Lévy резюмируетъ въ слѣдующихъ положеніяхъ.

1) Неврозы – заболѣванія захватывающія весь организмъ. Имъ можетъ быть дано слѣдующее опредѣленіе: общія заболѣванія (maladies totales), съ локализаціей преимущественно

на нервной системѣ. Изъ функцій нервной системы страдаетъ главнымъ образомъ моральная жизнь, отчасти психическая дѣятельность вообще. Доказательствомъ можетъ служить само развитіе этихъ заболѣваній; среди наиболѣе частыхъ причинъ мы находимъ одну, относимую обыкновенно къ физическимъ —это переутомленіе. и вторую моральнаго характера—это преобладаніе аффективной жизни (émotivité); причины эти обыкновенно комбинируются между собою.

2) Основную причину неврозовъ можно слѣдовательно резюмировать словами: отсутствіе воспитанія. Больные не могутъ противустоять своимъ эмоціямъ вслѣдствіе отсутствія или неправильностей воспитанія; этимъ же обстоятельствомъ обусловлены и ихъ уклоненія отъ правильнаго режима, и то, что они не соразмѣряютъ свою дѣятельность со своими силами. Терапія неврозовъ сводится къ воспитанію физическому, моральному и общественному. Нужно добавить, что оно прежде всего должно носить практическій характеръ и поэтому должно происходить не при условіяхъ изоляціи, а въ обычной обстановкѣ (cure libre).

В. Лихницкій.

Рецензіи.

Prof. Pierre Janet. Les névroses. (Неврозы). Frammarion édit. Paris. p. 397. (Русскій переводъ д-ра С. С. Вермеля подъ редакціей Л. С. Минора).

Небольшой трудъ (небольшой сравнительно съ другими трудами P. Janet) извѣстнаго французскаго психолога, обогатившаго медицинскую литературу многотомными классическими изслѣдованіями по истеріи и созданной имъ, еще не всѣми признанной, болѣзненной формѣ — психастеніи, является весьма цѣннымъ, а главное, доступнымъ по объему пособіемъ для знакомства со взглядами этого высокоталантливаго ученаго. Потребность въ такомъ трудѣ, подводящемъ итогъ многочисленнымъ наблюденіямъ, обнимающимъ болѣе 500 случаевъ, которые были детально изучены и описаны авторомъ въ продолженіе слишкомъ 20 лѣтъ, особенно ощущалась для такого ученаго, какъ P. Janet, произведенія котораго заключаютъ не однѣ тысячи страницъ и являются поэтому не для всѣхъ доступными.

Русскій переводъ этой книги, ясный, точный и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ литературный (о ничтожныхъ неточностяхъ и неясностяхъ, встрѣчающихся въ переводѣ крайне рѣдко, не стоитъ и говорить), надо особенно привѣтствовать въ виду того, что изъ многочисленныхъ трудовъ P. Janet переведены покамѣстъ, кромѣ этой книги, еще только «Неврозы и фиксированныя идеи».

Книга распадается на двѣ части: въ первой авторъ приводитъ отдѣльные симптомы, встрѣчающіеся при двухъ болѣзненныхъ группахъ— истеріи и психастеніи и называемые имъ невропатическими (фиксированныя идеи и навязчивыя состоянія; амнезіи и сомнѣнія; разстройства

рѣчи; хореи и тики; параличи и фобіи; разстройства воспріятія, инстинктовъ и висцеральныхъ функцій); во второй части онъ разсматриваетъ комбинацію этихъ отдѣльныхъ симптомовъ въ опредѣленныхъ невропатическихъ состояніяхъ, къ которымъ онъ относитъ нервные припадки, невропатическіе стигматы. Отдѣльныя главы посвящены разсмотрѣнію душевнаго состоянія при истеріи и психастеніи, а весь трудъ завершаетъ весьма любопытная глава — «что такое неврозъ?», въ которой P. Janet впервые формулируетъ свой общій взглядъ на неврозы.

Черезъ всю книгу красной нитью проходитъ общая мысль о томъ, что двѣ болѣзненныя, съ виду разнородныя группы — истерія и психастенія построены по одной модели (отсюда аналогія вышеприведенныхъ симптомовъ: фиксированныя идеи при истеріи, навязчивыя состоянія при психастеніи; амнезіи, сомнѣнія и т. д.), однако, первая форма отличается подсознательнымъ характеромъ явленій, въ то время какъ при психастеніи симптомы сознаются больнымъ.

Въ основѣ истеріи авторъ видитъ болѣзнь личности, характеризующуюся суженіемъ поля личнаго сознанія и наклонностью психики къ диссоціаціи функцій и расчлененію ея на отдѣльныя самостоятельныя группы, синтезъ которыхъ составляетъ нашу личность.

Вліяніе представленій на возникновеніе истерическихъ разстройствъ, въ особенности же внушенія, авторъ учитываетъ, однако энергично возстаетъ противъ механическаго объясненія истеріи однимъ только внушеніемъ, какъ то дѣлаютъ Bernheim, въ особенности же Babinski. Выставивъ противъ такого пониманія истеріи цѣлый арсеналъ доводовъ и фактовъ, авторъ заключаетъ свою отповѣдь въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Если ближе всмотрѣться въ эту концепцію (резюмированіе истеріи словомъ «внушеніе»), то мы найдемъ тутъ только очень расплывчатыя идеи и банальныя обвиненія противъ больныхъ или врачей, аналогичныя прежнимъ обвиненіямъ въ симуляціи, отрицаніе всѣхъ самопроизвольныхъ фактовъ истеріи, столь многочисленныхъ и, особенно, всего строгаго детерминизма этихъ неврозовъ. Введеніе психологіи въ эту область имѣло бы результатомъ только устраненіе науки и клиники этихъ неврозовъ».

Что касается общихъ чертъ, характеризующихъ психастенію, то въ основѣ разстройствъ этой болѣзненной группы P. Janet видитъ потерю функціи реальнаго, неспособность испытывать точное чувство въ соотвѣтствіи съ даннымъ положеніемъ, иначе говоря, дефекты личной оріентировки, персонификаціи явленій путемъ воспріятія и дѣйствія. Физіологическимъ прототипомъ такого состоянія можно считать такія психологическія явленія, какъ усталость, состояніе сна, эмоцію, которыя сопровождаются пониженіемъ психологическаго напряженія. Чтобы лучше понять сущность такого оригинальнаго воззрѣнія P. Janet, надо знать, что онъ располагаетъ различныя душевныя операціи, смотря по функціямъ, на высшія и низшія: «Самая трудная операція, скорѣе всего и чаще всего исчезающая при всѣхъ депрессіяхъ, это та, важность которой была признана недавно, именно, схватываніе реальности во всѣхъ ея формахъ. Эта операція содержитъ дѣйствія, позволяющія

вліять на внѣшніе предметы, дѣйствія особенно трудныя, когда они соціальны, когда они должны производиться не только въ физической, но и въ соціальной средѣ, въ которую мы помѣщены, дѣйствія, трудность которыхъ увеличивается отъ того, что они должны имѣть въ нашихъ глазахъ характеръ свободы, индивидуальности, обнаруживающій полное приспособленіе акта не только къ внѣшней средѣ, но и къ большей части нашихъ прежнихъ, хорошо координированныхъ стремленій.

Эта первая группа самыхъ высокихъ и трудныхъ операцій заключаетъ въ себѣ и вниманіе, позволяющее намъ воспринимать вещи съ чувствомъ достовѣрности ихъ существованія... Ниже этой первой ступени стоятъ тѣ же операціи, но просто лишенныя всего того, что производитъ ихъ совершенство, т.-е. остроты чувства реальнаго; это — дѣйствія безъ точнаго приспособленія къ новымъ фактамъ, безъ координаціи всѣхъ стремленій индивидуума, смутныя воспріятія безъ чувства достовѣрности настоящаго и власти надъ нимъ: это то, что я часто обозначалъ именемъ безразличныхъ дѣйствій и воспріятій. Вопреки общему мнѣнію, на гораздо низшую ступень надо поставить душевныя операціи, относящіяся къ идеямъ или образамъ, — разсужденія, воображеніе, безполезное представленіе прошлаго, мечтаніе. Еще ниже стоятъ двигательныя возбужденія, плохо приспособленныя, разсматриваемыя, какъ существенный элементъ эмоціи.

Степень психологическаго напряженія или высота душевнаго уровня обнаруживается ступенью, которую занимаютъ въ іерархической лѣстницѣ самыя высокія явленія, доступныя для выполненія субъекта. Функція реальнаго съ дѣйствіемъ и увѣренностью, требующая самаго высокаго напряженія, есть явленіе высокаго напряженія; мечтаніе, двигательное или висцеральное безпокойство можно разсматривать, какъ явленія низкаго напряженія, соотвѣтствующія болѣе низкому душевному уровню.

Послѣ такого введенія слѣдующее опредѣленіе психастеніи P. Janet становится уже вполнѣ понятнымъ: «Психастенія есть форма душевной подавленности, характеризующаяся пониженіемъ психологическаго напряженія, уменьшеніемъ функцій, позволяющихъ воздѣйствовать на реальность и воспринимать реальное и замѣной всего этого низшими и усиленными операціями въ формѣ сомнѣній, безпокойствъ, страховъ, навязчивыхъ идей, выражающихъ предыдущія разстройства и сами представляющихъ тѣ же черты».

Переходя къ главѣ объ общей концепціи неврозовъ, P. Janet ставитъ во главу угла идею измѣненія функцій нервнопсихической сферы: «Въ медицинѣ необходимо мыслить физіологически и всегда имѣть въ виду болѣе функціи, чѣмъ органы, ибо, въ сущности, отъ насъ всегда требуютъ возстановленія функцій. Это особенно важно при невропатическихъ разстройствахъ, которыя поражаютъ функціи, системы процессовъ, а не отдѣльный органъ». Что касается самихъ функцій P. Janet считаетъ необходимымъ различать низшія и высшія части. Функціи, совершающаяся съ давнихъ поръ, какъ, напр., ходьба состоитъ изъ очень древнихъ и легкихъ операцій,

представляемыхъ органами въ высокой степени дифференцировавшимися; это низшія части функціи. Но помимо этого имѣются высшія части функціи, состоящія въ приспособленіи этой функціи къ болѣе свѣжимъ обстоятельствамъ, гораздо менѣе привычнымъ и представленныя гораздо менѣе дифференцировавшимися органами. Если б-ой не ходитъ, потому что сломалъ себѣ ногу, не питается изъ-за рака желудка, мы будемъ имѣть простыя разстройства функцій. «Въ этихъ случаяхъ поражена древняя и простая часть функціи... Но болѣзнь можетъ поразить высшія части функціи, тѣ, которыя находятся еще въ процессѣ организаціи... Нѣкоторые б-ые теряютъ только эту высшую часть функціи питанія, состоящую въ ѣдѣ въ обществѣ при сознаніи того, что дѣлаешь... Эту высшую часть функцій, ихъ приспособленіе къ даннымъ обстоятельствамъ и поражаютъ неврозы». Вмѣстѣ съ эволюціей всего живого, а въ томъ числѣ и человѣка эволюціонируютъ также его функціи: «Каждый человѣкъ эволюціонируетъ въ двухъ направленіяхъ: прежде всего онъ долженъ каждую минуту своей жизни и особенно въ нѣкоторые періоды проявлять индивидуальное развитіе, которое, съ момента рожденія до самой смерти, безпрестанно трансформируетъ его дѣятельность; кромѣ того, онъ безпрестанно участвуетъ въ эволюціи расы, которая быстрѣе, чѣмъ полагаютъ, трансформируется среди безпрерывныхъ модификацій соціальной среды. Такимъ образомъ извѣстная часть всѣхъ человѣческихъ функцій, часть самая возвышенная, всегда находится на пути преобразованія. Явленія воли, или, по крайней мѣрѣ, часть ихъ, воспріятіе дѣйствительности, образованіе вѣрованій, могутъ быть сравнимы только съ явленіями органическаго развитія. Ихъ надо сравнивать не съ механизмами сердца или легкихъ, а съ явленіями, благодаря которымъ зародышъ эволюціонируетъ и трансформируется, создавая не существовавшіе органы. Въ частяхъ, управляющихъ этими актами, мозгъ не только функціонируетъ такъ, какъ сердце, пускающее въ ходъ уже созданный органъ, но и самъ формируется постоянно. До послѣдняго дня жизни мозгъ продолжаетъ эволюцію зародыша, а сознаніе проявляетъ (демонстрируетъ) эту эволюцію. Неврозы — это болѣзни, которыя поражаютъ эту эволюцію, такъ какъ онѣ поражаютъ часть функціи, находящуюся еще въ періодѣ развитія и только ее: неврозы слѣдовало бы причислить къ группѣ болѣзней развитія. Всѣ невропатическія проявленія представляются, какъ разстройства, касающіяся самой высокой части функціи, ея приспособленія въ данный моментъ къ новымъ внѣшнимъ или внутреннимъ обстоятельствамъ. Кромѣ того нетрудно замѣтить, что неврозы возникаютъ почти всегда въ возрастѣ, когда органическая и моральная трансформація наиболѣе всего выражена: они начинаются почти всегда въ періодѣ созрѣванія, ухудшаются въ моментъ брака, при смерти родителей или близкихъ, послѣ всякихъ перемѣнъ въ карьерѣ или положеніи. Другими словами, они обнаруживаются въ моменты, когда индивидуальная и соціальная эволюція становится особенно трудной». Такимъ образомъ: «Неврозы представляютъ собою болѣзни, поражающія различныя функціи организма, характеризующіяся измѣненіемъ высшихъ частей этихъ функцій, остановившихся въ своемъ развитіи, въ своемъ приспособленіи

къ данному моменту, къ данному состоянію внѣшняго міра и индивидуума и характеризующіяся отсутствіемъ разрушенія древнихъ частей этихъ же функцій, которыя могутъ еще очень хорошо совершаться отвлеченнымъ образомъ, независимо отъ данныхъ обстоятельствъ. Въ общемъ неврозы суть разстройства различныхъ функцій организма, характеризующіяся остановкой развитія функцій, но безъ разрушенія самой этой функціи».

Этимъ мы ограничимся въ рецензіи о прекрасной книжкѣ P. Janet, вѣдь говорить о ней можно безъ конца, а лучше всего отослать читателя къ оргиналу, т. к. ничѣмъ замѣнить его нельзя. Со многими положеніями P. Janet можно не соглашаться, обобщенія, касающіяся психастеніи, покамѣстъ все еще спорной нозологической группы, особенно уязвимы, тѣмъ болѣе, что P. Janet недостаточно осторожно обращается съ такими заслуженными клиническими группами, какъ psychosis circularis, dementia praecox и даже систематическій бредъ, находя въ нихъ элементы психастеніи и пытаясь, правда очень неувѣренно, влить нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напр., циркулярный психозъ въ эту болѣзненную форму (психастенію); тѣмъ не менѣе вся книга въ цѣломъ прекрасна, полна содержанія, неустанно будитъ мысль и открываетъ широкіе горизонты, сохраняя въ то же время строгую научность въ группировкѣ фактовъ, анализѣ и выводахъ.

М. Асатіани.

Prof. E. Bleuler. Die Psychoanalyse Freud's. (Психоанализъ Freud'a).

Verteidigung und kritische Bemerkungen. Leipzig und Wien. Franz Deuticke 1911.

Недавно появилась въ печати отдѣльной книжкой работа Prof. Bleuler'a въ Цюрихѣ «Психоанализъ Freud'a. Защита его и критическія замѣчанія», ранѣе напечатанная въ Jahrbuch für Psychoanalytische und Psychopathologische Forschungen. Band. II. Брошюра написана умно и интересно и гораздо доступнѣе болѣе широкому кругу читателей, чѣмъ Jahrbuch. Появленіе этой брошюры можно горячо привѣтствовать, такъ какъ въ ней мы не только знакомимся со взглядомъ такого виднаго и опытнаго ученаго, какъ Prof. Bleuler, но она учитъ насъ чистой полемикѣ, свободной отъ невыносимыхъ враждебныхъ нападокъ, какими особенно ревностно осыпается ученіе Freud'a. Авторъ защищаетъ основу ученія Freud'a, не отрицая ошибокъ и скороспѣлыхъ выводовъ его учениковъ. Цѣль, съ какой была написана книга— доказать, что теорія Freud'a заслуживаетъ самаго серьезнаго изученія. Что касается нападокъ на Freud'a за преобладающее мѣсто, которое предоставляется имъ сексуальности, то не надо забывать, что сексуальность является въ сущности почти единственнымъ могучимъ инстинктомъ, оставшимся у насъ. Борьба съ нимъ, необходимая въ нашемъ культурномъ обществѣ, не подъ силу всѣмъ людямъ, поэтому онъ и представляетъ то слабое мѣсто нашей психики, которое создаетъ внутренніе и внѣшніе конфликты. Относительно терапевтическаго примѣненія психоанализа ав-

торъ совѣтуетъ осторожность, въ виду того, что здѣсь слишкомъ многое зависитъ отъ индивидуальныхъ особенностей.

Prof. Bleuler въ главныхъ чертахъ слѣд. образомъ резюмируетъ свою книгу: «почти нѣтъ нападокъ на ученіе Freud'a, которыя были-бы направлены на основу его ученія; большинство изъ нихъ покоится на теоретическомъ и практическомъ незнаніи глубинъ психологіи. Нападки на терапію ограничиваются совершенно ненаучно этическими мотивами. Большая-же часть, можно сказать существеннѣйшая часть, ученія Freud'a основывается на фактахъ. Многое, что удивляетъ въ теоріи Freud'a далеко не ново и представлено только въ иныхъ соотношеніяхъ. Если мы мало знакомы съ аффективной дѣятельностью нашей души, то Freud'овскій механизмъ кажется намъ апріорнымъ, можно только спросить каково его значеніе въ дѣйствительности. Остальная часть психологіи Freud'a является не безсмыслицей, но спорными гипотезами. То, что въ небольшой школѣ Freud'a имѣются проблематичные выводы, нѣсколько скороспѣлыя сужденія, или-же просто ошибки, то въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Было-бы странно, если-бы въ этой громадной, необработанной области, при всей сложности нашей психики, не было ложныхъ выводовъ, встрѣчающихся во всѣхъ другихъ областяхъ».

Въ заключеніе замѣтимъ, что книга написана такъ умно и талантливо, что чтеніе ея доставляетъ истинное удовольствіе.

Д-ръ Марія Кобылинская (Генуя).

Prof. Dubois „О психотерапіи".

Изданіе Психотерапевтической библіотеки, подъ редакціей д-ровъ Н. Е. Осипова и О. Б. Фельцмана. В. II. Авторизованный переводъ. Съ портретомъ автора М. 1911. Стр. 131.

Имя проф. Dubois, его теоретическія воззрѣнія и оригинальная система психическаго леченія хорошо извѣстны всѣмъ интересующимся вопросами психотерапіи, и въ настоящее время мы лишь хотѣли-бы воспользоваться случаемъ появленія названной работы Dubois въ русскомъ переводѣ, чтобы пересмотрѣть главныя линіи его ученія какъ въ теоретическомъ, такъ и практическомъ отношеніи.

Планъ его работы опредѣляется слѣдующими пятью вопросами: 1. Что называемъ мы „душой"? 2. Какія явленія должны быть названы психическими и психогенными? 3. Къ какимъ болѣзненнымъ состояніямъ приложимы эти эпитеты? 4. Должно-ли при этихъ болѣзняхъ лечить душу или тѣло? 5. Каковы цѣли и пути психотерапіи?

Отъ попытокъ опредѣленія сущности „души" слѣдуетъ совершенно отказаться, какъ бы не казалось необходимымъ предпослать всѣмъ нашимъ планамъ психическаго воздѣйствія установленіе этого понятія. Въ этой области мы находимся въ томъ-же положеніи, какъ въ остальныхъ отдѣлахъ естественно-научнаго значія. Незнаніе сущности электричества, земного притяженія и т. п., однако, не мѣшаетъ намъ пользоваться всѣми выводами, проистекающими изъ наблюдаемыхъ нами явленій, устанавливать законы, разрѣшающіе намъ весьма сложныя проблемы мірозданія и т. д. Точно также можетъ дѣйствовать и психотерапія, базируя свою систему на наблюдаемыхъ проявленіяхъ „души".

«Одно изъ основныхъ явленій психическаго механизма—„сознаніе“ остается до сихъ поръ непостигнутымъ въ наукѣ. Мы можемъ, конечно, себѣ представить, какъ раздраженіе на периферіи вызываетъ двигательную волну; мы можемъ прослѣдить ее по ходу нервныхъ стволовъ и опредѣлить время, черезъ которое она доходитъ до мозга. Нетрудно предположить, что это движеніе передается гангліознымъ клѣткамъ коры, приводитъ ихъ въ колебаніе и вызываетъ въ клѣткахъ физико-химическія измѣненія. Мы можемъ также видѣть нашимъ духовнымъ окомъ многочисленныя интерференціи этихъ волнъ съ другими волнами, исходящими изъ различныхъ органовъ чувствъ или возникающими въ самыхъ центрахъ. Но всетаки остается загадочнымъ это духовное око, т. е. превращеніе матеріальнаго раздраженія въ психологическое воспріятіе и даже не какъ сознаніе существующей механической вибраціи, а какъ представленіе, какъ образъ, видимый нашимъ ощущающимъ „я“». «Еслибы мы должны были, говоритъ Dubois, ждать пока этотъ вопросъ будетъ разрѣшенъ, то намъ пришлось-бы оставить всякую надежду на возможность практическаго примѣненія психотерапіи».

«Проблема должна рѣшаться не метафизически, на основаніи апріорныхъ положеній, основанныхъ на вѣрѣ, а чисто физически, какъ „механика душевной жизни“ (Verworn). На этомъ сходятся мнѣнія не только приверженцевъ матеріалистическаго монизма; къ этимъ заключеніямъ приходятъ и спиритуалисты и даже теологи; и они признаютъ, что научная психологія должна удовлетворяться наблюденіемъ явленій и установленіемъ законовъ для психическихъ процессовъ».

Психическая жизнь, какъ вообще вся жизнь, есть реакція. „Мозгъ нашъ реагируетъ, выражаясь физіологически, тѣмъ, что тамъ происходятъ процессы въ гангліозныхъ клѣткахъ и волокнахъ и, выражаясь психологически, тѣмъ, что ощущаетъ наше «я». А это ощущеніе есть представленіе, духовный образъ, идея“.

Представленіе составляетъ первичное явленіе всякаго психическаго процесса. Синонимами его будутъ образъ міра (Weltbild), мысль, идея и т. д. Дѣятельность души, однако, не ограничивается только чистыми представленіями, но большинство воспринятыхъ нами образовъ оцѣнивается нашимъ «я» и сопровождается пріятнымъ или непріятнымъ чувственнымъ токомъ. „Чувство—это не что другое, какъ представленіе, окрашенное чувственнымъ токомъ; оно приняло эмоціональный характеръ и влечетъ непосредственно къ поступку. Чувство это уже начатый поступокъ, даже въ томъ случаѣ, если наше «я», вслѣдствіе отсутствія у насъ болѣе остраго въ извѣстной степени рефлектирующаго сознанія, этого еще не замѣчаетъ. Слово «эмоція» указываетъ на это дѣйствіе чувства; оно происходитъ отъ emovere, movere, что значитъ приводить въ движеніе. Отсюда происходятъ наши невольные, часто не сознаваемые жесты, мимика, которые выдаютъ наши чувства; наши безчисленныя движенія, которыя мы производимъ, и которыя даютъ намъ объясненіе явленій столоверченія, чтенія мыслей и т. п.

Представленія не всегда и не въ одинаковой степени бываютъ окрашены чувственнымъ тономъ. При созерцаніи, напр., безразличныхъ предметовъ, при чтеніи отвлеченной статьи, при научной работѣ, возникающія представленія могутъ оставаться холодными, лишенными эмоціональной окраски.

«Окрашиваются наши представленія чувственнымъ тономъ только тогда, когда затрогиваются наши матеріальные и этическіе интересы. Инстинктъ самосохраненія въ широкомъ смыслѣ этого слова обусловливаетъ это превращеніе и ведетъ къ появленію чувства съ легіономъ сопутствующихъ ему физіологическихъ явленій и съ его слѣдствіемъ— поступками. Такимъ образомъ, человѣка приводитъ въ движеніе одна пружина—чувство».

Какъ ни разнообразны, однако, чувства, переживаемыя человѣкомъ, они могутъ быть сведены „на два основныхъ чувства: чувство пріятнаго и непріятнаго, которыя вызываютъ два движенія: желаніе и страхъ. Первое есть движеніе впередъ къ достиженію желаемаго, послѣднее удерживаетъ человѣка или обращаетъ въ бѣгство. Это можно еще болѣе упростить и сказать: у человѣка есть только одна причина для поступковъ—желаніе, положительное, чтобы что нибудь произошло, и отрицательное, чтобы чего-нибудь не произошло".

Для хода дальнѣйшихъ разсужденій необходимо установленіе понятій— психическаго и психогеннаго.

«Психическими будутъ всѣ субъективныя воспріятія мыслящаго и чувствующаго «я». Сюда относятся представленія сами по себѣ, начиная съ простѣйшихъ ощущеній и кончая сложными комплексами идей и чувства, которые возникаютъ тогда, когда затрагиваются наши интересы.

Соматическими, но психогенными будутъ всѣ физіологическія разстройства, которыя выдаютъ нашу эмоцію (мимика, жесты, сердцебіеніе, сосудодвигательныя разстройства, выдѣленіе железъ, дрожаніе и т. д.).

Соматическими и тоже психогенными будутъ наши поступки, когда они не являются простыми рефлексами, возможными и въ безсознательномъ состояніи».

«Названіемъ психическихъ, говоритъ Dubois, я ограничилъ бы тѣ состоянія духа и настроенія, которыя могутъ быть только субъективными. И, наоборотъ, соматическими я называю явленія, доступныя объективному наблюденію».

Вся сложность проявленій психической жизни человѣка можетъ быть сведена къ тремъ основнымъ явленіямъ:

1. Представленіе—чисто интеллектуальное явленіе, даже когда оно ограничивается только однимъ субъективнымъ воспріятіемъ ощущенія.

2. Чувство, при которомъ представленіе окрашивается эмоціональнымъ процессомъ, когда выступаетъ на первый планъ инстинктъ самосохраненія въ широкомъ смыслѣ слова. При этомъ выступаютъ болѣе или менѣе интенсивно физіологическія явленія эмоціи.

3. Поступокъ, который слѣдуетъ за чувствами, какъ тѣнь за предметомъ. При этомъ слово воля (въ житейскомъ смыслѣ) отпадаетъ и подъ этимъ должно разумѣть конечное желаніе, которое ведетъ къ дѣйствію, если ничто не мѣшаетъ его осуществленію.

Выраженія: интеллигентность, разумъ, разсудокъ, сужденіе и т. д. означаютъ не опредѣленныя способности нашей души, какъ нематеріальной субстанціи, а въ совершенно абстрактной формѣ загадочные еще процессы, которымъ мы обязаны тѣмъ, что понимаемъ, сравнимаемъ, дѣлаемъ выводы, короче говоря, мыслимъ.

«Благосостояніе каждаго человѣка находится въ зависимости отъ

правильной игры этихъ психилогическихъ функцій, отъ чувствующей и мыслящей основы этого человѣка. Каждый человѣкъ имѣетъ свою личность, и въ развитіи этой личности принимаютъ участіе только два фактора: наслѣдственность и воспитаніе, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова.

Роль наслѣдственнаго въ передачѣ психическихъ особенностей Dubois считаетъ переоцѣненной. Онъ думаетъ, что «психической наслѣдственности, въ истинномъ смыслѣ слова, быть не можетъ». Представленія, идеи, чувства и т. д. наслѣдственными быть не могутъ. Передаются по наслѣдству только матеріальныя основы психической жизни. Вслѣдствіе этого наша нервная система получаетъ способность опредѣленнымъ образомъ болѣе или менѣе хорошо воспринимать извѣстныя раздраженія и реагировать на нихъ тѣмъ или другимъ чувственнымъ тономъ. Этимъ дается только опредѣленное направленіе развитію всей нашей личности. И при благопріятныхъ обстоятельствахъ «личность можетъ хорошо развиться, какъ бы ни былъ обиженъ человѣкъ природою».

Признавая всю важность первичной наслѣдственной основы, Dubois придаетъ особенное значеніе воспитанію, подъ вліяніемъ котораго мы находимся съ момента рожденія. Въ этомъ смыслѣ на нее вліяютъ не только чисто воспитательные пріемы, но вся среда, въ которой мы живемъ, общество со всѣми его традиціями, предразсудками, обычаями и т. д. «Для образованія характера оказывается гораздо важнѣе психическая зараза, чѣмъ унаслѣдованіе формы черепа». Подтвержденіе этимъ мыслямъ мы находимъ и въ психологіи народовъ. Въ Европѣ отдѣльныя расы, благодаря смѣшенію, почти исчезли. Отличить другъ отъ друга римскій, гальскій и германскій типъ было-бы трудно. Однако-же отдѣльныя народности, итальянцы, французы и нѣмцы, рѣзко отличаются между собою по воспитанной въ нихъ манерѣ чувствованія и мышленія. Но при этомъ оказывается, что при эмиграціи въ чужую страну слѣдующее поколѣніе эмигрировавшихъ измѣняетъ свой индивидуальный характеръ и совершенно приспособляется къ новой средѣ.

Большое значеніе имѣетъ воспитаніе и при прирожденной психопатической конституціи. «Только воспитаніемъ мы можемъ смягчить это печальное неравенство и достичь медленнаго, но всегда прогрессирующаго развитія. Это воспитаніе имѣетъ цѣлью привести человѣка къ умѣнію жить, къ цѣлесообразнымъ поступкамъ».

Здѣсь, въ этой системѣ воспитанія и перевоспитанія, въ широкомъ смыслѣ слова, и лежитъ ядро раціональной психотерапіи, созданной Dubois.

«Мы можемъ, продолжаетъ Dubois, непосредственно, нашимъ авторитетомъ оказывать вліяніе на поступки, запрещая дурные и поощряя хорошіе. Этимъ средствомъ широко пользовались уже родители, воспитатели, церковь и государство. Но не будемъ увлекаться быстрыми успѣхами подобныхъ методовъ; они унижаютъ человѣчество.

Есть только одно раціональное средство вліять на поступки, бороться съ дурными и поощрять хорошіе—это культивированіе сердечности, благородныхъ чувствъ; но такъ какъ чувства суть только представленія, окрашенныя чувственнымъ тономъ, то не остается ничего другого, какъ подвергать представленія постоянной критикѣ разума.

Этого можно достигнуть только діалектикой, которая старается

доказать справедливость и цѣлесообразность этическихъ воззрѣній для блага отдѣльныхъ лицъ и всего человѣчества. Вопреки всѣмъ возраженіямъ со стороны нѣкоторыхъ психологовъ, большинства литераторовъ и безчисленнаго количества людей, выдающихъ себя за «людей чувства» и рѣзко отграничивающихъ чувство отъ интеллекта, побѣждаетъ всегда только разумъ. Сократовская идея стоитъ во главѣ міра; все имѣетъ свое опредѣленное основаніе, и благо наше зависитъ отъ правильной оцѣнки образовъ міра. Изъ всѣхъ чувственныхъ воспріятій, изъ всѣхъ представленій наша душа устраиваетъ синтезъ, чтобы получить ясную и полную картину дѣйствительности. Это—работа довольно трудная. Большинство людей думаетъ слишкомъ мало, и отсюда получаются неудачи въ жизни чувства и поступкахъ. Даже наиболѣе одаренному человѣку трудно „наводить на фокусъ", чтобы видѣть все съ достаточною ясностью и сообразно съ этимъ правильно дѣйствовать. Того, кто бы могъ это всегда дѣлать, мы должны были бы назвать Богомъ; человѣкъ можетъ только стремиться къ тому, чтобы приблизиться къ этой цѣли, и мы хорошо знаемъ, какъ мало это ему удается".

До сихъ поръ физическимъ вліяніямъ и соматическому состоянію придается слишкомъ большое значеніе, но „духъ нашъ всетаки можетъ сопротивляться и въ извѣстной степени бороться съ этими вліяніями. И здѣсь очень многое зависитъ отъ личности (духовной), отъ запаса ободряющихъ воззрѣній, пріобрѣтенныхъ воспитаніемъ".

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Хроника.

— Первый Съѣздъ русскаго союза психіатровъ и невропатологовъ, созываемый въ память С. С. Корсакова въ Москвѣ съ 4 по 11 Сентября.

Занятія Съѣзда предполагается расположить слѣдующимъ образомъ.

3-го сентября въ 8 час. вечера состоится обычная товарищеская встрѣча (въ помѣщеніи Литературно-художествен. кружка, Б. Дмитровка, д. Востряковыхъ).

4-го сентября съ 9½ ч. до 1 ч. дня—распорядительное засѣданіе Съѣзда (въ помѣщеніи Городского университета имени Шанявскаго, Волхонка, 14). Въ 1½ час. дня первое общее публичное засѣданіе Съѣзда (въ Большой аудиторіи Политехническаго музея, Лубянская площадь). Засѣданіе откроется привѣтственною рѣчью предсѣдателя комисіи по созыву Съѣзда В. К. Рота. Послѣ него будетъ говорить В. П. Сербскій о значеніи покойнаго проф. С. С. Корсакова, имя котораго носитъ настоящій, первый, Съѣздъ союза, и вообще съѣзды союза, устраиваемые въ Москвѣ.

Затѣмъ, будутъ оглашены имена лицъ, выбранныхъ въ комитетъ Съѣзда, послѣ чего послѣдуютъ двѣ рѣчи. Рѣчи обѣщали прочитать академикъ В. М. Бехтеревъ, проф. И. А. Сикорскій, пр.-доц. Б. С. Грейденбергъ („Психологическія основы нервно-психической терапіи") и д-ръ

П. П. Кащенко („Ближайшія задачи въ дѣлѣ призрѣнія душевно-больныхъ“).

Съ слѣдующаго дня начнутся дѣловыя засѣданія Съѣзда и будутъ происходить три раза въ день: отъ 9½ до 1 час. дня, отъ 3 до 6 час. веч. и отъ 8 до 11 час. веч

5-го сентября всѣ три засѣданія будутъ заняты докладами и сообщеніями на первую программную тему: „Законодательство о душевно-больныхъ“.

6-го сентября, отъ 9½ до 1 ч. дня—неврологическое засѣданіе съ непрограммными темами и въ тѣ-же часы, для психіатровъ, осмотръ московскаго деревенскаго патронажа при Алексѣевской больницѣ. Отъ 3 до 8 ч. веч. засѣданіе въ Алексѣевской больницѣ (на Канатчиковой дачѣ) по вопросамъ на вторую программную тему: „Объ организаціи призрѣнія душевно-больныхъ“.

7-го сентября всѣ три засѣданія будутъ заняты докладами и сообщеніями также на вторую программную тему.

8-го сентября—отъ 9½ до 1 ч. дня засѣданіе будетъ происходить въ клиникѣ нервныхъ болѣзней высш. женск. курсовъ при Коронаціонномъ убѣжищѣ. Предметомъ обсужденія будетъ третья программная тема: „О клинической картинѣ и топической діагностикѣ разстройствъ психической сферы, вызываемыхъ ограниченными фокусами въ головномъ мозгу (афазія, агнозія, апраксія и проч.“). Затѣмъ, послѣдуетъ докладъ Л. С. Минора „Къ клиникѣ суставныхъ пораженій при хроническихъ гемиплегіяхъ“ (клиническая демонстрація), и осмотръ Коронаціоннаго убѣжища. Отъ 3 до 7 час. веч. осмотръ Преображенской больницы и тамъ-же засѣданіе, посвященное тѣмъ сообщеніямъ на вторую программную тему, которыя останутся еще не разсмотрѣнными.

9-го сентября, отъ 9½ до 1 ч. дня—доклады на четвертую программную тему: „Леченіе сифилиса и метасифилиса нервной системы“.

Затѣмъ, въ виду многочисленности сообщеній на непрограммныя темы и недостатка времени, Съѣздъ раздѣлится на двѣ секціи—психіатрическую и невропатологическую, которыя и займутся каждая своими сообщеніями, отъ 3 до 6 час. веч. Съ 8 до 11 час. веч. будутъ работать комиссіи.

10-го сентября, отъ 9½ до 1 час. дня засѣданія обѣихъ названныхъ секцій отдѣльно, разсмотрѣніе сообщеній на непрограммныя темы. Отъ 3 до 6 ч. веч. распорядительное засѣданіе союза, обсужденіе вопросовъ организаціоннаго характера.

11-го сентября, отъ 9½ до 1 час. дня засѣданія обѣихъ секцій отдѣльно, разсмотрѣніе сообщеній на непрограммныя темы. Отъ 3 до 6 час. веч. распорядительное засѣданіе Съѣзда. Съ 8 до 11 ч заключительное общее, публичное, засѣданіе: рѣчь предсѣдателя Съѣзда, и двѣ рѣчи указанныхъ выше лицъ. Оглашеніе резолюцій Съѣзда.

Въ одномъ изъ засѣданій Съѣзда предполагается разсмотрѣть докладъ В. Н. Ергольскаго, составленный по порученію Комиссіи по созыву Съѣзда, о практическихъ задачахъ союза.

Этотъ докладъ былъ заслушанъ въ засѣданіи Комиссіи 23 іюля. Главныя линіи, по которымъ В. Н. Ергольскій намѣчаетъ развитіе дѣятель-

ности союза, слѣдующія: 1. Организація постояннаго справочнаго бюро, гдѣ сосредоточивались-бы всѣ текущія свѣдѣнія относительно психіатрическихъ учрежденій; 2. Организація статистическаго бюро для собиранія и разработки статистическаго матеріала, относящагося къ дѣлу призрѣнія душевно-больныхъ въ Россіи; 3. Изданіе собственнаго повременнаго органа союза; 4. Организація «Комиссіи для посредничества въ спорахъ и разногласіяхъ», т. е. органа съ судебными функціями; 5. Организація кассы взаимопомощи съ принципомъ страхованія, особенно группового страхованія; и 6. Организація періодическихъ повторительныхъ курсовъ въ главныхъ университетскихъ центрахъ.

Заслушавъ докладъ В. Н. Ергольскаго, комисія признала желательнымъ внести его на обсужденіе съѣзда въ видѣ матеріала къ вопросу о томъ, въ какихъ формахъ могла-бы выразиться практическая дѣятельность союза. При этомъ члены комиссіи въ виду краткости имѣющагося въ распоряженіи времени не сочли возможнымъ сейчасъ-же высказаться по существу поставленныхъ вопросовъ, что будетъ сдѣлано во время обсужденія доклада.

Докладъ В. Н. Ергольскаго будетъ представленъ вниманію членовъ съѣзда въ отпечатанномъ видѣ.

Въ связи съ этимъ общимъ докладомъ предполагается разсмотрѣніе доклада Б. С. Грейденберга «О необходимости изданія періодическаго органа „Вѣстникъ Русскаго Союза психіатровъ и невропатологовъ“», и сообщенія П. П. Кащенко — «Объ учрежденіи особаго статистическаго бюро, которое собирало бы и обрабатывало статистическій матеріалъ по призрѣнію душевно-больныхъ въ Россіи».

Осмотры загородныхъ психіатрическихъ лечебницъ и санаторіевъ для нервно-больныхъ, въ виду недостатка времени, предполагается организовать въ ближайшіе дни тотчасъ по закрытіи съѣзда.

Предметомъ занятій Съѣзда будутъ слѣдующіе вопросы:

Программныя темы.

I. Законодательство о душевно-больныхъ.

1. Н. Н. Баженовъ. Проектъ законодательства о душевно-больныхъ.

2. Н. А. Вырубовъ. Законодательство о душено-больныхъ преступникахъ.

3. А. Н. Бернштейнъ. О критеріяхъ душевнаго разстройства.

4. Б. С. Грейденбергъ. Открытые вопросы судебно-психіатрической экспертизы: 1) Къ порядку освидѣтельствованія въ распорядительномъ засѣданіи окружного суда. 2) Объ изслѣдованіи помѣщаемыхъ въ психіатрическія больницы на испытаніе въ состояніи умственныхъ способностей.

5. С. Л. Цетлинъ. О симуляціи.

6. М. Ю. Лахтинъ. Душевно-больные передъ судомъ московскаго правительства въ XVII в.

7. П. П. Тутышкинъ. Жизненные вопросы судебно-психіатрической экспертизы, выдвигаемые казуистикой при современныхъ русскихъ условіяхъ.

II. Объ организаціи призрѣнія душевно-больныхъ.

1. П. П. Кащенко. О схемѣ городской или областной организаціи.

2. П. П. Кащенко. О результатахъ двухъ переписей о душевнобольныхъ въ Петербургской губ. 1895 г. и 1908 г.

3. В. М. Гаккебушъ. Общественныя психіатрическія больницы и криминальные больные.

4. Е. К. Іогансонъ. О переполненіи психіатрическихъ больницъ.

5. И. С. Германъ. Женскій персоналъ въ мужскихъ отдѣленіяхъ Орловской психіатрической больницы.

6. Б. Н. Шнаубертъ (гражд. инжен.) Земскія психіатрическія колоніи въ практическомъ ихъ исполненіи (съ демонстраціями плановъ, фотографій и таблицъ).

7. П. П. Бруханскій. Итоги 8-милѣтней дѣятельности Московскаго городского патронажа.

8. Л. А. Прозоровъ. Значеніе патронажной системы въ дѣлѣ призрѣнія и леченія душевно-больныхъ (по даннымъ г. Москвы).

9. С. С. Ступинъ. Итоги десятилѣтія Московскаго деревенскаго патронажа.

10. С. С. Ступинъ. Патронажъ, какъ мѣра эвакуаціи.

11. М. П. Глинка и П. П. Кащенко. О формахъ отчетности въ психіатрическихъ больницахъ.

12. Конференція врачей Харьковской больницы. Проектъ формы отчетности психіатрическихъ больницъ.

13. А. Д. Кацовскій. Демократическое земство и уставъ психіатрическихъ учрежденій.

14. Н. А. Вырубовъ и С. С. Сергіевскій. Основныя положенія къ уставу психіатрическихъ больницъ.

15. П. П. Тутышкинъ. «Отъ слова къ дѣлу»—въ порядкѣ управленія психіатрическими учрежденіями.

16. Г. Я. Трошинъ. Ненормальныя дѣти начальной школы.

17. П. П. Тутышкинъ. Современные вопросы педагогической психологіи и психіатріи.

18. О. Б. Фельцманъ. Психіатрическое наблюденіе за вспомогательными классами.

19. Е. Н. Довбня. Мидико-стастистическая отчетность русскихъ психіатрическихъ учрежденій.

III. О клинической картинѣ и топической діагностикѣ разстройствъ психической сферы, вызываемыхъ ограниченными фокусами въ головномъ мозгу (афазія, агнозія, параксія и проч.).

1. В. А. Гиляровскій. О разстройствахъ памяти при нѣкоторыхъ фокусныхъ пораженіяхъ мозга.

2. М. Б. Кроль. Къ клиникѣ и топической діагностикѣ афазическихъ и апраксическихъ разстройствъ.

3. П. П. Тутышкинъ. Схема локализаціи психическихъ функцій и дифференціальный діагнозъ психическихъ разстройствъ, возникающихъ на почвѣ очаговыхъ заболѣваній головного мозга.

4. В. К. Хорошко. О разстройствахъ психики при пораженіи лобныхъ долей мозга.

5. И. М. Кронъ. Къ патологіи правой височной доли.

6. С. Н. Давиденковъ. О происхожденіи эхолаліи и Haftenbleiben.

IV. Леченіе сифилиса и метасифилиса нервной системы.

1. И. А. Бродскій. Что пріобрѣла терапія центральной нервной системы въ препаратѣ Эрлиха «сальварсанѣ»?

2. М. А. Захарченко. Леченіе пораженій нервной системы сальварсаномъ.

3. Е. Л. Ключевъ. О современномъ леченіи прогрессивнаго паралича помѣшанныхъ.

4. П. П. Тутышкинъ. Комбинированный методъ леченія метасифилиса нервной системы—ртутно-іодисто-мышьяковая и одновременно физическая терапія—«реакціонное» леченіе агентами механо-электро-гидротерапіи.

5. Н. А. Юрманъ. Леченіе прогрессивнаго паралича впрыскиваніями natrii nucleinici.

Непрограммныя.

1. Н. Е. Снѣсаревъ. Къ вопросу о патологическомъ разрастаніи соединительной ткани въ мозгу (съ демонстраціей препаратовъ).

2. М. П. Кутанинъ. Демонстрація микроскопическихъ препаратовъ Hypothalami.

3. М. С. Маргулисъ. Объ измѣненіяхъ эпендимы въ головномъ мозгу.

4. М. П. Кутанинъ. Современное состояніе химіи мозга.

5. Е. М. Сосновская. О вліяніи щитовидной железы на эпилептическіе припадки.

6. В. К. Хорошко. Опыты съ введеніемъ нервной ткани въ животный организмъ.

7. Л. С. Миноръ. Къ клиникѣ суставныхъ пораженій при хроническихъ гемиплегіяхъ.

8. А. А. Бутенко. О нѣкоторыхъ особенностяхъ въ состояніи рефлексовъ при прогрессивномъ параличѣ.

9. А. А. Бутенко. О психическихъ заболѣваніяхъ, развивающихся послѣ рожи.

10. Б. И. Воротынскій. По вопросу о dementia praecox,

10. А. Л. Любушинъ. О природѣ dementiae praecocis.

11. Ю. В. Каннабихъ. О циклотиміи.

12. В. И. Семидаловъ. Изъ области маніакально-депрессивныхъ состояній.

13. Ю. В. Каннабихъ. Ученіе о психастеніи.

14. Н. И. Скляръ. О сущности истеріи.

15. Т. И. Юдинъ. О взаимоотношеніи психозовъ, встрѣчающихся въ одной и той-же семьѣ.

16. Е. Н. Довбня. Ассоціативный экспериментъ у душевно-здоровыхъ.

17. Н. Е. Осиповъ. Объ ассоціативномъ экспериментѣ.

18. Н. Е. Осиповъ. О пансексуализмѣ Freud'a.

19. А. Г. Розенель. Критика гипнотизма и его терапевтическаго значенія.

20. Н. В. Краинскій. Энергетика психофизіологическихъ процессовъ.

21. Н. В. Краинскій. Вопросы электростатической индукціи живого организма.

22. П. Б. Хавкинъ. Къ вопросу объ измѣненіяхъ нервной системы при легочной чумѣ.

23. В. П. Дзержинскій. Насильственныя движенія, какъ симптомъ polyencephalomyelitis.

Бюро съѣзда съ 1 сентября будетъ находиться въ помѣщеніи Городского Университета имени Шанявскаго (Волхонка, д. 14), гдѣ будутъ происходить и очередныя засѣданія съѣзда.

До 1 сентября со справками и заявленіями просятъ обращаться къ секретарю Исполнительнаго комитета Н. А. Вырубову (Тверская, 68).

— Ученый секретарь Психоневрологическаго института проф. А. В. Герверъ любезно прислалъ намъ слѣдующія извѣщенія отъ института:

«Въ настоящее время въ С.-Петербургскомъ Психоневрологическомъ институтѣ закончился учебный годъ и открытъ пріемъ прошеній для лицъ, желающихъ поступить въ число студентовъ института. Пріемъ прошеній продолжится до 1-го сентября. Принимаются лица обоего пола, окончившія курсъ среднихъ или высшихъ учебныхъ заведеній.

Съ наступающаго учебнаго года при институтѣ открывается медицинскій факультетъ. Кромѣ того, помимо общеобразовательнаго факультета, въ институтѣ будутъ читаться лекціи на Естественно-историческомъ, Словесно-историческомъ и Юридическомъ факультетахъ.

Плата за слушаніе лекцій—100 рублей въ годъ. Въ теченіе лѣта институтъ переводится въ собственныя зданія, построенныя на Высочайше пожалованной институту землѣ въ мѣстности, расположенной около Александро-Невской Лавры.

Совѣтомъ института постановлено принять на 1-й курсъ 800 слушателей».

Въ Психоневрологическомъ институтѣ вакантна должность ассистента и прозектора при кафедрѣ нормальной анатоміи.

Врачей, желающихъ занять указанную должность, просятъ направлять заявленія съ curriculum vitae въ канцелярію Психоневрологическаго института (СПБ. Невскій, 104).

Редакторъ-издатель Н. А. Вырубовъ.

Типографія Окружнаго Штаба. Москва. Остоженка, д. Воен. Вѣд.

Н. А. ВЫРУБОВЪ.

Психотерапевтическія задачи санаторія для нервно-больныхъ.

Складъ изданія въ редакціи журнала „Психотерапія".

Цѣна 25 к.

Книги и оттиски, поступившіе въ редакцію.

José Ingegnieros. 1. Instituto de criminalogia fundado en 1907. 2. Las bases del derecho penal. 3. El delito y la pena ante filosofia biologica. 4. La criminologia. 5. La evolucion de la antropologia criminal. 6. La defensa social. 7. Clasification de los delinguentes segun supsicopatologia. 8. Sistema penitenciario. 9. Logura, sumulacion y criminali dad. 10. El envenenador castruccio.

Э. В. Эриксонъ, д-ръ мед. Психическія разстройства у животныхъ.

В. П. Осиповъ, проф. Къ леченію воспаленій сѣдалищнаго нерва (ischias) впрыскиваніями охлажденнаго солеваго раствора. Отд. от. изъ «Русск. врача», № 14, 1911.

С. А. Сухановъ, прив.-доц. О резонирующемъ психо-нейрозѣ (Psychonévrose raisonante, logopathia), какъ патологической единицѣ. Отд. от. изъ «Русск. врача», № 45, 1910.

П. П. Кащенко. Краткій очеркъ по переписи душевно-больныхъ въ С.-Петербургской губерніи.

Г. Д. Неткачевъ, д-ръ мед. 1. Заиканіе. Его сущность, причины, происхожденіе, предупрежденіе и леченіе въ дѣтскомъ возрастѣ и у взрослыхъ. М. 1909. 2. Eine neue psychologische Behandlungsmethode des Stotterns. М. 1909. 3. Новый психологическій способъ леченія заиканія и его противники. 1911.

А. А. Пѣвницкій, д-ръ мед. Психотерапевтическія школы Запада по личнымъ впечатлѣніямъ. Отд. от. изъ «Обозрѣнія Психіатріи», № 2, 1911.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на новый ежемѣсячный журналъ

РАЦІОНАЛЬНАГО ВОСПИТАНІЯ

„СЕМЕЙНОЕ ВОСПИТАНІЕ"

подъ редакціей женщины-врача А. Дерновой-Ярмоленко.

Слѣдующія лица изъявили согласіе принимать участіе въ журналѣ: В. Анисимовъ, Академ. В. М. Бехтеревъ, д-ръ философіи М. В. Безобразова, В. А. Дернова, В. А. Волковичъ, Э. Вишневская, П. А. Голубевъ, М. М. Гурьяновъ, А. С. Гибшъ, М. П. Граціанова, А. С Грибоѣдовъ, В. Гартьеръ, Г. И. Гордонъ, В. Ф. Долгополова, Н. И. Долгополовъ, Л. В. Ергина, И. А. Захарова, Прив.-доц. Моск. У-та А. А. Кисель, О. А. Клодницкая, М. Калмыкова, Прив.-доц. Моск. у-та Н. А. Кабановъ, Е. І. Лозинскій, О. В. Миллеръ, Е. П. Нагулевичъ, Колосова, Невольникъ, А. Н. Пѣшкова-Толивѣрова, Е. Е. Соловьева. Проф. Каз. У-та В. П. Осиповъ, В. Н. Осипова, М. И. Суллима, Е. И. Тихѣева, Н. А. Шишло, О А. Шишло, М. Д. Шевелева, Прив.-доц. Моск. У-та А. Н. Филипповъ, А. Л. Щегловъ, А. С. Якубъ и др.— врачи, педагоги и родители. Подписная цѣна: на 1 годъ 3 руб.; на полгода 1 руб. 50 коп., за мѣсяцъ 30 коп. съ пересылкой и доставкой. За границу съ пересылкой въ годъ 4 р. 50 к. Адресъ редаціи г. Астрахань, Демидовская ул., д. Калинина. Подписка принимается, кромѣ того, въ г. Астрахани, въ мѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ С.-Петербургѣ: книж. магаз. Карбасникова, „Провинція", „Новое Время" и въ „Бюро газетныхъ вырѣзокъ". Надеждинская, 32. Москва: Контора Н. Печковской. Петровскія линіи. Магазинъ „Посредникъ". Петровскія линіи и др. Одесса: Книж. маг. «Трудъ», «Одесскія Новости» и магаз. Г. Распопова. Таганрогъ: Книж. магаз. Василевскаго. Казань: Магаз. «Восточная Лира». Въ друг. гор. въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ.

САНАТОРІЙ „КРЮКОВО“

Е. Н. РУКАВИШНИКОВОЙ и Н. А. ВЫРУБОВА

для нервныхъ и переутомленныхъ.

ОТКРЫТЪ КРУГЛЫЙ ГОДЪ.

Санаторій находится въ трехъ верстахъ отъ станціи «Крюково», Николаевской жел. дор.

Отъ станціи до усадьбы санаторія—собственное шоссе, красивая холмистая дорога.

Возвышенная и сухая мѣстность, обширный лиственный и хвойный паркъ на 12 десят., переходящій въ лѣсъ, на 50 десят., съ мощенными дорожками.

Въ паркѣ собственная домовая церковь. Уютный съ обиліемъ свѣта домъ, обширная гостинная, двусвѣтная столовая и проч., комфортабельная обстановка. Веранды открытыя и застекленная. Электрическое освѣщеніе. Отопленіе голландскими печами. Рѣчка, купальня. Въ паркѣ площадка для игры въ крокетъ, ляунъ-тенисъ, кегельбанъ. Особый залъ для занятій ручнымъ трудомъ. Бильярдъ. Лѣтомъ—работы въ саду и огородѣ, катанье на лодкѣ. Зимою—различнаго рода спортъ—коньки, лыжи, катанье съ горъ. Воздушныя и солнечныя ванны.

Оборудованная всѣми новѣйшими приспособленіями **водолечебница**—души Charcot съ высокимъ давленіемъ, дождевые, сѣдалищный, и проч. Sitz-Bad.

Аппараты для углекислыхъ и электрическихъ ваннъ.

Электро-свѣто-лечебница—приборы для всѣхъ видовъ электризаціи, свѣтолеченія и вибраціоннаго массажа.

Примѣненіе, въ соотвѣтствующихъ случаяхъ, методовъ **психотерапіи**—внушеніе, гипнозъ, психотерапія въ собственномъ смыслѣ, психоаналитическій методъ Freud'a, методъ перевоспитанія воли Dubois, и т. д.

Пріему въ санаторій подлежатъ: переутомленные, страдающіе неврозами (неврастенія, психастенія, истерія, навязчивыя состоянія), случаи остраго истощенія нервной системы послѣ тяжелыхъ заболѣваній, выздоравливающіе послѣ перенесенныхъ душевныхъ и тѣлесныхъ заболѣваній и хирургическихъ операцій, случаи хроническаго злоупотребленія наркотиками (алкоголь, морфій, кокаинъ), Базедова болѣзнь, конституціональныя аномаліи питанія (ожирѣніе, подагра, золотуха), малокровіе, разстройства пищеваренія.

Душевно-больные и страдающіе заразительными болѣзнями не принимаются.

Адресъ для писемъ и запросовъ: ст. „Крюково“, Московской губ., директору-распорядителю А. Г. Хрущову.

Адресъ для телеграммъ: „Крюково“, Санаторій.

Телефонъ съ Москвой.

Врачи санаторіи д-ра Ю. В. Каннабихъ и Г. С. Чернорукъ.

Директоръ санаторіи д-ръ мед. Н. А. Вырубовъ (Москва, Тверская, 68. Тел. 108—41).

Москва, Типографія Окружного Штаба, Остоженка, д. воен. вѣдомства.